Образовательное частное учреждение высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

На правах рукописи

Комкова Нина Илькамовна

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Б. В. ШЕРГИНА

10.02.01 – русский язык

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидатафилологических наук

Научный руководитель:
Ломакина Ольга Валентиновна,
доктор филологических наук

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ 12

1.1. Северный текст как феномен культуры, литературы, языка 12

1.2. Роль творчества Б. В. Шергина в репрезентации Русского Севера 18

1.3. Языковые особенности художественной прозы Б. В. Шергина 24

1.4. Лексико-фразеологическое пространство языка писателя (основные направления исследования) 29

Выводы по первой главе 36

Глава 2. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОЗЫ Б. В. ШЕРГИНА 39

2.1. «Поморьска говóря» как источник лексикона писателя 39

2.2. Лексические средства типизации поморской речи 55

2.3. Употребление окказиональных лексических единиц 67

2.4. Стилистически дифференцированная лексика 78

2.5. Лексические репрезентанты концептосферы Русского Севера 95

Выводы по второй главе 120

Глава 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОЗЫ Б. В. ШЕРГИНА 127

3.1. «Поморьска говóря» как источник фраземикона писателя 127

3.2. Употребление окказиональных фразеологических единиц 142

3.3. Стилистически дифференцированная фразеология 151

3.4. Употребление пословиц, крылатых выражений и афоризмов 156

3.5. Фразеологические репрезентанты концептосферы Русского Севера 173

Выводы по третьей главе 184

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 187

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 196

ВВЕДЕНИЕ

Непреходящий и неизменно высокий вот уже почти столетие интерес читателей и исследователей к художественной прозе Б. В. Шергина можно объяснить не только самобытным содержанием, отражающим жизнь и культуру Русского Севера, а также глубоко философским смыслом его произведений, но и оригинальным, неповторимым языком, которым они написаны. «В рамках национальной языковой картины мира помимо компонентов общенационального характера выделяются те, которые ограничены определёнными параметрами, в частности – территориальными. В таком случае речь идёт о региональной картине мира, характеризующей определённую территорию (регион) во всём объёме свойственных ей черт» [Максимчук, 2016, с. 157]. Расширение знаний о Русском Севере как примере региональной картины мира возможно посредством изучения языка Б. В. Шергина.

Идиостиль прозы Б. В. Шергина, будучи относительно новым объектом филологического анализа, занимает стабильное место в исследованиях последнего десятилетия как литературоведческой направленности (О.И.Воробьева, Е.Ш. Галимова, А.А. Горелов, Ю.И. Дюжев, А.И. Журавлёва, Л.В. Измайлов,И.В.Имаева, С.В. Кекова, В.А. Медкова, И.Г. Минералова, М.В.Никитина, С.В. Петухов, Р.Р.Суматохина, М.В.Хорькова, Л.И.Черемисинова и др.), так и, хотя в гораздо меньшей степени, языковедческого плана (В.С.Дегтярёва, Е.М. Зотова, О.Е.Морозова, Р.В. Попов, Т.А. Сидорова, О.А. Чагина и др.).

Интерес лингвистов к исследованию языка Б. В. Шергина закономерен. Произведения писателя и речь героев его прозы, являясь конституирующим компонентом Северного текста русской литературы, прочно ассоциируются с культурой и языком архангельских поморов как частью русской культуры и лингвистики в целом, занимают важное место в национальной русской картине мира, популярны у представителей всех поколений, трансформированы в синтетические виды искусства (кино и мультипликацию). Феномен прозы Б. В. Шергина занимает особое место как в языке русской художественной литературы, так и вообще в со-

временном русском литературном языке благодаря своему «сказовому» характеру, синтезу экспрессивности и повторяемости характерных особенностей литературного текста, его ярко выраженному составу.

На современном этапе развития лингвистики изучение языка писателя, по нашему глубокому убеждению, нужно вести, во-первых, не только с позиций коммуникативно-стилистической и/или эстетической (лингвопоэтической) интерпретации языковых средств и особенностей их использования в тексте художественного произведения, но и параметров языковой личности писателя, степени влияния его идиолекта (как носителя данного языка и лингвокультуры) на его идиостиль (как автора литературного текста); во-вторых, с учётом роли и места языковых средств в формировании не только идиостиля, но и того сверхтекста в литературе, частью которого являются произведения писателя (в данном случае – Северного текста русской литературы).

Актуальность темы исследования обусловлена фрагментарной и незначительной изученностью проблемы лексической и фразеологической организации языка художественной прозы Б. В. Шергина; востребованностью описания факторов специфичности языка писателя; особым местом идиолекта и идиостиля писателя в Северном тексте русской литературы и в современном русском литературном языке; намеченным новым ракурсом исследования лексического и фразеологического пространства прозаических произведений Б. В. Шергина, заключающимся в возможности применения комплексного описания лексики и фразеологии языка писателя для определения степени синтезированности идиолекта и идиостиля, условий их взаимовлияния при порождении качества индивидуально-авторской специфичности и сохранении этнолингвокультурной аутентичности языка автора в сверхтексте русской литературы.

Цель исследования заключается в выявлении лексико-фразеологических средств, обусловливающих специфичность языка прозы Б. В. Шергина.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) изучить особенности идиостиля и языка прозаических произведений Б. В. Шергина;

2) определить идиолектную и идиостилистическую маркированность и состав лексико-фразеологического пространства языка Б. В. Шергина в прозаических текстах;

3) установить объём, функции и особенности использования поморского говора как источника лексикона и фраземикона писателя;

4) определить лексические средства типизации поморской речи в языке художественной прозы Б. В. Шергина;

5) описать состав и способы образования окказиональных лексических и фразеологических единиц, установить их роль и место в идиостиле писателя;

6) выявить состав, функции и особенности употребления стилистически дифференцированной лексики и фразеологии в языке художественной прозы Б. В. Шергина;

7) проанализировать употребление пословиц, крылатых выражений и афоризмов: определить их функции, источники, структурные и семантические особенности в контексте «поморской прозы» писателя;

8) установить лексические и фразеологические средства и особенности репрезентации концептосферы Архангельского Севера в языке прозаических произведений Б. В. Шергина.

Объектом исследования является язык прозаических произведений Б. В. Шергина (рассказов, былей, сказаний).

Предметом исследования выступают лексические и фразеологические единицы, определяющие особенности языка прозаических произведений Б. В. Шергина как базового компонента Северного текста русской литературы.

Материалами исследования стала исследовательская картотека из свыше 1600 лексических и фразеологических единиц (диалектных, типизированных как «поморьска говóря», окказиональных, стилистически дифференцированных, прецедентных, этнолингвокультурно маркированных), полученная в результате сплошной выборки из всех текстов художественной прозы Б. В. Шергина (всего 58 текстов общим объёмом около 320 условных страниц).

Методологическая база исследования опирается на идею антропоцентризма как ведущий признак современной лингвистики, в рамках которого рассматривается языковая личность Б.В. Шергина и анализируются языковые портреты героев художественной прозы писателя, при этом учитываются постулаты функциональной лингвистики и раскрывается функциональный потенциал языковых единиц (лексем, фразеологических единиц, пословиц, поговорок, афоризмов).

В соответствии с поставленными задачами и целью в работе применялись следующие **методы исследования**: функционально-контекстуальный метод, приём сплошной выборки, метод когнитивного, лингвокультурологического и семиотического анализа, метод структурно-семантического моделирования, метод лексико-семантического анализа, описательно-аналитический метод с его основными приемами обобщения, метод количественного анализа.

Степень научной разработанности темы незначительна. Исследование вопроса начато в работах отечественных лингвистов В.С.Дегтярёвой, Е.М. Зотовой, О.Е.Морозовой, Р.В. Попова, Т.А. Сидоровой, О.А. Чагина и др.

Теоретической основой диссертационной работы послужили труды российских и зарубежных специалистов в области исследования языка и стиля художественного текста (Г.О. Винокур, Е.Ш. Галимова, И.Р. Гальперин, В.П. Григорьев, Л.Н. Дмитриевская, А.И. Ефимов, В.А. Кошелев, Ю.М. Лотман, А.Г. Лошаков, Н.Е. Меднис, Е.А. Морозкина, О.В. Мякшева, О.Г. Ревзина, В.Е. Хализев, Э.И. Ханпира, Е.А. Яковлева и др.), лексической подсистемы русского языка (О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Е.А. Земская, Е.И. Зиновьева, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Ю.А. Кузнецов, В.В. Лопатин, Р.П. Рогожникова, Л.А. Сергеева, Н.М. Шанский, Д.Н. Шмелёв и др.), русской фразеологии, паремиологии, афористики (А.Н. Баранов, Х. Вальтер, Б.Т. Ганеев, Д.О. Добровольский, Л.П. Дядечко, В.П. Жуков, Е.Е. Иванов, М.Л. Ковшова, А.В. Королькова, О.В. Ломакина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, К.П. Сидоренко, Р.Х. Хайруллина, С.Г. Шулежкова и др.).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые в славистике выполнен монографический анализ лексико-

фразеологического пространства языка художественной прозы Б. В. Шергина. Впервые изучены лексические средства и способы типизации поморской речи в литературном тексте, установлен состав и способы образования и функции окказиональной лексики и фразеологии как инструмента сотворения народной речи в языке художественной литературы, определены факторы и условия использования стилистически дифференцированной лексики и фразеологии для создания эффекта живой речи в литературном тексте.

В диссертации разработана интерпретация семантической организации и функций употребления диалектной лексики и фразеологии («поморьской говóри»), а также установлены лексические и фразеологические средства репрезентации концептосферы Русского Севера в художественной прозе Б. В. Шергина.

Положения, выносимые на защиту:

1. Идиостиль Б. В. Шергина как писателя в значительной степени детерминирован идиолектом его как носителя языка, что проявляется в крайней индивидуализации и экстериоризации содержания и формы художественной речи его прозаических произведений.

2. Структура лексико-фразеологического пространства художественной прозы Б. В. Шергина соответствует идиолектной маркированности идиостиля писателя и включает в себя шесть групп единиц: диалектных, типизированных как поморская речь, окказиональных, стилистически дифференцированных, прецедентных, этнолингвокультурно маркированных.

3. Диалектный пласт лексики и фразеологии прозаических произведений Б. В. Шергина представлен единицами «поморьской говóри», тематически дифференцируется на две макрогруппы: «Море» и «Человек» и выполняет две основные функции – индексальную (принадлежности автора к этносоциальной группе русских поморов) и этнолингвокультурную (обособления языка и культуры Поморья в локусе Русского Севера). «Поморьска говóря» является наиболее значимым источником лексикона писателя.

4. Идиостилистически значимым компонентом лексикона Б. В. Шергина является индивидуально-авторский вариант «поморьской говóри», который можно

определить как «поморский лексикон» писателя. Лексические единицы «поморского лексикона» Б. В. Шергина выступают лексическими маркерами типизации поморской речи в языке прозаических произведений писателя, которая осуществляется двумя основными способами: расширение значения (с помощью или различных коннотаций, или образования нового лексического значения); видозменение фонетического оформления, морфемного состава, отдельных морфологических характеристик лексики «поморьской говóри». Типизация поморской речи является как характерным свойством идиостиля Б. В. Шергина, так и отражением динамических процессов в лексическом составе идиолекта писателя как языковой личности, индивидуальным способом живого развития «поморьской говóри».

5. Окказиональная лексика и фразеология в художественной прозе Б. В. Шергина выполняет функцию индивидуально-авторского инструмента «сотворения народной речи» и подразделяется на три основные группы по своему предназначению (имитация живой речи поморов, типизация разговорно-просторечной манеры речи, выражение экспрессивной оценки). Способы образования окказиональной лексики различаются и реализуются в речи (расширение плана содержания слова за счёт образования нового значения, окказиональные формы слов, фонетические преобразования, аффиксальные новообразования, сложные слова и др.).Индивидуально-авторская имитация поморской лексики настолько удачна, что такого рода окказионализмы Б. В. Шергина практически неотличимы от лексики «поморьской говóри» (используются в качестве узуальных единиц в произведениях других поморских писателей).

6. Широкое использование в языке художественной прозы Б. В. Шергина стилистически дифференцированной лексики и фразеологии (разговорной, просторечной, книжной, устаревшей, профессиональной и др.) является яркой особенностью идиостиля писателя и призвано максимально полно отразить своеобразие лексико-фразеологического пространства поморской речи во всех её проявлениях и сферах использования на протяжении длительной истории жизни Русского Севера от древности до современных писателю дней. Стилистически дифференцированная лексика и фразеология используется в различных функциях: комму-

никативной (создание эффекта непринуждённого общения), номинативной, экспрессивной, стилистической (стилеобразующей) эстетической.

7. Употребление фразовых текстов (пословиц, крылатых выражений, афоризмов) в художественной прозе Б. В. Шергина носит текстообразующий либо интертекстуальный характер и призвано в первом случае маркировать содержательно-философский подтекст произведений писателя, а во втором – «приращать смысл» путём отсылки к иному тексту, апелляции к «чужому голосу» для создания либо стилистического эффекта смыслового контраста, либо аргументативного контекста. Наибольшую текстообразующую значимость имеют пословицы, состав которых отражает специфику паремиологического фонда в языке поморов, а также личный паремиологический фонд писателя.

8. Языковая репрезентации концептосферы Архангельского Севера в прозаических произведениях Б. В. Шергина конденсируется преимущественно в лексико-фразеологическом пространстве текста. Центральными концептами реконструированной в художественной прозе Б.В. Шергина концептосферы Русского Севера выступают макроконцепты «Море», «Дом», «Художество», «Мастер», «Храбрость», репрезентированные в лексико-фразеологическом пространстве языка писателя в неравновесном объёме языковых средств, но последовательно представленные в большинстве прозаических произведений. Совокупность указанных макроконцептов репрезентирует прозу Б. В. Шергина в качестве одного их ключевых компонентов Северного текста русской литературы и семантического пространства современного русского литературного языка как отражения русской национально-языковой картины мира.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что впервые выполнен комплексный анализ лексико-фразеологической подсистемы языка Б. В. Шергина на материале его художественной прозы; произведена оценка объёма, функций, особенностей использования поморского говора как источника лексикона и фраземикона писателя; установлены состав, функции и роль прецедентной и стилистически дифференцированной лексики и фразеологии в создании эффекта живой непринуждённой речи.

В диссертационном исследовании дано обоснование трактовки языка писателя как формы синтетиза идиолекта и идиостиля, предназначенной для репрезентации концептосферы Русского Севера как локуса и топоса. Впервые выделены и описаны как отдельные классы единиц в языке Б. В. Шергина лексические и фразеологические элементы типизации поморской речи, так и окказиональная лексика и фразеология.

Практическая значимость диссертационной работы заключается в возможности использования систематизированного и проанализированного материала в образовательных и научных целях, в подготовке теоретических и практически курсов по лексикологии и фразеологии современного русского языка, лингвистике текста, стилистике художественной речи, практических курсов по лингвистическому и лингвокультурологическому анализу текста, в преподавании курсов этнолингвистики, лингвокультуры Русского Севера и др.

Гипотеза исследования заключается в том, что феномен языка художественной прозы Б. В. Шергина как конституирующей части Северного текста русской литературы обусловлен спецификой лексико-фразеологического пространства прозаических текстов писателя, которое структурировано как комплекс, состоящий из четырёх основных групп (лексических и фразеологических единиц «поморьской говóри», типизации поморской речи, окказиональных, а также прецедентных и стилистически дифференцированных), предназначенный для репрезентации концептосферы писателя.

Степень достоверности и обоснованность результатов диссертационного исследования определяются использованием репрезентативным языковым материалом, включающим 1600 лексических и фразеологических единиц (диалектных, окказиональных, типизированных как поморская речь, стилистически дифференцированных, прецедентных, этнолингвокультурно маркированных) и комплексом различных методов исследования и представлением результатов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационной работы были обсуждены и приняты на заседании кафедры славянской филологии историко-филологического факультета ПСТГУ. Ре-

зультаты диссертации отражены в 12 научных публикациях, 5 из которых – в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. Положения, выносимые на защиту, отображены в научных докладах и сообщениях, репрезинтированных автором на следующих конференциях: Международная научная конференция «И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» (Казань, 2019); Международная научная конференция «Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме» (Гомель, Республика Беларусь, 2019); Международная научно-практическая конференция «Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации)» (Кострома, 2020),Международная научно-теоретическая конференция «Перспективные направления современной лингвистики» (Москва, 2020); Международная научно-практическая конференция «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен» (Нижний Новгород, 2021), Международная научно-практическая конференция V Фирсовские чтения «Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации» (Москва, 2021) и др.

Структура и содержание диссертации обусловлены кругом исследуемых проблем и отвечают поставленным целям, задачам, объекту и предмету исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, последовательно раскрывающих понятие, сущность и особенности исследуемых проблем, а также заключения, списка литературы.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретические и методологические основания исследования лексико-фразеологического пространства прозы Б. В. Шергина предполагают, прежде всего, анализ изучения литературного творчества писателя в четырёх аспектах: во-первых, с точки зрения специфики северного текста как явления языка и культуры, во-вторых, в проекции на место и роль Б. В. Шергина в литературной репрезентации Русского Севера, в-третьих, исходя из языковых особенностей художественной прозы писателя, в-четвёртых, направлений исследования лексического и фразеологического пространства литературно-художественного идиостиля.

1.1. Северный текст как феномен культуры, литературы, языка

Северный текст как культурный, литературный и языковой феномен представляет собой семиотико-культурологический объект, сформировавшийся в русской культуре на протяжении последних десяти столетий с момента первого упоминания в XIV веке о поселенцах на западном берегу Белого моря, которых начиная с XVI века называли «поморцы», а с начала XVIII века – поморы.

В понятие Северного текста входит всё культурное пространство северно-русского Поморья в целом. В этом смысле сверхтекст понимается как «котёл текстов и кодов» (по словам Ю. М. Лотмана), который объединяет в себе не только литературные произведения, но и всё письменные источники вообще [Лотманб 1996, с. 282], поскольку, по утверждению Ю. М. Лотмана, «культура в целом может рассматриваться как текст» [Лотман, 1998, с. 423]. Если Северный текст рассматривать как семиосферу, то под ним «подразумевается вся совокупность порождённых Севером или связанных с ним явлений духовной и культурно-исторической жизни, воплощённых не только в слове (устном или письменном), но и во всех творениях материальной и духовной культуры народа, во всех рукотворных семиотических системах» [Северный текст, 2017, с. 20]. Северный текст – часть русской культуры [Северный текст, 2003, с. 27], а сама по себе культура

Русского Севера является самостоятельной частью культурного пространства России [Витов, 1997; Булатов, 1999; Щуров, 2004; Калуцков, 2009; Культура Русского Севера …, 2009; Поморская энциклопедия, 2012; Шабаев, 2016 и др.]. Широкое понимание Северного текста воплощено в фундаментальной «Поморской энциклопедии» в 5 томах (2001–2016), в которой объединена и структурирована информация об истории, географии и природе, экономике и культуре, населённых пунктах и наиболее значимых людях Архангельского Севера.

Северный текст как семиосфера, порождённая единой топологической структурой – севернорусским Поморьем, не является по своей структуре гомогенным, дифференцируется на ряд «локальных сверхтекстов», наиболее значимым из которых является «Северный текст русской литературы».

По наблюдениям Галимой Е.Ш., «в последние годы в центре внимания учёных при попытках описания локальных сверхтекстов чаще всего оказывается текст в его филологическом понимании: как сознательно организованный результат речевого процесса, как мысль, облечённая в определённую форму, и в более узком смысле – как письменный источник, как речевое (а для литературоведов – как литературное) произведение» [Галимова, 2017, с. 10].

По известному определению Н. Е. Меднис, «сверхтекстом в литературе принято считать сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис, 2003, с. 105].

«Литературные сверхтексты принято дифференцировать на “городские тексты” (Петербургский текст русской литературы), “провинциальные тексты” (например, Пермский текст русской литературы и др.), “историко-культурные тексты” (например, Римский текст, Венецианский текст и др.), “региональные тексты” (Сибирский текст русской литературы и др.)» [Галимова, 2012, с. 122]. Н. Е. Меднис считает, что «наиболее проработанными в научном плане являются на данный момент сверхтексты, порождённые некими топологическими структурами – так называемые «городские тексты» [Меднис 2003, с. 99]. В то же время много-

кратно возрос интерес исследователей к региональным литературным сверхтекстам, в частности, к Северному тексту.

Изучение литературных сверхтекстов регионального характера во многом отличается от исследования городских текстов. «При рассмотрении городского текста в литературе существенна, прежде всего, опора на концептуальное представление о городе как феномене культуры» [Меднис 2003, с. 99]. «Город – это способ окультуривания и структурирования масштабного пространства, введение человеческого измерения в природный мир. Город-идея преобразовывает, преображает среду обитания специфическими средствами (архитектура, планировка и др. функционально-эстетические способы градостроительства). …В итоге город становится культурной семиосферой, не только средоточием цивилизации и культуры, но подчас и неким сакральным топосом, на который накладывается сетка символико-мифологических представлений» [Шмидт 2007, с. 2].

Региональный сверхтекст в литературе обусловлен существенно иными факторами и культурными кодами (географическими, этнографическими, историческими, мифологическими, социальными и т.д.), наделён совсем иными культурно-семиотическими свойствами, а поэтому должен изучаться, прежде всего, в плане регионального варианта национальной картины мира. «Картина мира, запечатлённая в том или ином региональном литературном сверхтексте, включает в себя совокупность ландшафтных характеристик, образов природы, человека, его места в мире, общие категории пространства, времени, движения, а также особый склад мышления. Отражая своеобразие менталитета этнокультурных групп, она оказывается связанной, с одной стороны, с индивидуально-авторским, субъективно-личностным образом мира, а с другой – с общенациональной картиной мира, и её воссоздание является одной из наиболее важных задач при исследовании феномена каждого регионального сверхтекста» [Галимова 2012, с. 123].

Для регионального сверхтекста ключевым является самоидентификация и менталитет носителей его этнокультурного локуса, в данном случае – населения Русского Севера. Культурно-историческая идентичность русских поморов как территориальной группы с течением времени стала восприниматься как этническая

общность [Бернштам 1978; Власова 2005; Ануфриев 2008], имеющая собственную, специфическую, «поморскую картину мира», на основании саморефлексии которой сформировалась «поморская идея» [Тулаева 2009], положенная в основу неудавшегося в юридическом поле самоопределения современных поморов как одного из коренных малочисленных северных народов Российской Федерации (так называемый «поморский диспут» 2008 и 2012 гг. [Шабаев, Задорин 2013]).

Не каждый регион приобретает значимость топоса, а значит, порождает региональный сверхтекст в литературе. Возникновение всякого регионального сверхтекста всегда обусловлено, во-первых, статусом самого локуса, его уникальностью как в историко-социальном, так и географическом плане, его исключительности в культурном и языковом пространстве, а во-вторых, наличием потребности в его осмыслении и художественном воплощении как территории (локус), занимающей особое место (топос) в национальной истории, культуре и литературе.

«За каждым сверхтекстом следует видеть единый полиструктурный, полиаспектный семиотический объект описания и интерпретации (локус, личность, событие, артефакт, персонаж, сюжет и пр.), обладающий высокой социокультурной значимостью, богатейшей смысловой импликативностью, способностью непрерывно коммуницировать и генерировать смысло-ценности, связанные с особенностями бытия данного объекта-субъекта, его сущностью, тем самым мотивировать и стимулировать текстопорождающую творческую деятельность многих авторов. У локальных сверхтекстов таким объектом выступает определённый локус, концептуально-символическая сфера которого, собственно, и становится для того или иного сверхтекста его смыслогенерирующим источником. В нашем случае – это Русский Север, взятый в совокупности всех своих аксиологически значимых измерений – языкового, географического, идеологического, историко-культурного, этнокультурного, духовно-культурного, культурно-ландшафтного, символического, персонического, мифологического, мифопоэтического, геопоэтического, линвокультурологического, имагологического» [Лошаков 2017, с. 35].

Осознание Русского Севера и севернорусского Поморья как его части в качестве уникального региона, не сводимого к понятию «провинция», начало формиро-

ваться постепенно в русском национальном самосознании, начиная с Петровских преобразований России, в которых Архангельский Север занял заметное место благодаря корабельному делу и мореплаванию. Становление представления о Русском Севере как одной из важнейших частей России и составляющей традиционной русской культуры (прежде и более всего русского фольклора) окончательно завершилось во второй половине XIX века, когда оказалось, что древние киевские былины сохранились в первозданном виде только в севернорусской устной народной традиции. Современный взгляд на Русский Север более чем иллюстративен: «Поморье – это душа России, то запредельное северное пространство, где вопрошаются и разрешаются все последние вопросы русской идеи, где обнажаются все глубинные, потаенные задания русской истории, где Промысел Божий о России явлен в чистейшем, беспримесном цвете и свете» [Теребихин 2006, с. 71].

Не менее важным для формирования сверхтекста является наличие мифологизированности его локуса. Началом формирования так называемого «северного мифа» стали «описания Севера в древнерусской словесности (начиная с «Повести временных лет», где встречается эпизод «посещения Новгорода апостолом Андреем Первозванным»). Русский Север представлен и в древнескандинавских сагах» [Джаксон 1988; Захарова 2011]. Геокультурной основой возникновения «северного мифа» стала оппозиция «Север vs. Юг» в качестве осознания своеобразия «собственно русского начала» [Кошелев 2003, с. 10], где под Севером понималась вся Русь, противопоставленная сначала Византии, а позже Греции, Италии, Франции. В этом смысле в севернорусском локусе воплотилось всё «истинно русское» в своём чистом, изначальном виде (не изведавшем, в том числе, татаро-монгольского ига), где сохраняется и живёт сокровенная Русь. «Открытие здесь былин придало Северу ореол загадочности и превратило его в представлении широкой общественности в своеобразный заповедник и хранилище русской народной культуры» [Дранникова, Разумова 1998, с. 6]. Русский Север как локус (геокультурное пространство) и как топос (сверхтекст в литературе) приобрёл мифологическое начало, получил мифический смысл. Мифологичность Русского Севера образно представлена в известном стихотворении И. Бродского: «*Северный*

край укрой. / И поглубже. В лесу. / Как смолу под корой, / спрячь под веком слезу. / И оставь лишь зрачок, / словно хвойный пучок, / и грядущие дни. И страну заслони» («К северному краю», 1964).

Можно определить северный текст в литературе как «создававшийся на протяжении длительного времени в творчестве многих русских писателей сверхтекст, в котором запечатлён особый северорусский вариант национальной картины мира, …мифопоэтический образ северорусского мира, наделённый, наряду с индивидуальными, отражающими своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [Галимова 2017, с. 20-21]. «Специфика «Северного текста русской литературы» заключается, прежде всего, в стремлении к раскрытию и обретению своего «сверхэмпирического смысла». Познать «его сущность» возможно только в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатлённом» виде загадку русского жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [Галимова 2017, с. 21].

Особое значение в формировании Северного текста в качестве сверхтекста в русской литературе занимает фактор языка, который является основным и по праву занимает первое место среди «аксиологически значимых измерений» Русского Севера [Лошаков 2017, с. 35]. Это не случайно, поскольку именно язык в своей этноконсолидирующей функции выступает как внутренним, так и внешним фактором самоидентификации и дифференциации Русского Севера в качестве локуса в русской истории и культуре, а в качестве топоса в русской литературе. В этом смысле поморский говор выполняет дифференцирующую функцию, а языковая картина мира поморов – идентифицирующую. Изучение языковой картины мира севернорусских поморов сформировалось сегодня в отдельное направление лингвокультурологических исследований в русистике, в рамках которого развивается выявление и описание языковой репрезентации ценностных ориентиров поморов, установление языковых средств и способов концептуализации представлений поморов об объектах природы, изучение диалектной и ономастической лексики как

способа концептуализации картины мира поморов, исследование объективации картины мира поморов в тексте [Языковая картина 2010, с. 147].

Постижение, сохранение и охранение Русского Севера как культурного и языкового логоса и топоса – основополагающие темы Северного текста русской литературы, центральное место в котором по праву занимают произведения Б. В. Шергина различных литературных жанров, образующие в современной русской литературе особый вариант Северного текста.

1.2. Роль творчества Б. В. Шергина в репрезентации Русского Севера

Роль творчества Б. В. Шергина в репрезентации Русского Севера не просто велика, её можно квалифицировать как определяющую. В современных исследованиях утверждается, что «ядерная сфера Северного сверхтекста конституируется Шергинским текстом» [Галимова 2010, с. 12-13]. Тексты писателя – это «хранители духовного и материального опыта северян-поморов, источник сведений о культуре Севера» [Сидорова 2010, с. 342]. В литературно-художественной картине мира Б. В. Шергина можно выделить только один ядерный образ-концепт – это «макроконцепт “Поморье”, включающий образы-концепты “море”, “земля”, “язык”, “вера”, которые аккумулируют в себе наиважнейшие смыслы и ценности в жизни русского помора» [Зотова 2007а; Зотова 2007б; Зотова 2010а; Зотова 2010б]. В художественных произведениях и дневниках писателя исчерпывающе репрезентируются пространственно-временные характеристики образа Русского Севера (архангельского севера) [Никитина 2017, с. 231]. Однако, вместе с тем, «Северный текст Б. Шергина – поэта-мифотворца и философа Севера – это, прежде всего, «северо-морский» текст, в поэтике которого ключевое место занимает мифологический образ Белого моря (Гандвика), пред которым, как пред иконой пресветлой преображённой земли Севера, предстоял радостный, умилённый и просветлённый гений певца поморской Славы» [Мелютина, Теребихин 2013, с. 61]. Неотъемлемой частью «северо-морского» текста в художественной картине мира писателя является жизнь поморов, которая неразрывно связана с морем, определяется во всех своих ипостасях и проявлениях морем [Воробьёва 2021, с. 34],

система нравственных и культурных ценностей поморов как часть Северного текста в произведениях Б. В. Шергина [Зотова 2011, с. 239].

Роль литературного творчества Б. В. Шергина в репрезентации Русского Севера, как показывают исследования, можно представить в трёх направлениях его деятельности: как **хранителя**, как **транслятора** и как **преобразователя** информации о традиционной материальной и духовной культуре русских поморов. Характерной особенностью творчества Б. В. Шергина является то, что сам писатель, во-первых, был носителем живой народной традиции, которую описывал в своих произведениях (родился и воспитывался в живой поморской среде), во-вторых, выступал в роли продолжателя фольклорной традиции (был действующим исполнителем фольклорных текстов до того, как стал писателем), в-третьих, определил в качестве идейно-художественной установки литературной деятельности сохранение и возрождение духовной культуры русских поморов (полагал своей главной целью способствовать «вокнижение» фольклора, чтобы сохранить его для будущих поколений [Хорькова 2010, с. 157]). Роль Б. В. Шергина в русской литературе как репрезентанта Русского Севера можно считать уникальной, поскольку «он ориентировался в своём творчестве на фольклор в чистом виде, а не на ту традицию фольклоризма, которая существует в литературе» [Имаева 2012, с. 248]. Именно в фольклоре сохранялись нравственные устои, самобытные народные традиции, а также сведения об условиях жизни и особенностях повседневного быта русских поморов.

1. Роль писателя в репрезентации Русского Севера **как хранителя** информации о традиционной материальной и духовной культуре русских поморов реализуется не только в содержании автобиографических рассказов «Детство в Архангельске», «Миша Ласкин», «Рождение корабля», «Поклон сына отцу», в которых художественно воплотились воспоминания его детства. Б. В. Шергин являлся хранителем поморской культуры не только благодаря своему рождению и воспитанию в семье поморов, но и как представитель традиционной севернорусской культуры, для которого она не исчезла, как для многих других, не осталась только в далёкой исторической и личностной ретроспективе. Более чем красноречиво об

этом свидетельствует признание самого писателя о важности впечатлений и переживаний детства: «И вот ведь какое чудо! Эти впечатления и переживания отнюдь не воспоминания, отнюдь не прошлое для меня. Что было, потом лишь прибавилось к тому, что было раньше» [Шергин 1992, с. 30]. Для Шергина-хранителя традиционной устной культуры Русского Севера, почти всю жизнь прожившего в Москве вдали от родины, время как бы остановилось. «Прошлое объективировано в своем содержании и целиком определяется им, кроме того, эмоциональность и яркость детских событий, переживаний делает их вневременными. Смещение времени прошлого, настоящего и будущего подчеркивает ценность пережитой жизни отцов и дедов, которая не становится банальным воспоминанием» [Неверович 2012, с. 32]. В произведениях Б. В. Шергина прошлое и настоящее Русского Севера слились воедино, чтобы их можно было зафиксировать как целостный мир. В этом писателю помогло осознание себя как хранителя не только своих детских воспоминаний, но и всего того, что связано с культурой Архангельского Поморья, которая всегда была живой для него и жила в нём, от которой он никогда себя не отделял: «Золотое детство не воспоминания для меня, а живая реальность. Она веселит меня...» [Шергин 1992, с. 25]. Жизнь самого писателя неотделима от его произведений и отражена в них лучше и больше, чем в воспоминаниях и документах. Так, по свидетельству директора Архангельского литературного музея Б.М. Егорова, много лет изучавшего жизненный путь и творческое наследие Шергина [Черемисинова 2019, с. 325], многие «факты, которыми оперируют исследователи, фактически взяты из биографических рассказов Шергина. А они до того убедительны и сказочно правдоподобны, что невольно забываешь, что перед тобой художественное произведение» [Егоров 2018, с. 43].

2. Роль писателя в репрезентации Русского Севера **как транслятора** традиционного самосознания, смыслов и ценностей поморской культуры трудно переоценить. Исследователи отводят писателю особое место в кругу творцов и хранителей этнокультурного наследия Севера: «Борис Шергин – последний истинный Поэт, Художник и Певец морской славы Севера, который в своём жизненном художестве запечатлел религиозную и этнокультурную аксиологию Севера, особую севернорус-

скую идею, определяющую место Поморья в пространстве русского мира, во всём священном космосе русской жизни» [Мелютина, Теребихин 2013, с. 61]. «Мы не можем говорить об облике писателя Шергина, не говоря о нем как о сказочнике и сказителе, невозможно постигнуть своеобразие литературных произведений Шергина, не поняв его подхода к фольклорным текстам. Борис Шергин помнил весь свой репертуар наизусть» [Минералова, Медкова 2018, с. 17].

Значимость Шергина-транслятора устного народного творчества русских поморов весьма высоко оценивалась современниками писателя, которые предрекали произведениям Б. В. Шергина достойное место в русской и мировой литературе. Так, В.Я. Зазубрин в письме М. Горькому 21.01.1933 г. писал: «Я хочу просить Вас оказать всемерную поддержку литератору Шергину Борису Викторовичу… Человек этот обладает знаниями исключительными в области народного творчества. Сам он сказитель и скоморох (в высоком смысле этого слова). Я с наслаждением слушал его сказки, где старое замечательно смешивается с новым. Он открыл мне заново мой народ – необычно жизнерадостный, остроумный, смелый. Я убеждён, что Шергину удастся создать русского… Уленшпигеля. Наша молодая литература может обогатиться вещью необычайной силы и красоты, вещью мирового значения» [цит. по: Суматохина 2014, с. 169–170]. А ведь речь здесь шла только об одном цикле рассказов Шергина «Шиш московский», который сам писатель, как отмечают исследователи его творчества, «ценил меньше других, сокращал и отодвигал в составе сборников на последнее место» [Суматохина 2018, с. 16]. Личность и литературное творчество Б. В. Шергина как транслятора севернорусского культурного знания повлияла на многих современных ему русских писателей, среди которых Леонид Леонов [Фесенко 2015, с. 103], Юрий Герман [Дымченко 2019, с. 155-156] и др.

3. Роль писателя в репрезентации Русского Севера **как авторского преобразователя** информации о традиционной материальной и духовной культуре русских поморов трудно переоценить. Деятельность Б. В. Шергина по возрождению поморского фольклора и популяризации культуры Поморья заключалась, прежде всего, в художественном перевоплощении историко-этнографических данных, в

литературной обработке фольклорных сюжетов, в индивидуально-авторской трансформации письменных текстов и фольклорных произведений севернорусских поморов и др., что неоднократно отмечали исследователи многогранного творчества писателя. «Б. В. Шергин прекрасно сознавал всю трудность своей писательской задачи, глубоко чувствовал природу слова устного и слова письменного, многие современники, близко знавшие Шергина, отмечают поразительную его щепетильность в том, что, прежде чем «закрепить» текст сказки, рассказа или новеллы на бумаге, он должен несколько раз примерить его на аудитории в устном исполнении. И при этом текст всякий раз меняется, как бы редактируется – в зависимости от аудитории, от настроения самого рассказчика, от тех даже злободневных явлений действительности, в которой живёт человек» [Минералова, Медкова 2018, с. 16].

Применительно к литературному творчеству Б. В. Шергина основная роль писателя как преобразователя заключается, на наш взгляд, в его способности не только пересотворять, но и переодухотворять всё то, чему он посвящал свои произведения. Б. В. Шергину был ведом иной, выходящий за пределы обычного восприятия действительности взгляд на мир и на людей в мире, дарованный удивительным свойствам ощущения и осмысления писателем всего того, что его окружает и рождается внутри, что осознаётся **как настоящее**. Наиболее точно такое восприятие изображает сам Б. В. Шергин в своих дневниковых записях: «Со мною не раз бывало такое: в городе ли, в старом проулке, в деревне застигнет тебя, обнимет некое сочетание света и теней, неба и камня, дождя и утра, перекрёстка и тумана… и вдруг раскроются в тебе какие-то тайновидящие глаза» [Шергин 2009, с. 135]; «В такие минуты ум становится широким и ясным, мысль дальновидной… Потом опять тянулись дни и месяцы обычного житья-бытья… И я отчётливо понимал, что многолетнее моё житьё-бытьё проходит как бы в комнате без окон. И я не сознаю этого. Может, и окна есть, но мне они ни к чему, вроде украшения. И вот окно отворилось-распахнулось, и я узнаю, что есть иной мир, иное сознанье, иное бытие – настоящее» [Шергин 2009, с. 98]. Такое удивительное состояние души, по меткому определению ряда исследователей творчества

Б. В. Шергина, можно квалифицировать как «одухотворение повседневности», как сплавление «быта и бытия» [Измайлов, Кекова 2019, с. 73], которое позволило писателю не только переформатировать уже известные знания о жизни северно-русского Поморья, но и создать новый, уникальный формат репрезентации Русского Севера в русской литературе.

Наиболее наглядно шергинский формат преобразования-одухотворения действительности путём поиска и демонстрации «настоящего бытия» Русского Севера выявляется на примере репрезентации в произведениях писателя образа Архангельска – «древнего города Архангела» [Галимова 2017, с. 291-300]. Достаточно сравнить описание Архангельска в прозе Б. В. Шергина и в очерках известного русского этнографа-беллетриста С.В. Максимова (1831–1901). Так, Архангельск у С.В. Максимова, который целый год провёл в путешествии по Русскому Северу (в 1856–1857 гг.), описывается следующим образом: «Видел я одну бесконечно длинную улицу с каменными и деревянными домами в начале… почти единственную улицу города, тянувшуюся версты четыре, а, может быть, и пять вёрст, вблизи от набережной… Немецкая слобода в одном месте пересекается городским садом, небольшим, чахлым, редко посещаемым; со многих сторон тянутся значительной величины пустыри за длинными безобразными заборами и без этих заборов…» и т.д. [цит. по: Максимов 1984, с. 530–533]. Другими красками описывает Б. В. Шергин Архангельскую землю: «На берегу и у торгового звена много каменного строенья, а по улицам и концам город весь бревенчатый. У нас не любят жить в камне. В сосновом доме воздух лёгкий и вольный. Строят в два этажа, с вышками, в три, в пять, в семь, в девять окон по фасаду». А «возле домов обегают по всему городу из конца в конец широкие тесовые мостки для пешей ходьбы», по которым «век бы бегал», потому что «ступанье по доскам расходится по дереву, оттого никогда не устают ноги по деревянным нашим мосточкам». В городе над Двиной набережные «покрыты кудрявой зеленью. Тут берёзы шумят, тут цветы и травы сажены узорами» и т.д. (Шергин Б. В. «Двинская земля»). «А на берегу громоздятся приземистые башни и стены древнего Гостиного двора. Бесконечные сени с неожиданными переходами и поворотами, сводчатые горни-

цы, узкие оконца. Тяжкие двери с железными узорами. В двадцатом столетии здесь всё было так, как было в веке шестнадцатом. Зодчество суровое и простое – и в то же время сказочное и таинственное. А в оконца, сколько ни выглядывай – нежный туск северного неба, сребро-свинцовые волны, белые чайки» [Шергин 1990, с. 391]. Образ «Архангельского города», благодаря его пересотворению, «преобразованию-одухотворению» Б. В. Шергиным, раскрывается в отличие от выразительно бытописательской манеры С.В. Максимова в своей внутренней, сокровенной сущности.

1.3. Языковые особенности художественной прозы Б. В. Шергина

Прозаические произведения Б. В. Шергина помимо их огромной роли в репрезентации Русского Севера отличаются ещё и своими неповторимыми языковыми особенностям. Язык писателя без преувеличения представляет собой уникальное явление не только в русской литературе, но и в русском литературном языке, в силу чего заслуживает глубокого и разностороннего изучения.Согласимся с мнениемЕ. Г. Озеровой, Е. С. Казютиной, И. А. Лютых, что «художественно порождённый и стилистически обработанный материал писатель генерирует в соответствии со своим видением и оценкой действительности» [Озерова, Казютина, Лютых 2020, с. 106].

Следует отметить, что наиболее значимые исследования языка и стиля художественных произведений Б. В. Шергина в отечественной лингвистике характеризуются концентрацией основного внимания лингвистов на описании языковой картины мира поморов [Сидорова 2010, с. 350] и её репрезентации в языковой картине мира писателя [Зотова 2010в; Зотова 2013]. Отдельному рассмотрению подвергались концепты «Море», «Земля», «Язык», «Вера» как компоненты макроконцепта «Поморье» [Зотова 2007а; Зотова 2007б; Зотова 2010а; Зотова 2010б], как составляющие «когнитивного стиля Б. Шергина» (на примере концепта «Море») [Сидорова 2020, с. 74]. Спорадически исследовались сравнения как одно из языковых средств репрезентации картины мира писателя [Морозова 2020], коммуникативная организация текстов Б. В. Шергина [Зотова 2009], употребление

диалектизмов («поморьской говóри», региональной лексики) в художественных произведениях писателя [Дегтярёва 2016; Попов, Трифан 2018], текстообразующая роль лексики отдельных тематических полей (на примере арктического мореплавания) [Дегтярёва 2018а], стилистический аспект жанра эпидиктического сказа у Шергина [Дегтярёва 2018б]. Этим, в основном, ограничивается проблематика лингвистического изучения языка писателя. Как можно видеть, многие аспекты языка Б. В. Шергина, в том числе его художественной прозы, требуют своего исследования.

Языковые особенности художественной прозы Б. В. Шергина изучены на сегодняшний день далеко не в полной мере. Однако можно выделить те из них, которые были определены и с различной степенью глубины лингвистического анализа описаны в предыдущих исследованиях. К особенностям языка писателя можно отнести, во-первых, использование «поморьской говóри», во-вторых, фольклорный характер литературного языка, в-третьих, создание эффекта «живого слова», в-четвёртых, образность речи.

1. Использование «поморьской говóри». Наиболее заметной и наиболее изученной особенностью языка литературных произведений Б. В. Шергина является широкое обращение писателя к такому диалектному источнику, как **поморский говор** – народный язык севернорусских поморов, или «поморьска говóря», которая составляет, используя современную терминологию, «языковой бренд» шергинского литературного творчества. «В сказовом повествовании Б. Шергина слово северного русского говора имеет зрительный образ, фиксируется графически, становится привычным стилистическим средством» [Дегтярёва 2016, с. 46]. «Поморьска говóря» в произведениях писателя используется, как отмечают исследователи, преимущественно для речевой характеристики персонажей – натуральных поморов или выходцев из поморской среды, для передачи неповторимого колорита севернорусской жизни, мировосприятия поморов, условий их жизни и быта, традиций и ценностей.

Нужно отметить, что к определению роли и места «поморьской говóри» в языке Б. В. Шергина так или иначе обращается каждый исследователь его творче-

ства, однако собственно лингвистических работ, посвящённых данной проблеме сравнительно немного [Чагина 1996; Петров 2010; Дегтярёва 2016; Дегтярёва 2018; Попов, Трифан 2018]. В большинстве из них делается вывод в основном о выразительной функции диалектизмов как образного средства в структуре художественного текста. В ряде работ использование «поморьской говóри» в творчестве Б. В. Шергина рассматривается как одно из языковых средств, определяющих жанровую специфику сказа [Дегтярёва 2018].

2. Фольклорный характер литературного языка – ещё одна заметная особенность языка прозы Б. В. Шергина, основанная на «фольклоризации литературного языка». В этой связи прекрасный знаток народного слова, выходец из крестьянской семьи русского Севера, один из крупнейших представителей «деревенской прозы» в современной русской литературе В.И. Белов писал: «Фольклорное слово, несмотря на все попытки «обуздать» его и «лаской и таской», сделать управляемым, зависимым от обычного образования, слово это никогда не вмещалось в рамки книжной культуры… Помещённое в книгу, оно почти сразу хирело и блекло. Может быть, один Б. В. Шергин – этот истинно самобытный талант – сумел так удачно, так непринужденно породнить устное слово с книгой» [Белов 1982, с. 222]. Исследователи фольклорных истоков прозы Б. В. Шергина отмечали, что писатель «не просто трудился на стыке двух самостоятельных художественных систем – литературы и фольклора, он виртуозно объединял их в процессе своей работы» [Имаева 2012, с. 249]. Наиболее ярко это проявляется в литературных сказках Б. В. Шергина, язык которых воссоздаёт колорит настоящей устной речи, богатой разнообразными средствами выразительности народного языка.

Фольклорность языка прозаических произведений писателя обусловлена ещё и тем, что основным стилеобразующим фактором творчества Б. В. Шергина выступает такая жанровая форма, как «сказ – специфическая по своей интонации и стилю форма изложения фольклорных произведений (в частности, в литературных произведениях), которые воспроизводят речь произведений устной словесности» [Минералова 2016, с. 71].

Сказ и его автора (сказителя) невозможно отделить друг от друга, поэтому в прозе Б. В. Шергина, которая, по сути, является «сказовой» [Медкова, Минералова 2019, с. 148], нет стилизаторского воссоздания устного языка фольклора, но есть литературно необработанная речь, которой мастерски владел писатель, используя её для создания живого, а не рафинированного повествования.

3. Эффект «живого» слова как особенность языка художественной прозы Б. В. Шергина не создаётся писателем намеренно. Живое восприятие читателем речи шергинских текстов не является следствием их порождения в расчёте на литературный эффект. Ответы на вопрос, что и как двигало Шергиным в процессе создания литературного произведения, исследователи его творчества небезосновательно ищут в дневниках писателя и воспоминаниях о нём его современников. Так, по свидетельству Ю. Коваля, Шергин, говоря о своём писательском труде, ценил, прежде всего, не форму, а смысл: «… говор, говор, северный говор. Мысль живая, живая душа дороже всякого говора» [Коваль 1993, с. 270]. Конечно, создавая свои произведения, писатель действовал, если можно так выразиться, с оглядкой на читателя, но за счёт не литературных приёмов и стилизации речи, а содержания сообщения, которое, в свою очередь, предполагало языковую форму своего выражения.

В языке произведений Б. В. Шергина есть место и просторечию, и широко известной книжной лексике, диалектная речь и церковнославянский язык не являются чем-либо чужеродными друг другу, органично сочетаются поэтизмы и фольклоризмы, народный говор и специальная терминология. Стилистически разнородные средства вплетаются в языковую ткань повествования, создавая «живой язык, который творится здесь и сейчас», который «как явление духа не подчиняется законам времени» [Измайлова, Кекова 2014, с. 99].

4. Образность речи прозаических произведений Б. В. Шергина состоит не только в традиционном для языка художественной литературы и достаточно хорошо описанном в стилистике обращении к изобразительно-выразительным свойствам общенародного языка: тропам, образным сравнениям, красочным выраже-

ниям и др. [Ефимов 1959, с. 93]. Образность шергинского языка заключается в «**живописании словом**».

Под словесной живописью обычно понимается «словесный образ визуально воспринимаемого объекта в художественной литературе, формирующий описательный и повествовательный план индивидуального авторского стиля» [Дмитриевская 2013, с. 4]. Словесная живопись в литературном произведении «обладает способностью концентрировать смыслы, расширять свою, и без того весьма широкую, функциональность в художественном произведении, за счёт того, что является не только описательной составляющей произведения, но и элементом повествования: движущим сюжет мотивом; вбирает в себя понятие экфрасис, его функции и возможные смыслы; формирует метафорический, символический план произведения» [Минералова, Медкова 2019, с. 45].

В собственно лингвистическом смысле словесное живописание реализуется в **образности слова** как его способности вызывать в сознании носителей языка некоторый чувственный образ, зрительные, слуховые, осязательные, моторно-двигательные и другие представления об обозначаемом предмете или явлении [Колодкина 1986]. Такого рода словесная образность может быть основана как на внутренней форме слова, основанной на эмпирически воспринимаемом признаке денотата, так и на семантической двуплановости слова, переносе названия с одного объекта на другой. Оба вида словесной образности широко представлены в идиостиле писателя.

Все перечисленные выше особенности языка прозаических произведений Б. В. Шергина ни по отдельности, ни в своей совокупности не объясняют в полной мере языковую специфику идиостиля писателя. Объяснение возможно, но только в том случае, если попытаться найти одну общую цель обращения Б. В. Шергина ко всем языковым средствам, формирующим язык и идиостиль писателя. Такой целью, на наш взгляд, можно считать **обогащение языка русской литературы**, поскольку, во-первых, как писал А.И. Солженицын, «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [Солженицын 2003, с. 3], что соответствует стремлениюБ.В. Шергина

сохранить в письменной форме стремительно исчезающее устное языковое наследие севернорусских поморов, а во-вторых, обогащение русского литературного языка всегда происходило путём его коренного изменения благодаря введению новых языковых средств (как это делали М.В. Ломоносов,А.С. Пушкин и др.), что отвечает уникальной манере Б.В. Шергина синтезировать устно-разговорную и книжно-письменную формы речи в рамках своего идиостиля.

Именно языковые средства обогащения языка литературы во всём их разнообразии являются наименее изученными в прозе Б.В. Шергина и должны рассматриваться в исследовании лексико-фразеологического пространства языка писателя.

1.4. Лексико-фразеологическое пространство языка писателя (основные направления исследования)

Лингвистическое описание лексико-фразеологического пространства языка прозаических произведений Б. В. Шергина в рамках концепции «обогащения языка русской литературы» предполагает предварительное определение ряда методологически значимых направлений и принципов исследования: во-первых, ограничение в описании диалектной речи в языке художественной литературы, во-вторых, рассмотрение автора литературного произведения как языковой личности, в-третьих, применение контекстуального анализа в описании лексического и фразеологического своеобразия языка писателя.

1. Описание диалектной речи в языке литературного произведения должно основываться не только на противопоставлении «литературная vs. нелитературная форма» общенародного языка.

В современной русистике развивается положение о том, что русский язык обладает коммуникативной целостностью, т.е. общенародный язык «по мере образования его литературного варианта «вступает в высшую форму своего существования», весь целиком со всеми своими социально-функциональными компонентами, которые так же необходимы литературному варианту, как он нелитературным в составе нового целого» [Гольдин, 2000, с. 60]. В этом смысле обращение писателя к диалектному материалу следует считать не только литературным

приёмом или образно-стилистическим средством, но также и естественным проявлением индивидуальности автора как языковой личности, особенно, если данный диалект является для него родным. На это указывал В.Е. Гольдин, который считал ошибочным мнение о том, что «лишь высшая форма языка, литературная, признаётся обществом культурной, ценной, современной и уважаемой», полагал, что человек, отчуждённый от «материнского» языка (в данном случае родного диалекта), «несёт невосполнимую утрату в своём интеллектуальном и эмоциональном состоянии» [Гольдин 2000, с. 60]. Такой подход позволяет наиболее адекватно описать роль и место диалектного материала в языке художественной литературы.

В процедурном плане описание диалектной речи в художественном тексте должно основываться на общей традиции её употребления в разных литературных жанрах. Так, «использование диалектной лексики в сказовом повествовании имеет свои традиционные закономерности. Исследователи рассматривают состав диалектной лексики, определяют ее функции в художественном произведении. Учитываются способы введения диалектизмов в ткань художественного текста, степень точности отражения писателем системы говоров, которые служат средством описания той или иной местности» [Дегтярёва 2016, с. 45]. При этом принципиально важным является **ограничение в описании диалектных единиц в художественной речи**, суть которого однозначно сформулирована Д.Н. Шмелёвым: «для стилистического анализа произведения, по сути дела, безразлична та подробная, специально лингвистическая характеристика, которая может быть дана этим диалектизмам в лингвистическом исследовании» [Шмелёв 1958, с. 114].

Это означает, что при лингвистическом анализе языка художественного произведения изучение его диалектных компонентов будет плодотворным только в том случае, когда они рассматриваются в плане особенностей их употребления (состава, семантических характеристик, функций, отношения к иным языковым единицам и т.д.) применительно, во-первых, к содержанию и структуре данного контекста литературного произведения, во-вторых, к языку произведений писате-

ля в целом (к идиостилю), в третьих, к индивидуальному репертуару языковых средств данного писателя как языковой личности (к идиолекту).

2. Рассмотрение автора литературного произведения как языковой личности предполагает соотнесение всех языковых особенностей идиостиля с языковыми характеристиками идиолекта его автора как носителя языка и как коммуникатора. Как известно, в центре каждого высказывания, каждого текста находится авторское сознание субъекта, которое определяет их смысл и их словесную форму. Именно поэтому лингвистический анализ художественного текста невозможен без обращения к интенции автора, его индивидуальным особенностям как языковой личности и представителя данной лингвокультуры.

Как известно, личность автора определяет все элементы художественного текста (тему и идею, композицию и структуру, образные и языковые средства и т.д.). Автор предстаёт в литературном произведении в трёх основных своих ипостасях: как индивид (реальное лицо со своей биографией и комплексом личностных характеристик), как образ (персонаж, который изображает самого автора в виде локализации автором самого себя в художественной картине мира), как творец (субъект художественной деятельности, порождающий всё, что есть в литературном тексте, и неотделимый от литературного текста как целостной системы). Автор всегда присутствует в литературном произведении (детерминирует его содержание и форму), даже если он неизвестен читателю, что, как правило, и происходит, поскольку сама по себе фамилия автора или те или иные сведения из его биографии оказывают незначительное влияние на восприятие читателем художественного текста (в основном, представление читателя об авторе как индивиде формируются на основе прочитанного). Данный феномен получил название «**дух авторства**» [Чернец, Хализев 1999, с. 11-21]. Первая ипостась автора литературного произведения определяет две другие и проявляется в них в разной степени в зависимости от его той либо иной мировоззренческой и/или творческой установки. В комплекс личностных характеристики автора как индивида входит компонент «языковая личность», который в различной форме и в разном объёме реали-

зуется в проявлении автора как образа и как творческого субъекта в литературном тексте.

При лингвистическом анализе художественного текста на первый план выходит языковая личность его автора, поскольку известные характеристики языковой личности автора (идиолекта) позволяют установить и адекватно объяснить те или иные особенности языка писателя (идиостиля), отражённые в его текстах. И наоборот, «язык писателя может служить также и источником наших сведений о личности писателя» [Винокур 1959, с. 238]. В этой связи важным является определение параметров понятия «языковая личность» применительно к автору литературного произведения.

Языковая личность как лингвистический феномен имеет множество определений [Иванцова 2010]. Из многочисленных интерпретаций языковой личности её пониманию как автора литературного произведения наиболее перспективным нам видится подход Ю.Н. Караулова, который рассматривает конкретного носителя языка: «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 1987, с. 38], иначе говоря, «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих тестах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире» [Русский язык 1997, с. 671]. Перспективность такого подхода проявляется в том, что он позволяет, во-первых, максимально сузить понятие языковой личности, сделать его собственно лингвистическим, освободив его от иных, прежде всего, психологических и лингводидактических интерпретаций, во-вторых, придать понятию языковой личности максимально широкий лингвистический смысл, уйти от детализации её возможных ролей как носителя языка, обобщить все выявленные её типы от «диалектной языковой личности» [Иванцова 2002] до «образа автора идиостиля» (В.П. Григорьев) как языковой личности [Катермина 2016, с. 212]. Это приобретает особую важность в том случае, когда объектом исследования является языковая личность писателя,

который является носителем диалектной формы общенародного языка, активно используемой им в своих литературных текстах.

В определении параметров языковой личности автора литературного произведения большую роль играет лингвокультурологический аспект, т.е. понимание того, что понятия «языковая личность» и «языковая картина мира» связаны друг с другом, взаимодополняют и взаимообусловливают друг друга [Воркачёв 2001, с. 70]. Можно говорить о лингвокультурной языковой личности, под которой можно понимать «закреплённый в языке базовый национально-культурный прототип носителя данного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности» [Лавринова 2007]. В этом смысле писатель как лингвокультурная языковая личность реализует в своих тестах с помощью разнообразных языковых и стилистических средств (прежде всего, номинативных и экспрессивных), во-первых, культурно-исторического знания того сообщества, в котором прошла его социализация и с которым он сам себя идентифицирует, во-вторых, нормы и эталоны той этноязыковой культуры, с которой он себя отождествляет, в-третьих, законы социальной психологии той этнокультурной группы (части этноса), к которой он принадлежит.

Таким образом, «языковая личность писателя – это обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2003, с. 363] индивида как носителя языка, реализуемый посредством идиолекта в идиостиле. Поэтому «постижение сути языковой личности автора, раскрывающейся в языке художественной литературы, – это в первую очередь определение тех путей, посредством которых происходит реализация идиолектных и идиостилевых авторских интенций» [Катермина 2016, с. 210-211].

3. Применение контекстуального анализа в описании лексического и фразеологического своеобразия языка писателя основывается на том факте, что художественный текст представляет собой замкнутую систему употребления языковых единиц, которые реализуются в ней всякий раз уникальным образом и вне её не обладают той значимостью, что не только обусловливает их отбор, семанти-

ку и особенности функционирования, но и определяет восприятие содержания данного произведения в целом. В этом смысле всё произведение (его текст, условия порождения, автор как индивид и языковая личность) является контекстом употребления тех языковых единиц, которые в нём представлены. Помимо этого, как известно, любой художественный текст не является монолитным, неделимым текстовым образованием, распадается на ряд композиционных, структурных, ситуативных, речевых и др. отрезков разного объёма (от целой главы до одной реплики персонажа), которые понимаются как **контексты**. Языковые единицы в тексте не существуют изолированно друг от друга, поскольку основными свойствами любого текста являются «связность и цельность. В этой связности языковых единиц внутри текста проявляется их потенциал как элементов системы языка, реализуемый в контексте, который не рождает сам какого-либо значения языковой единицы; он лишь… даёт статус существования подлинного значения соответствующей языковой единицы» [Колшанский 2010, с. 33]. «Контекст в этом случае выступает либо как стимул использования речевого сигнала для выражения обозначаемого, либо как психологическое условие, обеспечивающее понимание данного знака в данном содержании» [Амосова 1963, с. 22].

Следует отметить, что в зависимости от избранного исследователем в качестве методологического основания для анализа литературного текста направления в лингвистике понятие контекста существенно корректируется. Так, «в рамках функциональной лингвистики учитывается зависимость языковой системы от «экологического контекста» – когнитивной системы человека (системы знаний индивида, сформировавшейся под влиянием его личностных качеств, условий и характера социализации, эмпирического опыта, познания и рефлексии и др.) и условий межличностной коммуникации» [Кибрик 2021]. «В рамках прагматической лингвистики всё внимание концентрируется на цели употребления языковых единиц и их воздействии на адресата в речевом акте, который рассматривается как лингвистическая основа прагматического контекста» [Колшанский 2010, с. 100]. «В рамках коммуникативной лингвистики под контекстом понимается «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточ-

ный для определения значения этой единицы», который дифференцируется на макроконтекст как «окружение исследуемой единицы, позволяющее установить её функцию в тексте как целом» и микроконтекст – минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т. д.» [Торсуева 1998, с. 238].

«Изучение особенностей функционирования в речи / тексте лексических и фразеологических единиц должно рассматриваться в рамках языковых отрезков, достаточных для однозначного восприятия конкретных языковых единиц, требующих лишь знаний, непосредственно относящихся к данному речевому акту» [Колшанский 2010, с. 38-39]. Необходимо учитывать то, что художественный текст в отличие от текстов различных функциональных стилей литературного языка имеет специфическое деление на такие отрезки, поскольку является реализацией эстетической функции, а не информативной. «Контекстно-вариативное членение» (термин И. А. Гальперина) предполагает выделение в структуре художественного текста таких «видов контекста (или форм речетворческих актов), как речь автора (повествование, описание, рассуждение), чужая речь (диалог с вкраплениями авторских ремарок, цитация), несобственно-прямая речь» [Гальперин 2007, с. 51].

Контекст делится на собственно лингвистический (непосредственно сам текст либо его фрагменты) и экстралингвистический (всё, что связано с порождением, восприятием и функционированием текста, включая автора текста как индивида и языковую личность). Лингвистический контекст отражает взаимодействие лексических и фразеологических единиц в тексте, которое может быть парадигматическим (тематические поля, семантические группы и т.д.) и синтагматическим (предполагающим выделение микро- и макроконтекста). Экстралингвистический контекст – это «широкий социо-историко-культурный, или «вертикальный контекст» (термин О. С. Ахмановой и И. В. Гюббенет), или информация историко-филологического характера, объективно заложенная в конкретном литературном произведении» [Ахманова, Гюббенет 1977, с. 47], «это контекст, находя-

щийся за пределами текста и позволяющий выявить его интертекстуальные связи и смысловое наполнение. Разновидностью вертикального контекста является его «глобальный» вариант, или контекст эпохи, позволяющий интерпретировать содержание произведения во всей его полноте и глубине» [Гюббенет 1980, с. 102].

Контекст выступает в качестве не только объекта, но и инструмента исследования языка художественного текста. Контекстуальный анализ делает возможным рассмотрение языковых единиц в художественном тексте одновременно в двух направлениях, как вертикальном, так и горизонтальном контексте. При этом контекст употребления лексических единиц отличается от контекста употребления фразеологических единиц, функционирование которых в тексте определяется «фразеоконтекстом», параметры которого разработаны в фразеологии на материале английского языка [Амосова 1963; Кунин 1996] и русского языка [Жуков 1986; Мелерович, Мокиенко 2008; Ломакина 2015 и др.].

Контекстуальный анализ является необходимым условием выявления особенностей лексико-фразеологического пространства художественной речи Б. В. Шергина в его прозаических произведениях.

Выводы по первой главе

1. Северный текст русской литературы ведёт свой отсчёт еще с «Повести временных лет», а его поморский вариант стал активно развиваться с момента первого упоминания в XIV веке о поселенцах на западном берегу Белого моря, которых начиная с XVI в. называли «поморцы», а с начала XVIII в. – поморы. Архангельский текст русской литературы начал своё формирование во второй половине XIX в. и продолжает развиваться по теперешний день.

Особое место в формировании Северного текста в качестве сверхтекста в русской литературе занимает фактор языка, который по праву занимает первое место среди «аксиологически значимых измерений» Русского Севера. Исследование языковой картины мира севернорусских поморов сформировалось сегодня в отдельное направление лингвокультурологических исследований в русистике, в рамках которого развивается выявление и описание языковой репрезентации цен-

ностных ориентиров поморов, установление языковых средств и способов концептуализации представлений поморов об объектах природы, изучение диалектной и ономастической лексики как способа концептуализации картины мира поморов, исследование объективации картины мира поморов в тексте.

Постижение, сохранение и охранение Русского Севера как культурного и языкового логоса и топоса – основополагающие темы Северного текста русской литературы, центральное место в котором по праву занимают произведения Б. В. Шергина различных литературных жанров, образующие в современной русской литературе особый вариант Северного текста.

2. Роль творчества Б. В. Шергина в репрезентации Русского Севера можно квалифицировать как определяющую. Ядерная сфера Северного сверхтекста конституируется шергинским текстом. Роль литературного творчества Б. В. Шергина в репрезентации Русского Севера предстаёт в трёх направлениях его деятельности: как хранителя, как транслятора и как преобразователя информации о традиционной материальной и духовной культуре русских поморов. Феномены «одухотворение повседневности», сплавления «быта и бытия» позволили не только переформатировать уже известные знания о жизни севернорусского Поморья, но и создать новый, специфический формат репрезентации Русского Севера в современной русской литературе. Роль Б. В. Шергина как репрезентанта Русского Севера можно считать уникальной, поскольку писатель ориентировался в своём творчестве на фольклор в чистом виде, а не на литературную традицию фольклоризма.

3. Проблематика изучения языка Б. В. Шергина в отечественной лингвистике ограничена двумя основными подходами – когнитивным и стилистическим. Язык прозаических произведений Б. В. Шергина изучался в плане репрезентации в них языковой картины мира русских поморов как части языковой картины мира писателя. Рассматривались концепты «Море», «Земля», «Язык», «Вера» как компоненты макроконцепта «Поморье», в том числе как проявление когнитивного стиля. Исследовались сравнения как языковое средство репрезентации картины мира писателя, коммуникативная организация текстов Б. В. Шергина, употребление «поморьской говóри» и региональной лексики в художественных произведе-

ниях, текстообразующая роль лексики отдельных тематических полей (на примере арктического мореплавания), а также стилистический аспект жанра эпидиктического сказа у Б. В. Шергина. Малоизученными являются особенности лексико-фразелогического пространства художественной прозы писателя, которые заслуживают специального исследования.

К основным особенностям языка писателя можно отнести, во-первых, использование «поморьской говóри», во-вторых, фольклорный характер литературного языка, в-третьих, создание эффекта «живого слова», в-четвёртых, образность речи. Общей целью обращения Б. В. Шергина ко всем языковым средствам, формирующим язык и идиостиль писателя, можно считать «обогащение языка русской литературы», что отвечает уникальной манере Б.В. Шергина синтезировать в рамках идиостиля устно-разговорную и книжно-письменную формы речи. Именно языковые средства обогащения языка литературы во всём их разнообразии являются наименее изученными в прозе Б.В. Шергина и должны рассматриваться в исследовании лексико-фразеологического пространства языка писателя.

4. Лингвистическое описание лексико-фразеологического пространства языка прозаических произведений Б. В. Шергина в рамках концепции «обогащения языка русской литературы» [Зализняк 2010, с. 111] предполагает, во-первых, обращение к описанию диалектной речи как идиостилистического компонента языка художественной литературы, во-вторых, рассмотрение автора литературного произведения не только как индивида, но и как языковой личности (учёт реализации идиолектных и идиостилистических интенций), в-третьих, применение различных видов контекстуального анализа в выявлении лексического и фразеологического своеобразия языка писателя.

Глава 2. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОЗЫ Б. В. ШЕРГИНА

Особенности лексического состава прозы Б. В. Шергина проявляются в пяти основных аспектах, которые можно дифференцировать по степени их значимости в формировании той специфической части словаря писателя, что делает легко узнаваемым текст каждого его литературного произведения. Это, во-первых, **«поморьска говóря»** – древний язык поморов как главный (и в лингвокультурном, и в собственном языковом плане) источник лексического пространства прозаических текстов Б. В. Шергина. Во-вторых, это **типизация поморской речи** в литературном тексте путём введения в него отдельных лексических единиц, характерных для поморских говоров и хорошо известных писателю (входящих в активный и пассивный словарный состав его идиолекта). В-третьих, это **окказиональная лексика**, используемая не только как средство выразительности и образности, но и как средство создания литературного идиостиля, близкого живой речи поморов и поморской лингвокультуре. В-четвёртых, это **стилистически дифференцированная лексика**, которая занимает в словаре писателя весьма заметный объём и используется в его произведениях как эффективное средство языковой стилизации поморской речи. В-пятых, это **лексические репрезентанты концептосферы Русского Севера**, т.е. лексические единицы, которые используются как лингвомаркёры ключевых концептов мировоззрения и менталитета севернорусских поморов.

2.1. «Поморьска говóря» как источник лексикона писателя

«Поморьска говóря» – это веками сложившаяся языковая среда поморов, самобытной и немногочисленной этнокультурной группы русского народа, которая населяла с 12 века Поморье – побережье Белого моря и устье Северной Двины, Онеги, Мезени и других рек, впадающих в Белое море. «Поморьска говóря» объединяет в себе общие и наиболее отличительные черты говоров севернорусского наречия, распространенных на территории бывшей (до 1917 г.) Архангель-

ской губернии, а также северных частях Олонецкой и Вологодской губерний. В лексическом составе «поморьской говóри» отражены древние диалекты исторического Поморья, жители которого издревле и до недавних дней считали себя отдельным народом (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. идентифицировали себя как «помор» более 6,5 тысяч человек, в том числе губернатор Архангельской области в 1996–2004 гг. А. А. Ефремов). Примечательно, что «при подготовке к проведению Всероссийской переписи населения 2010 г. в алфавитный перечень возможных вариантов ответов населения для кодирования ответов на вопросы раздела 9 Переписного листа формы Л переписи (утвержден Приказом Росстата от 27 января 2010 г. № 74), т. е. в качестве варианта для ответа на вопрос о родном языке и о владении языками, включен поморский язык (под кодом 132)» [Росстат России, 2010].

Поморы до XX века сохраняли свою самобытность и этническое самосознание, стремились обособиться от «великорусской» культуры, активно отделяя себя от остальной России. Так, М. М. Пришвин, который в 1907 г. путешествовал по российскому Северу, спрашивал коренных поморов: «Почему же вы отделяете себя от России? – говорил я. – Вы тоже русские…». Поморы ему отвечали: «Мы не от России дышим! Впереди вода, сзади мох… Мы сами по себе» [Пришвин 1987, с. 293]. «Поморьска говóря» исторически является наддиалектным образованием, поэтому относится к надплеменным восточнославянским языкам, и до сих пор недостаточно изучена в собственно лингвистическом плане. Древнее происхождение «поморьской говóри» и сохранение до сегодняшнего времени её этноконсолидирующей функции позволяет считать «поморьску говóрю» основным носителем исторического этнического сознания и глубоких культурных традиций коренного населения Русского Поморья.

«Поморьска говóря» зафиксирована в словарях обособленно от иных говоров Русского Севера. Существует пять лексикографических источников «поморьской говóри». Это «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1885) А.И. Подвысоцкого, «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» (2011) И. М. Ду-

рова, «Живая речь кольских поморов» (1979) И. С. Меркурьева, «Поморьска говóря: краткий словарь поморского языка» (2005, 2-е изд. 2006) И. И. Моисеева, «Словарь поморских речений» (2004) К. П. Гемп. Также имеются немногочисленные краткие словари, в том числе «Словарьпоморских и специальных слови выражений, объяснение собственных имёни названий» самого Б. В. Шергина в его книге «Повести и рассказы» (1984).

Всё это позволяет выделить лексический состав прозы Б. В. Шергина, который восходит непосредственно к единицам, зафиксированным в словарях «поморьской говóри», в отдельный пласт слов, который составляет основной источник лексикона писателя, квинтэссенцию лексического своеобразия и ключевой компонент языкового пространства его литературных произведений.

Лексические единицы, источником которых является непосредственно «поморьска говóря», дифференцируются в языке произведений Б. В. Шергина на ряд тематических групп, качественные и количественные параметры которых репрезентируют лексическое своеобразие прозы писателя, в том числе и в плане отражения в ней исконной поморской речи.

В результате исследования установлено, что в прозе Б. В. Шергина используются две основные (наиболее количественно представленные и разнообразные по своему составу) тематические группы лексических единиц «поморьской говóри». Это тематические группы **«Море»** и **«Человек»**, каждая из которых, в свою очередь, дифференцируется на разделы, репрезентирующие самые главные для поморов явления и характеристики моря (как центрального объекта среды обитания) и качества человека (как деятельного субъекта в его взаимодействии со средой обитания).

1**. Тематическая группа «Море»** представлена следующими основными разделами, «Морская вода», «Морской ветер», «Морское дно», «Морское побережье» «Мореплавание», «Корабль» (Таблица 1).

2. Тематическая группа «Человек» представлена следующими основными разделами: «Род занятий», «Промысел», «Время дня», «Действия и поведение человека», «Качества и характеристики человека», «Одежда», «Восприятие действительности» (Таблица 2).

Таблица 1 – Тематическая группа «Море» лексических единиц «поморьской говóри» в прозе Б. В. Шергина

Группа	*Состав*	*Примеры*
«Морская вода»	*Взводень* («высокая волна» [Шергин, с. 465], *го́ломя* («отрытое море»), *сувой* («столкновение противоположных течений, или ветра и морского течения» [Шергин, с. 474]) и др.	*Холодные ветры приходят из силы в силу. Не то что в море, а на реке на Двине такой разгуляется* ***взводень****, что карбаса с людьми пружит и суда морские у пристаней с якоря рвёт* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Когда полая вода идёт на малую, от встречи ходит волна ***сувой*** (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		О вечерней воде побежали мы с Максимом Лоушкиным в шлюпке под парусом. Правили в ***го́ломя****. Ближе к полуночи ветер упал* (Шергин Б. В. «Для увеселения»)
«Морской ветер»	*Поветерь* («попутный ветер» [Шергин, с. 469], *шелонник* («юго-западный ветер на Белом море» [Шергин, с. 475]), *всток* («восточный ветер» [Меркурьев, с. 30], *полуношник* («северо-восточный ветер» [Дуров, с. 322]), *побережник* («северо-западный ветер» [Дуров, с. 303]) и др.	*Карбас грузен, а под парусом ходко бежит. Уж от берега вёрст за пять были, и тут ветер стал чернеть. В корму поддаст* ***шелоник****, а в лицо ему* ***всток****. Волна пошла несурядна* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»)
		Весной, бывало, побежим с дедом Пафнутием в море. Во все стороны развеличилось Белое море, пресветлый наш Гандвиг. Засвистит в парусах уносная ***поветерь****, зашумит рассыпаясь, крутой взводень, придёт время наряду и час красоте* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		На третий день береговой лёд кончился, пошла раздельна льдина. Беда беду родит – встречу полунощнику из-за горы ***побережник****-ветер выскочил. Зачали друг другу в лицо мокрым снегом плевать* (Шергин Б. В. «В относе морском»)
		Зачали наши деревни на промысел снаряжаться. Тюленьи жёнки в эту пору детей народят, стада зверины на отдых повалятся, и это богатство ***полуношник*** *к нашему берегу льдинами притянет* (Шергин Б. В. «В относе морском»)
«Морское дно»:	*Корга* («подводная каменная мель» (Шергин 1984, с. 469)), *луда* («длинная каменистая мель с множеством островков, идущая у берега моря»), *ягры* («песчаные большие отмели, обсыхающие во время отлива»)	*Древнесеверная рукописная лоция не только зрительно преподносит береговые попутные приметы, но буквально ощупывает дно морское, с подводными* ***коргами****, поливными* ***лудами****,* ***яграми»*** (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»)
«Морское побережье»	*Губа* («морская бухта, залив» [Шергин, с. 466)), *кошка* («песчаная или из мелкого камня мель на взморье, обнажающаяся при отливе» [Дуров, с. 188], *лахта* («маленький залив на море» [Шергин, с. 469]), *матёра* («материк» [Дуров, с. 217]), *отмелой* («мелкий, обмелевший, неглубокий; обсыхающий во время отлива» [Дуров, с. 279]), *припой* («полоса льда, спаянного с берегом») и др.	*Тогда звери находят норы, и рыба идёт по тихим* ***губам*** (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Будто тебя, кормщик, кто за руку взял и повёл в эту маловидную ***лахту*** (Шергин Б. В. «Новоземельское знание»)
		Между ***матёрой*** *землёй и Соловецкими островами зимою ходят ледяные тороса. Ходят непрерывно, неустанно. Соловецкий трудник Ушаков водил суда меж лед бойко и гораздо* (Шергин Б. В. «Рядниковы рукавицы»)»
		Заказывая иностранцам проект промыслового судна, имел ли комитет понятие, что таковому судну не должно ни чуждаться льдов, ни бояться заходить в ***отмелый*** *берег?* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»)
		«По мелким островам и песчаным ***кошкам****, что подле моря, набегают туманы»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Сутки горой шли, други сутки – ***припаем*** *береговым. На льду и огонёк разведём, поедим и выспимся, лодочкой накрывшись* (Шергин Б. В. «В относе морском»).

Продолжение таблицы 1

Группа	*Состав*	*Примеры*
«Мореплавание»	*пружить* («заливать водой» [Шергин, с. 473]), *опружить* («опрокинуть, перевернуть что-либо» [Меркурьев, с. 272]), *относ* («всякого рода предмет, а также и промысловое судно, лишённое возможности двигаться свободно под парусом или на гребках, уносимое течением воды или ветром вместе с прибрежным льдом от берега вглубь моря» [Дуров, с. 279]), *прибежать* («приплыть на промысловом судне в безопасное для стоянки убежище» [Дуров, с. 334]), *стреж* («русло, фарватер, достаточно глубокое место в море или реке для того, чтобы плыть судном или стоять на ярусе» [Дуров, с. 393])	*Холодные ветры приходят из силы в силу. Не то что в море, а на реке на Двине такой разгуляется взводень, что карбаса с людьми* ***пружит*** *и суда морские у пристаней с якоря рвёт»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Холодные ветры приходят из силы в силу. Не то что в море, а на реке на Двине такой разгуляется взводень, что карбаса с людьми ***пружит*** *и суда морские у пристаней с якоря рвёт»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Холодные ветры приходят из силы в силу. Не то что в море, а на реке на Двине такой разгуляется взводень, что карбаса с людьми ***пружит*** *и суда морские у пристаней с якоря рвёт»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Парус оборвало, мачту сломало, руль не послушался. Положило карбас вдоль волны, бортом воды зачерпнуло. Не поспели мешков выкидать, опружило кверху дном» (Шергин Б. В. «Матвеева радость»);
		Они рассудили так: “Не мы первые, не мы последние. Мало ли нашего брата пропадает в относах морских, пропадает в кораблекрушениях”» (Шергин Б. В. «Для увеселения»)
		В устье Северной Двины много островов и отмелей. Сила вешних вод перемывает стреж-фарватер. Чтобы провести большое судно с моря к городу Архангельску или от города до моря, нужны опытные лоцманы. В старину эти водители судов назывались корабельными вожами» (Шергин Б. В. «Корабельные вожи»);
		В каждой такой бухте есть поморский стан, летний посёлок, где промышленники, прибежавшие на кораблях и пароходах с разных концов Архангельской губернии, ночевали и отдыхали» (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»).
«Корабль»	Т*елдос* (от *тёлгас* – «настил внутри судна в виде отдельных щитов» [Дуров, с. 403], *телгас* – «настил в лодке»), *корг* («штевень, нос судна» [Дуров, с. 180]), *штаг* («снасть, соединяющая мачту с форштевнем» [Дуров, с. 447]), *шить (карбас)* («скреплять набор и обшивку бортов вицею или просмоленной верёвкой вместо сколачивания их гвоздями» [Дуров, с. 444]); *кренья* («продольные брусья, прибиваемые под киль и по бокам днища судна, для удобства перетаскивания его по льду» [Дуров, с. 190], *поддон* («скелет, остов судна в начале его постройки до обшивки досками и оснастки» [Дуров, с. 308]) и др.	*Но мачту ещё сдерживает штак – снасть, протянутая от верхушки к носу. Благо ночи светлые, и мы, раздеваясь догола, по очереди лезем в ледяную воду, от носового* ***корга*** *этот* ***штак*** *отвязывать* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»)
		На островке оставалась столешница, на которой чистили рыбу и обедали. Это был ***телдос****, звено карбасного поддона. Четыре четверти в длину, три в ширину* (Шергин Б. В. «Для увеселения»)
		Мы, значит, троима срядились. Лодочку доспели на ***креньях****, погрузили дровец, хлеба, котелок, пики, обулись, оделись по-промысловому, с племенем простились и поволоклись* (Шергин Б. В. «В относе морском»)
		На веках в Мурманское становище, близ Танькиной Губы, укрылось датское судно, битое непогодой. Русские поморы кряду принялись ***шить*** *и ладить судно* (Шергин Б. В. «Круговая помощь»)
		Тогда Конон Иванович, губу закусив, поднял толстого за шиворот и огрузил в воду, чтобы его благородие прохладилось… И, опять тряхнув, бросил в карбас, ажно ***поддон*** *заговорил* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)

Таблица 2– Тематическая группа «Человек» лексических единиц «поморьской говóри» в прозе Б.В. Шергина

Группа	*Состав*	*Примеры*
«Род занятий»:	*Вож* («морской лоцман, проводник» [Дуров, с. 62]), *носник* («речной лоцман»), *юрофшшик* («главный зверопромышленник на промысле морского зверя») и др.	*– Не величайся, таракан московский! – орал Звягин. – Твой дедушка был карбасник,* ***носник****. От Устюга от Колмогор всякую наброду перевозил. По копейке с плеши брал!* (Шергин Б. В. *«Корабельные вожи»)*
		Свейский карбас – шесть рядовых, седьмой шкипер Ингвар шли в Соловецкое море. Для какой потребы шли, не ведаем. Может, что купить или продать. Будучи нетвёрды в соловецком знании, потеряли путь и пристали в Тонскую деревню. Шкипер приказал товарищам остаться в карбасе, а сам пошёл в конец деревни спрашивать ***вожа*** (Шергин Б. В. «Ингвар»)
		Остановились, глядим на своего ***юровщика****: – Егор Иванович, что велиш* (Шергин Б. В. «В относе морском»)
«Промысел»	*Ряда* («уговор, взаимное соглашение, условие по какой-либо сделке, наем рабочих, сделка о цене найма» [Дуров, с. 365]), *покрут* («артель, где хозяин предоставляет средства для промысла, а члены – труд» [Дуров]), *сряда* (от *сряжать* «снаряжать» [Дуров, с. 388]), *юрово* («залежка стад морского зверя» [Дуров, с. 451] и др.	*А Олексишко забежал на торос на высокой и вопит: – Дядя! Татка!* ***Юрово****!! О, коль велико!* (Шергин Б. В. «В относе морском»)
		Шкипер говорит: – Никакой ***ряды*** *не было. Едва мое бедное судно показалось в виду берега, русские поморы кинулись ко мне на карбасах с канатами, с баграми. Затем началась усердная починка моего судна* (Шергин Б. В. «Круговая помощь»)
		Мужская ***сряда*** *недолгая* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»)
		Отцы их по любови морскою лодьёю владели и детям то же заповедали. Кирик, старший, стал ***покрут*** *обряжать, на промысел ходить, а Олеша прилежал корабельному строению* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»)
«Время дня»	*Выть* («еда, приём пищи» [Шергин, с. 466], *упряг* («рабочее время от утра до завтрака или утреннего чая, период рабочего времени от отдыха до отдыха» [Дуров, с. 420]), *паужна* («приём пищи в 14–16 часов, между обедом и ужином» [Шергин, с. 471] и др.	*Я даве* ***упряг*** *слушала Пушкина-то. Он тяжелы мысли уводит, на скуку не молвит ничего* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»)
		Твоя дружина у меня вторые сутки по две выти в день пьет-ест! (Шергин Б. В. «Устьян и купец»)
		Братаны в дверь стучат и в стену колотятся; их только к ***паужне*** *пустили в избу* («Шергин Б. В. Грумант-медведь»)

Продолжение таблицы 2

Группа	*Состав*	*Примеры*
«Действия и поведение человека»	*Гоношить* (перен. от «заниматься кропотливым рукоделием» [Дуров, с. 82]), *натака́ть* («убеждать, надоумливать»), *обзаритьце* («соблазниться, прельститься, заглядеться» [Дуров, с. 258]) *обряжать* («снаряжать, справлять в дальнюю дорогу» [Дуров, с. 262]); *пороть* («убегать, удирать» [Дуров, с. 326]), *тулитьце* («прятаться» [Дуров, 411]), *сугон(ь)* («погоня» [Меркурьев, с. 154])	*Меня люди к Ленину **натакали**, ко Владимиру Ильичу. Говорят: Твое дело. Федосья Никитишна, изо всех начальников один Ленин может распутать…* (Шергин Б. В. «Как Федосья Никитишна у Ленина была»)
		*Поехали на оленях в уезд. На дворе уж зима. Зубов к нотариусу пошёл, долго там что-то вдвоём **гоношили**. Потом меня вызывают. Чиновник бумагу сует: – Подпишись* (Шергин Б. В. «Матвеева радость»)
		*Аграфена не удивилась, что сын не пришёл ночевать. Не очень беспокоилась и вторую ночь. "На озёрах с ребятами рыбу ловит". Через неделю она выла на весь рынок: – Дитятко Иванушко! В Датску **упорол**, подлец!* (Шергин Б. В. «Ваня Датский»)
		*Отцы их по любови морскою лодьею владели и детям то же заповедали. Кирик, старший, стал покрут **обряжать**, на промысел ходить, а Олеша прилежал корабельному строению* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»)
		*По исходе зимы, вместе с птицами, облетела Поморье весть, что варяги-разбойники идут кораблём на Двину, а **тулятся** за льдиной, ожидают ухода поморов на промысел» (*Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»)
		*Санька перчатку напялил, идёт. Куфман за ним в **сугонь**: – Не дам с выигрышем уехать! Хоть раз нажгу!* (Шергин Б. В. «Аниса»)
		*Теперь как на берег сойду! Ни погулять, ни девкам показаться. Ни котора на меня не обзадорится. – На экого винограда чтобы не **обзарилась**!* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
«Качества и характеристики человека»	*Бажёной* («уважаемый (человек)» [Дуров, с. 21], *плеша* («насмешливое прозвище плешивого, лысого человека» [Дуров, с. 302]), *полоротой* («разиня, глуповатый, недалёкий умом человек» [Дуров, с. 321]), *прихехе* (от *прихахонька* – «сожитель», *прихахотьё* – «сожитель у замужней женщины» [Дуров, с. 341]) и др.	*– Не величайся, таракан московский! – орал Звягин. – Твой дедушка был карбасник, носник. От Устюга от Колмогор всякую наброду перевозил. По копейке с **плеши** брал!* (Шергин Б. В. «Корабельные вожи»)
		*– Что я спрошу тебя, Аниса, почему ты за старого пошла? – С дику, **бажоной**. Перед подружками нать было похвастаться, что муж иностранец* (Шергин Б. В. «Аниса»)
		*Аниске с Санькой давно хорошо. Открыто с **прихехе** жоночка загуляла. Хоть день, да мой! Всякой вечер в шлюпке под парусом катаются, на угоре при публике в обнимку сидят, в ресторанчике вместе выпивают, закусывают. Аниска завсё в новых туалетах. Санька тоже вытягается. И все на их глядят, все завидуют* (Шергин Б. В. «Аниса»)
		*Аграфена стала вечером выручку подсчитывать – двадцать пять рублей лишних! Зашумела на всю пристань: – Эй, жёнки-торговки! Кто-то мне в булки двадцать пять рублей обронил! Может, инглишмен какой **полоротой**! Твенти файф рубель!* (Шергин Б. В. «Ваня Датский»)

Продолжение таблицы 2

Группа	*Состав*	*Примеры*
«Речь»	*Звягливо и рогато* («крикливо и неуклюже» [Шергин, 1984, с. 467]) и др.	*Ум веселится, вспоминая Ломоносова. Радуется мысль, соглядая его жизнь и дела. Любо говорить о Ломоносове, и если я скажу* ***звягливо*** *и* ***рогато****, ты расскажи чиновно, с церемонией* (Шергин Б. В. «Слово о Ломоносове»)
«Одежда»	*Бахилы* – «высокие кожаные сапоги на мягкой подошве, с круглыми носками, сшитые на прямую колодку, удобные для хождения по толстому льду в зимнее и летнее время, употребляются поморами на промыслах» [Шергин, с. 464], *окутка* – «одеяло, и вообще всё то, чем покрываются за время сна и для согревания от холода» [Дуров, с. 268] и др.	*Ульянкина зыбка висела на хорошей пружине. Мы дёрнем вниз да отпустим, дёрнем вниз да отпустим. Ульянка рявкнет да вверх летит, рявкнет да вверх летит. Из люльки девка не выпадет, только вся девка вверх тормашками, где нога, где* ***окутка****, где пелёнка…* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»)
		Он сдёрнул с себя всё, до последней рубахи, обрядил безвестного товарища, положил на лавку, накрыл лицо платочком, доброчестно простился и, сам нагой до последней нитки, в одних ***бахилах****, побежал к лодье* (Шергин Б. В. «По уставу»)
«Восприятие действительности»	*Блазнить* – «мерещиться, казаться, представляться» [Шергин, с. 464] и др.	*Город накрыт был белесым туманом. Но Андрей шел быстро, уверенно. Женщина едва поспевала за ним. На спуске к пристаням еле* ***блазнила*** *древняя церквица»* Шергин Б. В. «Гость с Двины»).

Распределение в прозе Б.В.Шергина лексики «поморьской говóри» по двум основным тематическим группам – «Море» и «Человек» не случайно: данные объекты, их восприятие и осмысление в неразрывной связи друг с другом являются квинтэссенцией мировоззрения и духовной культуры русских поморов, необходимым условием и повседневной реальностью поморской жизни с древнейших времён, доминантными реалиями уникальной лингвокультуры Русского Севера, нашедшими могочисленные и многообразные отражения в языке русских поморов. Поэтому эти две темы являются главными в его литературном творчестве и наиболее полно, глубоко и разнообразно представлены в лексическом пространстве языка писателя.

В гораздо меньшем объёме и качественном разнообразии представлены в прозе Б. В. Шергина другие тематические группы поморской лексики, в том числе группы «Погодные явления», «Рельеф местности» (Таблица 3).

В результате исследования установлено, что лексика «поморьской говóри» вводится Б. В. Шергиным в языковой контекст художественных произведений несколькими способами, основанными на реализации ряда следующих базовых и частных функций языка и речи:

1) коммуникативная функция,

2) познавательная функция,

3) номинативная функция,

4) метаязыковая функция,

5) эстетическая (поэтическая) функция,

6)индексальная функция (Таблица 4).

Таблица 3– Тематические группы «Погодные явления» и «Рельеф местности» лексических единиц «поморьской говóри» в прозе Б.В. Шергина

Группа	*Состав*	*Примеры*
«Погодные явления»	*Закуржаветь* – «покрыться инеем от холода» [Дуров, с. 132]; *замороз* – «зимний холод» [Дуров, с. 134], *погода* – «Плохая, неблагоприятная погода; сильный ветер с атмосферными осадками; шторм на море при северном ветре» [Дуров, с. 306], *утренник* – «утренняя изморозь перед выкатом солнца» [Дуров, с. 421] и др.	*Вот эдак пашем, копаем, сеем, смотришь – **утренник** пал, и всё пропало… Урожая нет, дак леса начнём проведывать: леса уж сколько опять поддержат* (Шергин Б. В. «Рассказ Соломониды Ивановны»)
		*В полдень займётся в синеве небесной пылающая золотом, и розами, и изумрудами заря. И день простоит часа два. Дома, заборы, деревья в прозрачной синеве, как сахарные, – заиндевели, **закуржевели*** (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		*Встанет мрачная осень. Она никогда без бед не проходит. Ударит на море **погода**, и морская пучина ревёт и грозит, зовёт и рыдает»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		*В **замороз** к полночи начнёт в синем бархате небесном пояском серебряным продёргивать с запада до востока, а с севера заподымается как бы утренняя заря* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
«Рельеф местности»	*Буево* – «открытое возвышенное место» [Шергин, с. 465], *варака* – «гора, крутой холм, скалистая гора у берега моря» [Шергин, с. 465], *оплавина* от *опловень* – «оползень», *угор* – «крутой, высокий берег реки» [Дуров, с. 416] и др.	*Быть по сему, – отвечали двиняне. – Мы явимся на Мурман раньше тебя и к троицыну дню возведём на Бусой **вараке** столп-звонницу]* (Шергин Б. В. «Гость с Двины»)
		*Бесчисленно на войны пало молодых да именитых, а мне, старой гагары, что не помереть! Удалы да пригожи безвестно кучами валяются по дорогам, а я, грязна ворона, буду шириться на славном **буеве**, под приметным вересовым кустышком…* (Шергин Б. В. «Офонина бабушка»)
		*Бесчисленно на войны пало молодых да именитых, а мне, старой гагары, что не помереть! Удалы да пригожи безвестно кучами валяются по дорогам, а я, грязна ворона, буду шириться на славном **буеве**, под приметным вересовым кустышком…* (Шергин Б. В. «Офонина бабушка»)
		Пошли мы берегом, брели водою, вязли в глинах. Лезли мы через наносный хлам, ползли по глиняным оплавинам (Шергин Б. В. «Кроткая вода»)
		*Как вода пошла на прибыль, и наше судёнко покорно плывёт в обратный путь. Верст за пятнадцать подносило к родному берегу. Видели Ненокотскую **вараку** и белый Климент на ней* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»)
		*Великое дело у нас ледоход. Иной год после суровой зимы долго ждём не дождёмся. Вскроется река, я жизнь закипит. Пароходы придут заграничные и от Вологды. Весело будет… Горожане – чуть свободно – на **угор**, на берег идут. Двина лежит ещё скована, но лёд посинел, вода проступила всюду…* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)

Таблица 4– Функции ввода лексики «поморьской говóри! в языковой контекст художественных произведений» Б. В. Шергиным

Функция	*Описание*	*Примеры*
Коммуникативная функция	В соответствии с коммуникативной функцией лексика «поморьской говóри» вводится в текст **наравне с общеупотребительными лексическими единицами**, при этом значение поморского слова не всегда мотивировано, однако часто понятно (выводимо) из контекста, хотя и может быть неточно (неадекватно) интерпретировано адресатом	*Конец апреля льдина уйдёт, а вода желтее теста, мутновата, потом и* ***мутница*** *и пенница сойдёт, и река спадёт, лето пойдёт* (Шергин Б. В. «Двинская земля») (*мутница* – «мутная вода в Северной Двине, бывающая обыкновенно перед и во время вскрытия реки (ото льда)» [Подвысоцкий, с. 94])
		А утром туман снялся, и они увидели себя на голой песчаной ***кошке****. И судно новопостроенное видать не так далеко; только стоит на другом острову за рекою»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля») (*кошка* – это не остров, а «песчаная или из мелкого камня мель на взморье, обнажающаяся при отливе» [Дуров, с. 188]
		Как мог я в точности определить место вашей стоянки? Зная, что вы ушли на юго-запад и находитесь от Пособной на расстоянии четырёхсот вёрст, я сообразил, какие бухты и заливы там имеются. А так как у меня и у Ивана Узкого один и тот же опыт и те же мысли, я знал, что он выберет эту ***лахту*** (Шергин Б. В. «Новозмельское знание») (где *лахта* – это не «бухта» или «залив» на море, а «маленький залив»)
		Ночевали мы в избушке за горой. В пятую неделю ожиданья на заре пошел я к морю глядеть корабля. Иду и чувствую, что холодно, что ветер не вчерашний. Шапчонку сорвал, щеку подставил, а ветер-то норд-ост, полуночник… Ноги будто подрезал кто-то, присел даже. Однако усилился, вылез на ***глядень****. И море увидел: белое такое… Лёд, сколько глазом достать, – все лёд. Льдины – что гробы белые. И лезут они на берег, и стонут, и гремят. Жмёт их полуночник-от…* (Шергин Б. В. «Новая Земля»), где *глядень* – это не «гора», а «скалистый, лишённый растительности утёс на морском берегу» [Дуров, с. 76]
		*Выстали на льдину, а в полуверсте зверя-то как дров! И любо на них глядеть: посередине матки лежат с робятами. Как бабы в бане, гладят их, моют, плавать учат. Ежели ребёнок капризит, мамка его и круто в море роет. Кругом, как стена нерушима, ограда крепка – самцы-****лысуны****…* (Шергин Б. В. «В относе морском»), где *лысун* – «взрослый, половозрелый тюлень»
		Лезем на юрово, по душу его морскую, рукавицами гребём, задом подхватываем, головами покачиваем – как есть тюлени! Спину ломит, колени отпали, а любо это и весело! Вот мы приехали. ***Душина*** *от них!* (Шергин Б. В. «В относе морском»), где *душина* – «зловоние, вонь, удушливый запах» [Дуров, с. 108]
		По горенкам, по сеням, по кладовкам, по лестницам, по крыльцам и полы, и стены, и потолки постоянно моют и ***шоркают*** (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *шоркать* – «скрести, усиленно тереть» [Дуров, с. 447]
		По горенкам, по сеням, по кладовкам, по лестницам, по крыльцам и полы, и стены, и потолки постоянно моют и ***шоркают*** (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *шоркать* – «скрести, усиленно тереть» [Дуров, с. 447]
		Ночью ***пала*** *непогода, шкуну закачало* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *пасть* – «начаться, наступить» [Меркурьев, с. 108]

Продолжение таблицы 4

Функция	*Описание*	*Примеры*
Коммуникативная функция	В некоторых случаях употребление лексики «поморьской говóри» создаёт проблему восприятия содержательной стороны речи, особенно в тех случаях, когда значение поморского слова не следует (не выводимо) из контекста или же может быть в данном контексте неверно (неадекватно) интерпретировано	*Стал я* ***уросить*** *и обижаться. Ну, посудите сами: этот молодой человек разбил о камни судно. Вместо того чтобы с сокрушённым сердцем помогать мне у починки этого судна, он зубоскалит с дамами, подносит им букетики* (Шергин Б. В. «Егор увеселялся морем»), где *урасить* – «капризничать» [Дуров, с. 420]
		День тогда беззакатный стоит над Новой Землей, и ночи нет ни единого часу. А мы в солнечные те ночи и сон и еду потеряли. Своих ждём, корабля ждём. Так и живём на берегу, на высоком-то ***глядень****е. Так и едим глазами край-то морюшка, откуда кораблю быть…* (Шергин Б. В. «Новая Земля»), где *глядень* – «скалистый, лишённый растительности утёс на морском берегу» [Дуров, с. 76]
		«*У иного дровишки* ***худящи****,* ***мозглящи****, не горят, а только* ***тышкаются»*** (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки») (где *худящий* «плохой» [Меркурьев, с.174], *мозглящи* от *мозглой, мозглявой* «гнилой, просыревший» [Дуров, с. 226], *тышкаться* «затухать, дымить, плохо топиться» [Моисеев, с.116])
	Проблема восприятия в художественном тексте лексических единиц «поморьской говóри» осложняется наличием у них общеупотребительных омонимов	*Есть и бани в становищах, где моются раз или два в неделю. Баню тоже зуёк обязан истопить. У иного дровишки худящи, мозглящи, не горят, а только тышкаются. Другому воду носить* ***лихо*** *из горной речки или водопада* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *лихо – «лень, неохота»* [Подвысоцкий, с. 83], «лениво» [Моисеев, с. 76], «тяжело, худо, туго» [Дуров, с. 414], ср. общеупотребительное лихо – «беда, зло, несчастье» [МАС, т. 2, с. 141]
		«*Этот Окладников «хороший» был, а случалось на* ***бедовых*** *налетать. В шапке зуек в каюту не зайди. Со старшим первый речь не заводи. Жди, когда заговорят. Самодуры бывали среди поморов-судовладельцев. Вовсе загоняют мальчугана»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *бедовой* – непостоянный, крутого нрава, раздражительный» [Дуров, с. 25], ср.: общеупотреб. *бедовый* – «1. Ничего не боящийся; бесстрашный, отчаянный. 2. Выражающий бесстрашие, отвагу» [МАС, т. 1, с. 68]
Познавательная функция	Для реализации познавательной функции лексика «поморьской говóри» вводится **в составе микроконтекстов этнокультурного содержания**, в которых писатель описывает условия жизни, особенности материальной и духовной культуры поморов	*Вода в море и в реках не стоит без перемены, но живёт в сутках две воды – большая и малая, или «****полая****» и «****кроткая****». Эти две воды – дыханье моря. Человек дышит скоро и часто, а море велико: пока раз вздохнёт, много часов пройдёт. И когда начнёт подниматься грудь морская, наполняя реки, мы говорим: «Вода прибывает». И подымается лоно морское до заката солнечного. А наполнив реки, море как бы отдыхает; мы скажем: «Вода* ***задумалась****». И, постояв, вода дрогнет и начнёт* ***кротеть****, пойдёт на убыль. Над водами прошумит слышно. Мы говорим: «Море вздохнуло». Когда* ***полая*** *вода идёт на малую, от встречи ходит волна «****сувой****»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)

Продолжение таблицы 4

Функция	*Описание*	*Примеры*
Познавательная функция	Для реализации познавательной функции лексика «поморьской говóри» вводится **в составе микроконтекстов этнокультурного содержания**, в которых писатель описывает условия жизни, особенности материальной и духовной культуры поморов	*Хуже всего **тюки отвивать**. **Тюк** – часть **яруса** океанской рыболовной снасти. В **тюке** четыреста метров длины. Тридцать связанных **тюков** составляют **ярус**, который и опускается в океан. После лова **ярус** опять **развивается** на **тюки**. Тут много дела и **зуйкам**. Тысячи лесок-**форшней**, тысячи крючков надо распутать. Руки ветром да морским рассолом ест, крючья остры, снасти мокры, скользки, **ярусу** конца нет. Сосчитайка, сколько долог **ярус**, если в **ярусе** тридцать **тюков**, а в **тюке** четыреста метров* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		*Строительный обычай в Архангельске: при закладке дома сначала утверждали окладное бревно. В этот день пиво варили и пироги пекли, пировали вместе с плотниками. Называется: «**окладно**». Когда стены срубят до крыши и положат потолочные балки, матицы, опять плотникам угощенье: «**матешно**». И третье празднуют – «**мурлаты**», когда стропила под крышу выгородят. А крышу тёсом закроют да сверху князёвое бревно утвердят, опять пирогами и домашним пивом плотников чествуют, называется «**князёво**»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		*У печи составы: основание печное называется «**нога**»; правое плечо печное – «**печной столб**»; левое плечо – «**кошачий городок**». С лица у печки – «**чело**», и «**устье**», и «подпечек», с боков «печурки» выведены теремками. А весь «**город**» печной называется «**тур**»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		*По Уйме-реке лес. Там **орды** боялись. Слыхали, что охотники **орду** находят, а какая она, не видали. Ягоды поспеют – отправимся в лес по морошку. Людно малых идёт. Вдали увидим пень сажени полторы, как мужик в тулупе: – Ребята! Эвон де орда-та! Испугаемся, домой полетим. А **орда** вся-та с фунт, вся-та с **вёкшу**, пёстрая. **Орда** не покажется людям, только собаки находят* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске») (где *орда* – «небольшой зверёк из редкого, уничтоженного сейчас вида полосатой белки» [Шергин, с. 471], *вёкша* – «белка» [Дуров, с. 47]
		*Корабли поморские в море идут, когда оно очистится ото льда. Перед походом дома – **отвальный стол**, **проводинный** обед. Накануне **зуёк** бегает, зазывает гостей. Зайдёт в избу, поклонится и скажет: – Хозяин с хозяюшкой, пожалуйте к нам на обед. Милости просим! Милости просим! Во время пированья **зуйки стольничают** и **чашничают** с шитыми полотенцами через плечо. **Стольники** режут хлеб и угощают, **чашники** разносят **братыни** с квасом и брагой. Обедает **зуек** с хозяйкой, после гостей* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		*По Мурману богато **становищами** – **фиордами**. В каждой такой бухте есть поморский стан, летний посёлок, где промышленники, **прибежавшие** на кораблях и пароходах с разных концов Архангельской губернии, ночевали и отдыхали* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)

Продолжение таблицы 4

Функция	*Описание*	*Примеры*
Номинативная функция	Для реализации номинативной функции лексика «поморьской гово́ри» вводится в текст для номинации объектов действительности **в качестве собственно поморского аналога общеупотребимой лексики**, довольна часто в переносном или в специфическом, «поморском» значении слова	***Зуёк**, или **зуй**, – наша северная птичка вроде чайки. Где рыбная ловля, где чистят рыбу, там кружатся зуйки. **Зуйками** называют в Поморье и мальчиков, идущих на Мурман в услужение – обед готовить, посуду мыть, рыболовные снасти сушить* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		***Зуёк**, или **зуй**, – наша северная птичка вроде чайки. Где рыбная ловля, где чистят рыбу, там кружатся зуйки. **Зуйками** называют в Поморье и мальчиков, идущих на Мурман в услужение – обед готовить, посуду мыть, рыболовные снасти сушить* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		***Зуёк**, или **зуй**, – наша северная птичка вроде чайки. Где рыбная ловля, где чистят рыбу, там кружатся зуйки. **Зуйками** называют в Поморье и мальчиков, идущих на Мурман в услужение – обед готовить, посуду мыть, рыболовные снасти сушить* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		*Чтобы провести большое судно с моря к городу Архангельску или от города до моря, нужны опытные лоцманы. В старину эти водители судов назывались корабельными **вожами*** (Шергин Б. В. «Корабольные вожи»)
		*В тёмную осеннюю ночь вышел Кирик на гору, на **глядень** морской…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»)
		«*Непременно на каждом корабле есть компас – “**матка**”»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
Метаязыковая функция	Для реализации метаязыковой функции употребление «поморьской гово́ри» в тексте сопровождается **пояснением значения отдельных лексических единиц** различными способами (с помощью толкования значения, описания обозначаемого фрагмента действительности, использования синонимичных слов, образных сравнений и др.).	*Самое опасное место в туманы **Горловина** – выход Белого моря в океан. Тут всегда волненье, толкунцы* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		*После обеда на **жальник** сходят (на кладбище), с родными проститься»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		*В устье Северной Двины много островов и отмелей. Сила вешних вод перемывает **стреж-фарватер*** (Шергин Б. В. «Корабольные вожи»)
		*И все встречные и поперечные отъезжающим **поветери** – попутного ветра – желают* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		*Во время стола кто-нибудь в котелок в дно постучит, скажет: – Батюшко, припади! Это просят ветра посильнее **припасть**, дунуть* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)

Продолжение таблицы 4

Функция	*Описание*	*Примеры*
Метаязыковая функция	Действительно, «именно писательский комментарий, не всегда профессиональный, позволяет точнее и органичнее авторские интенции и станет ключом к пониманию текста художественной литературы» [Ломакина 2017, с. 136].	*Лёд идёт в море* ***торосами****, стенами* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Тут ***взводень****, вал морской, горой ходит, песок со дна воротит. Кораблик в океане как чаечка маленькая. И подвигается на него «****девята****» – девятый вал, что всех больше… Вал черный, гребень белый – кружево белое на чёрном бархате* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		Тут ***взводень****, вал морской, горой ходит, песок со дна воротит. Кораблик в океане как чаечка маленькая. И подвигается на него «****девята****» – девятый вал, что всех больше… Вал черный, гребень белый – кружево белое на чёрном бархате* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
		«На шнеке, древнем беспалубном судне, ещё мой отец плавал в «Датску» – Норвегию (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
	Особенно это важно в тех случаях, когда поморская лексика является омонимичной иным, общеупотребительным лексическим единицам	*Середи города над водами ещё недавно стояли угрюмые башни древних гостиных дворов, немецкого и русского. Сюда встарь выгружали заморские “****гости****” – купцы – свои товары* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		На мурманских пихтах – утёсах – гнездятся тысячи птиц – гагар, чаек» (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
Эстетическая (поэтическая) функция	Проявляется в намеренно избыточном **надъязыковом характере употребления** в тексте «поморьской говóри», лексические единицы которой используются либо в качестве средства дополнительной номинации, либо вместо одного из компонентов составного наименования (для объекта, уже названного в речи). В первом случае имеет место двойная номинация (и общеупотребительной лексикой, и «поморьской говóрей»), а во втором – комбинированная номинация (когда одним компонентом словосочетания является общеупотребительное слово, а другим – поморское, элементом плана содержания которого является значение этой общеупотребительной лексемы)	*«Самое опасное место в туманы Горловина – выход Белого моря в океан. Тут всегда волненье,* ***толкунцы****»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки») – двойная номинация, где *толкунцы* – «(арх.) Волнение, толчея в море от столкновения двух встречных течений при начале прилива» [Самойлов, т. 2, с. 448]
		Стретенева дня дождались: стали флюгера ***полуношник****-ветер сказывать – норд-ост» (*Шергин Б. В. «В относе морском») – двойная номинация, где *полуношник* – «северо-восточный ветер» [Дуров, с. 322]
		Нету слез против матерних. Нет причитанья против вдовьего. По утренним ***лазорям*** *Аграфена выходила на морской бережок и плакала»* (Шергин Б.В. «Ваня Датский») – комбинированная номинация, где *лазори* – «утренние зори» [Шергин, с. 469]
		По мелким островам и песчаным кошкам, что подле моря, набегают туманы. Белая ***мара*** *морская стоит с ночи до полудня»* (Шергин Б. В. «Двинская земля») – комбинированная номинация, где *мара* – «(арханг.) туман в море» [Самойлов, т. 1, с. 302]

Продолжение таблицы 4

Функция	*Описание*	*Примеры*
Эстетическая (поэтическая) функция	Такое использование лексических единиц «поморьской говóри» в прозе В.Б. Шергина носит ярко выраженный надъязыковой характер, служит в художественном тексте действенным средством создания языкового колорита, близкого к типизации поморской речи	*Тысячи лесок-форшней, тысячи крючков надо распутать. Руки ветром да морским* ***рассолом*** *ест, крючья остры, снасти мокры, скользки,* ***ярусу*** *конца нет»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *рассол* или *росол* – «морская вода» [Моисеев, с. 105]
Индексальная функция	**Индексальная функция** состоит в идентификации личности отправителя сообщения или же, чаще, его принадлежности к определённой социальной группе» [Киклевич 2009, с. 7], в данном случае – писателя к поморам Русского Севера. Данная функция наиболее ярко проявляется в использовании лексики «поморьской говори» вместо общеупотребительных слов в нейтральной позиции в контексте (без какой бы то ни было содержательной нагрузки). Индексальную функцию можно выделить в качестве общей для всех единиц «поморьской говори» функции в прозе Б. В. Шергина	*Норвежане и датчане не раз пожалели, что отпустили из рук такого строителя, и не* ***однова*** *докупались до Конона, манили деньгами, но он не покорыстовался и не поехал»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где диалектное, в т.ч. поморское *однова* – «однажды, один раз» [Меркурьев, с. 100], для сравнения; общеупотребительное слососочетание:: *не один раз*)
		Осенью на островах малина и смородина, а где мох, там обилие ягод красных и синих. Морошку, бруснику, голубель, чернику собираем ***натодельными*** *грабельками: руками – долго, – и корзинами носим в карбаса* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где поморское *натодельный* – «нарочитый, для известной цели сделанный, приготовленный» от натодел – «нарочито» [Подвысоцкий, с. 99], ср. общеупотребительное – *специальными грабельками*)
Этнолингвокультурная	Индексальная функция лексики поморского говора в художественной прозе Б. В. Шергина не только детерминирует и консолидирует перечисленные выше функции употребления «поморьской говори», но и позволяет полноценно реализовать самую главную её функцию – **этнолингвокультурную**, благодаря которой язык севернорусских поморов отождествляется не только с одним из многочисленных русских говоров, но и с самобытным народом, имеющим свой топос, свою историю, свою материальную и духовную культуру, свою жизнь, а самое главное, во что безусловно верил сам Б.В Шергин, – своё будущее.	

2.2. Лексические средства типизации поморской речи

Исследователи творчества Б. В. Шергина отмечали, что «писатель далёк от натуралистического воспроизведения народной речи, он типизирует, преображает и сгущает её творческую силу» [Шульман 1983, с. 286]. На наш взгляд, наибольшее лингвистическое содержание имеет противопоставление понятий «воспроизведение» vs. «типизации» народной речи, актуальное для самого писателя. Б. В. Шергин, как известно, был знатоком и ценителем языка и стиля классической русской литературы (о чём свидетельствует как его «Слово устное и слово письменное», так и дневники писателя, изобилующие тонкими суждениями о взаимосвязи народного и литературного языка). Само по себе воспроизведение в литературном произведении народной речи является прямым подражанием ей, что не одобрялось писателем, который прекрасно различал подражание и типизацию народной речи: «Многие пишут в народном вкусе, но в больших дозах угощение это становится пресным и приторным. У Лескова несравненный вкус, Лесков никогда не свернёт на торную дорожку слащавого и банального «русского штиля», которому так легко подражать. Язык «Запечатленного ангела», «Полуночников» и (местами растянутого) «Очарованного странника» навсегда видится нам струёю чистою и живописною посреди мутноватых и подражательных и зачастую бездарных подражаний народной речи» («Из дневников»).

Типизация народной речи – это не просто копирование простонародной манеры речи или употребление различных языковых единиц, свойственных представителям определённой территориальной или социальной группы людей из числа «простого народа». Под типизацией народной речи, на наш взгляд, следует понимать использование типичных языковых средств в типичных речевых ситуациях, что подразумевает свободное владение самим автором всем репертуаром данных языковых средств во всех их функциональных качествах не только в статике (как таковыми), но и в динамике (как частью живой речи, в рамках которой

они спонтанно порождаются и перерождаются, взаимодействуя с иными средствами общенародного языка).

От употребления в произведениях Б. В. Шергина лексических средств «поморьской говóри» следует отличать введение в текст лексических единиц, характерных по своему оформлению и содержанию для поморских говоров и хорошо известных писателю (входящих в активный и пассивный словарный состав его идиолекта). Такие лексические единицы не фиксируются в словарях «поморьской говóри», поскольку представляют собой часть индивидуального словарного фонда в границах «поморской» части лексикона автора. Единицы «поморского лексикона» Б. В. Шергина можно рассматривать как **лексические маркеры типизации поморской речи** в языке прозаических произведений писателя.

В результате исследования установлено, что типизация поморской речи в художественном тексте осуществляется писателем с помощью двух основных способов: во-первых, употребление слов из индивидуального словаря писателя («поморского лексикона»), сформировавшегося на основе поморского говора; во-вторых, употребление видоизменённых в языке писателя лексических единиц «поморьской говóри». Последний способ дифференцируется на ряд разновидностей по характеру изменения формы и/или значения поморской лексики.

1. Употребление единиц «поморского лексикона» автора, которые отсутствуют в словарях «поморьской говóри», что не только является одним из основных средств индивидуализации языка произведений Б. В. Шергина, но и выступает главным фактором лингвистической и лингвокультурологической ценности его произведений, где таким образом зафиксирована и сохранена лексика Русского Севера, на сегодняшний день уже во многом утраченная. Весьма показательно, что слова из «поморского лексикона» автора вводится в текст так же, как и лексические единицы «поморьской говóри» (см. раздел 2.1), поэтому могут быть не понятны адресату (их значения не всегда выводимы из контекста), что создаёт стилистический эффект использования «особенной», севернорусской, поморской речи; «*Лес сосновый, рубили на Лае-реке, зимой, два года назад. Дерева – не кривулины, не свили, не* ***заболони*** *– настоящая корабельщина. Ноне всё пилено и тёса-*

но, мастера дожидается» (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где употребляется *заболонь*, которое не фиксируется в словарях «поморьской говóри», однако включено Б. В. Шергиным в его «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий», где объясняется как «ближайшая к коре, молодая часть древесины, превращается в годичное кольцо; заболонь, как недостаточно окрепшая часть древесины, при подборе судостроительного материала удаляется» [Шергин, с. 467); «*Но молодые бабы суть лютой враг писаной утвари. Они где увидят живописный стол, сундук или ставень, тотчас набрасываются с кипящим щелоком, с железной мочалкой, с* ***дресвой****, с песком. И драят наше письмо лютее, нежели матрос пароходную палубу»* (Шергин Б. В. «Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание»), где употребляется не отражённая в словарях «поморьской говори», но включённая Б. В. Шергиным в «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» лексема «*дресва*– камень из породы гранитов, в пережжённом и измельчённом виде употребляется для мытья полов, палубы и деревянных тротуаров; для этого раскалённые в печи камни бросают в холодную воду, отчего они становятся хрупкими, а потом измельчают до крупнозернистого песка» [Шергин, с. 467). Или также: «*Верпаховский похвалил работу и сказал: – Завтра в Морском собрании будут заседать* ***степенные****, я покажу вашу работу. И вы туда придите в полдень»* (Шергин Б. В. «Миша Ласкин»), где употребляется не отражённое в словарях «поморьской говóри», но включённое в Б. В. Шергиным в «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» лексема *степенные* – «члены правления» [Шергин, с. 474); «*А в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рождают, и воды погребают. Море поит и кормит… А с морем кто* ***свестен****? Не по земле ходим, но по глубине морской. И обща судьба всем»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *свестен* включено Б. В. Шергиным в его «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» в значении «имеет вести, знает» [Шергин, с. 473); «*Кудлатый долгобородый помор-капитан и тут не ударит в грязь лицом. Он ревёт у руля медведем на мо-*

лодых помощников: – К снастям, други, к снастям!… Что полтинники-то на меня выкатили?! Ух, коровы косые! Крепче кливер! ***Рочи*** *шкот!… Ух, карасином бы вас облить да сжечь! Ух, вы-ы!!!»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *рочить* в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснении собственных имён и названий» Б. В. Шергина квалифицировано как «мореходное» в значении «закреплять, привязывать; *рочить шкоты* – крепить шкоты» [Шергин, с. 473); «*Те выкарабкались на незнакомое место и опять* ***приправили*** *грозить и лаять: зачем стройки не видно!»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *приправить* включёно Б. В. Шергиным в «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» в значении «приняться» [Шергин, с. 472); «*И которые с Кононом Ивановичем сидели два* ***сличные*** *молодца тоже встали и поклонились»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *сличные* определено в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснении собственных имён и названий» Б. В. Шергина как «схожие друг с другом, похожие лицом, одинаковые» [Шергин, с. 473).

Далеко не все единицы «поморского лексикона» автора отражены в его же «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий. Такие лексемы, образуя поморский колорит языка произведений писателя, не всегда понятны адресату, могут не вполне правильно (адекватно) интепретироваться (пониматься) в контексте в случаях, когда отсутствуют метаязыковые маркеры их смысла. Напр.: «*А в домах у нас тепло! Хотя на дворе ветер, или туман, или дождь, или снег, или* ***тлящий*** *мороз, – дома всё красное лето!»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где употребляется лексема *тлящий* как качественная характеристика *мороза*, однако без указания или намёка в контексте на её значение (*тлящий (мороз)* – это «сильный (мороз)»?); «*Зимою наткут бабы полотен и белят на стлищах вокруг деревень. Как река шевелится, не спят ту ночь:* ***моты****, портна хватают»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где употребляется *моты* как название вида домотканого полотна, но без указания, какого именно («негрубого»?), ср. *портно* – «грубый холст деревенского тканья, мешковина» [Дуров, с. 327).

Одной из самых показательных лексических единиц, не отражённых в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснении собственных имён и названий» Б. В. Шергина, а также не зафиксированных ни в одном из существующих словарей «поморьской говóри», является лексема *художество*, которую писатель неоднократно употребляет в прозаических произведениях (более 30 употреблений) и прямо указывает в значении «судостроение» на её поморское происхождение: «*Новгородцы и дети их, архангельские поморы, науку мореплавания называли «морское знание», а судостроение обозначали словом “**художество”**»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»). При этом Б. В. Шергин ссылается на найденные им старинные письменные сборники поморов, откуда позаимствовал данное слово в таком значении: «*Автор “Малого Виноградца” характеризует «судостроительное**художество**» Ушакова* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); «*Фёдор Вешняков приводит такой факт: У допросу от коммерц-конторы: куда которые суда ходили, я и похвалился своеручным чертежом. Да и ушаковский объявил, Новоземельской. Господин Присутственный смолчал, а конторские опосле говорят: Дляприезду господина члена, ты бы постыдился карбасное-то**художество** казать. Соблюдал бы в сундуке»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава») и т.д.

Единицы «поморского лексикона» автора, которые не отражены в его «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» [Шергин 1984], не следует квалифицировать как окказиональные (см. раздел 2.3), поскольку они – часть идиолекта писателя как языковой личности, поэтому выступают результатом динамических процессов в подсистеме лексических единиц севернорусского поморского говора, ярким представителем которого является Б. В. Шергин.

В ряде случаев единицы «поморского лексикона» писателя являются омонимичными лексике «поморьской говóри», однако не образованными от неё автором путём расширения лексического значения и дальнейшего обособления в новом качестве (см. ниже), а вполне самостоятельными словами. Напр.: «*Трое молодых ребят на лодье повадились тайно пробовать пьяное пиво, которое хранилось в бочке на случай праздника. Маркел это заметил, позвал ребят к себе в **казёнку**и*

говорит: – Ребята, что-то вы поблекли. Чем вас развеселить? Или пивком угостить» («Пиво» («Рассказы о кормщике Маркеле Ушакове»)»), где употребляется *казёнка* – «каюта на судне, в которой помещался или хозяин или кормщик», отмеченная Б. В. Шергиным в его «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» [Шергин, с. 468), ср. в словарях «поморьской говóри»: *казёнка* – «1. Казённая винная лавка. 2. Водка и всякое вино государственных винокуренных заводов, продаётся через винные государственные магазины» [Дуров, с. 159).

Встречаются также случаи омонимии лексики «поморского лексикона» писателя и общеупотребительной лексики. Напр.: «*А не залюбит море, бьёт человека да укачивает, тому не с жизнью же расстаться. Не все в одно* ***льяло*** *льются, не все моряки. Людно народу на лесопильных заводах работает, в доках, в мастерских, на судоремонтных заводах, в конторах пароходских»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где употребляется *льяло* – «приспособление для литья пуль», отмеченное Б. В. Шергиным в его «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» [Шергин, с. 470), ср. общеупотребительное *льяло* – «1. Металлическая форма для отливки металла в виде слитка; изложница. 2. Жёлоб вдоль борта судна в нижней части трюма для стекания воды» [МАС, т. 2, с. 208].

При этом обе омонимичные лексические единицы могут одновременно употребляться в языке произведений Б. В. Шергина, что усиливает контраст поморской речи в языковом пространстве художественного текста. Напр.: «*Однако и Пушкин знат свою* ***очередь****. Он не хочет навыкнуть срам терпеть. А некуда на царя просить»* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»), где употребляется поморское *очередь* – «степень, чин» [Шергин, с. 471), ср.: «*Кавалер-от был стрелять горазд, пустил пулю не в* ***очередь****, отшиб звезду от месяца, убил соловья в саду. Упал наш Олександрушко, за ёлочку захватился»* («Пинежский Пушкин»), где общеупотребительное *очередь* – «2. Наступившее для кого-л. согласно очерёдности время, момент для совершения какого-л. действия» [МАС, т. 2, с. 732]; «*В Морском собрании сидят* ***степенные****, и перед ними наша новенькая книга»* (Шергин Б. В. «Миша Ласкин»), где

употребляется поморское *степенный* – «член правления» [Шергин, с. 474), для сравнения: «***Степенный*** *Воробьев, старичище с грозной бородищей, сказал: – Молодцы, ребята! Возьмите и от нас хоть малые подарочки»* (Шергин Б. В. «Миша Ласкин»), где *степенный* может пониматься как в своём поморском значении, так и в общеупотребительном – «1. Рассудительно-серьезный, отличающийся основательностью поступков, достоинством поведения. 2. Благопристойный, производящий положительное впечатление. [МАС, т. 4, с. 261].

Заслуживают отдельного упоминания единицы «поморского лексикона» Б. В. Шергина, образованные по продуктивным деривационным моделям слов «поморьской говóри»: «*Конец апреля льдина уйдёт, а вода желтее теста, мутновата, потом и мутница и* ***пенница*** *сойдёт, и река спадёт, лето пойдёт»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *пенница* – «пена на поверхности реки во время и сразу после ледохода и разлива» образовано по продуктивной модели типа *мутница*, *снежница*, *корневица* и т.п. [Моисеев, с. 93] и т.д.

Употребление лексических единиц индивидуального словаря писателя, сформировавшегося на основе поморского говора, является характерной особенностью лексико-фразеологического пространства языка произведений Б. В. Шергина, однако уступающей в количественном отношении употреблению видоизменённой в языке писателя лексики «поморьской говóри».

2. Употребление видоизменённых единиц из лексического словаря «поморьской говóри», которые подвергаются изменению своего содержания и/или формы (фонетической, морфемной, морфологической).

2.1. Расширение плана содержания слова «поморьской говóри» (с помощью или различных коннотаций, или образования нового лексического значения, в том числе переносного).

2.1.1. Коннотация – образование контекстуально-обусловленного оттенка значения (в том числе переносного) лексических единиц «поморьской говóри». Напр.: «*Как-то в обед сижу я, отдыхаю под берегом: чайки кричат, рыбу промышляют. Меж седого камня синий колокольчик, незабудки. Вдруг слышу смех: Коля с Варей собирают по* ***угору*** *шиповник на букет. Она боится осту-*

питься, он её за руку содержит» (Шергин Б. В. «Егор увеселялся морем»), где *угор* употребляется в значении «возвышенный, гористый берег, не затопляемая приливом часть берега» [Шергин, с. 475], ср.: *угор* «1. Крутой высокий берег реки. 2. Бугор, холм. 3. Склон от вершины к подошве береговой возвышенности или холма» [Дуров, с. 416]; «*На отъезде неведомо как Иван* ***вередил*** *свои серебряные часы» (Шергин Б. В. «Золотая сюрприза»)*, где употребляется *вередить* в переносном значении «повредить», ср.: *вередицце* – «ушибиться, пораниться» [Моисеев, с. 45]; «*Если у мастера рука лёгкая и он строит корабли, какие море любит,* ***походливые*** *и поворотливые, такого строителя заказчики боем отбивали, отымом отымали; ежели занят, то, словом заручившись, по три года ждали»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *походливый* употребляется в значении «быстроходный», ср.: *походливой* от *походить* «2. Идти, пойти, отправляться» [Подвысоцкий, с. 135]; «*Выстали на льдину, а в полуверсте зверя-то как дров!»* (Шергин Б. В. «В относе морском»), где *выстать* в значении «высадиться», ср.: *выстать* от *выставать* – «подниматься, всходить, взлезать», а также *выстать в гору* – «подняться на берег» [Подвысоцкий, с. 26], где *гора* – «1. берег моря или реки», *выйти на гору* – «сойти на берег» [Подвысоцкий, с. 33].

2.1.2. Образование нового значения у лексических единиц «поморьской говóри». Напр.: «*Около крайних домов бывали «****обрубы****» – <u>бревенчатые городки: обороняют от больших весенних льдин»</u>*(Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *обруб* употребляется в новом значении (которое, как правило, репрезентируется в контексте), а не в том, в котором лексема *обруб* фиксируется в словарях «поморьской говóри», ср.: «1. Сруб из деревянных брусков, бревен или горбылей, опускаемый в ямы, предназначенные в доме для подполья, в леднике для льда, срубы для фундамента строения, врываемые в землю. 2. Место сруба. 3. Сруб в несколько рядов из сухоподстойного леса, специально изготовляемый для перевозки на буксире по морю шпал с места заготовки к бирже перегрузки; обычно на такой обруб помещается до 500–600 штук шпал» [Дуров, с. 262]. Другой пример приведём здесь: «*Спокойно вам, дети* ***постановных*** *матёрых берегов; беспечально вы ходите плотными дорогами. А в нашей стране – вода начало и вода конец»* (Шер-

гин Б. В. «Двинская земля»); «*Дом построят – как колечко сольют; однако слаба почва только на мхах, а у старого города, к реке, грунт твёрд и* ***постановен»***(Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *постановный* употребляется в новом значении «неподвижный, незыблемый», которое никак не мотивировано его обычным значением в «поморьской говóри», ср.: «степенный, благоразумный» [Подвысоцкий, с. 163], «степенный – член правления» [Шергин, с. 474]. Также в переносном смысле: «*По зиме, по белому снегу Красная Армия выдула фашистскую* ***душину*** *из Корелы»* (Шергин Б. В. «Золотая сюрприза»), где *душина* употребляется в значении «гадина» (на основании созвучия со словом *гадина* в составе широко известного сочетания *фашистская гадина*, используемого в популярных во время Великой Отечественной войны призывах типа *«Раздавим фашистскую гадину!»*) и образовано путём метонимического переноса от поморского *душина* – «зловоние, вонь, удушливый запах» [Дуров, с. 108].

Лексические единицы, образованные от слов «поморьской говóри» в результате возникновения нового значения, могут употребляться в языке прозы Б. В. Шергина одновременно со своими прототипами, что делает результаты типизации писателем поморской речи неотличимыми от ее самой «поморьской говóри». В этом случае авторская типизация поморской речи в художественном тексте приобретает характер дальнейшего развития «поморьской говóри» как одного из севернорусских говоров. Так, лексема *распута* употребляется в прозаических произведениях Б. В. Шергина как в своём обычном значении «бездорожье, распутица» [Меркурьев, с. 132], характерном для «поморьской говóри»: «*День за днем, мрачно время приходит, осень,* ***распута»***(Шергин Б. В. «Аниса»), так и в новом значении «ледоход», характерном для «поморского лексикона» писателя, активно используемого для типизации поморской речи в художественном тексте: *Не на час, не на неделю – на век строил мастер Конон Тектон! В то время* ***распута*** *прошла и ожили реки»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»); «*Назавтра с Мишей Ласкиным стряслась оказия. Он для спешных дел побежал к отцу на судно. У отца заночевал, а ночью вешняя вода сломала лёд, и началась великая* ***распута****. Сообщения с городом не стало»* (Шергин Б. В. «Миша Ласкин); «*Весною*

был получен вызов из России, и на первых кораблях, по ***распуте****, поплыл счастливец в Россию»* (Шергин Б. В. «Слово о Ломоносове»), где предлог *по* в значении «после» и т.д.

2.2. Изменение фонетического оформления, морфемного состава, отдельных морфологических характеристик слов «поморьской говóри». Напр.: «*Чайки долго за кораблём в море летят, провожают. Это поморы любят, хлеб им бросают. К хорошей погоде чайка в* ***голомень*** *летит»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где вместо *голомя* – «открытое море» употребляется *голомень* как производное от *голомяной* – «относящийся к открытому морю, расположенный в море», ср. в словаре самого Б. В. Шергина *голомень* – «дальнее от берега, открытое море» [Шергин, с. 466]; «*В* ***подосень****, да и во всякое время, у города парусных судов и пароходов не сосчитать»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *подосень* от *подосёнок* – «время под начало осени, перед осенним временем» [Дуров, с. 311]; *«Тут лежал сбинтован молодой начальник Марко Дудин. Днем товарищей на совет созовёт и так-то их* ***щекотурит****. А в ночи не спит, Ивана за руку держит, Иван ему сказку говорит. Будто сын и отец друг друга жалеют»* (Шергин Б. В. «Золотая сюрприза»), где *щекотурить* от *щекарить* – «отругиваться, говорить вызывающе» [Дуров, с. 449]; «*Поругались корабельные вожи, разобиделись и* ***рассоветились****. Три года сердились. Который которого издали увидит, в сторону свернёт»* (Шергин Б. В. «Корабельные вожи»), где *рассоветиться* от *советать* – «советоваться, совещаться» [Дуров, с. 383]; «*Собрались не в раз и не в час. Кого держала непогода, кто* ***намелился****, кого водило в лесах»* (Шергин Б. В. «Ничтожный срок»), где *намелиться* от *мелиться* – «задевать килем судна дно реки, моря» [Меркурьев, с. 85]; «*У Архангельского города, у корабельного пристанища, у лодейного* ***прибегища****, в досельные годы торговала булками честна вдова Аграфена Ивановна»* (Шергин Б. В. «Ваня Датский»), где *прибегище* от *прибежать* – «приплыть на промысловом судне в безопасное для стоянки убежище» [Дуров, с. 334]; «*Кто в Архангельске вздумает построиться, тому приходится выбирать место на мхах – к тундре. Он лишнюю воду канавами отведёт и начнёт возить на участок щепу, опилки, кирпич, песок и всякий хлам – поднимает низменное то место. Потом набьёт свай да и выстроится. Где вчера болото*

лежало, на радость скакухам-лягухам болотным, нынче тут дом стоит, как город. Но, пока постройкой грунта не ***огнело*** *да мимо тяжёлый воз по бревенчатому настилу идёт, дом-то и качнёт не раз легонько»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *огнетить* форма совершенного вида от *гнетить* – «1. Нагнетать, подавлять сверху, погружать медленно книзу, прессовать» [Дуров, с. 77]; «*Обильно всем наше двинское понизовье. На* ***приглубистых****, рыбных местах уточка плавает, гагара ревет, гусей, лебедей – как пены»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *приглубистый*, по определению Б. В. Шергина, «крутой (под водой) берег, под которым глубоко» [Шергин, с. 472], образовано от *приглуб* – «яма, углубление в русле реки или в море среди мелкого места, особенно вблизи берега» [Дуров, с. 336); «*У иного дровишки худящи,* ***мозглящи****, не горят, а только тышкаются»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»),где *мозглящи* образовано по образцу *худящий* «плохой» [Меркурьев, с. 86] от *мозглой, мозглявой* «гнилой, просыревший» [Дуров, с. 226); «*Вскоре подобрали их устьянские бабы-молочницы: плыли в город с* ***палагушками»***(Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *палагушка* от *поллагунье* – «маленький, вместимостью в 6 кринок, лагун, в котором подгородние крестьяне привозят в Архангельск молоко на продажу» (Подвысоцкий, с. 129)); «*Неужели они, папа,* ***тройма*** *трехмачтовый корабль поставить можут? Подмастерья-то вовсе молоды»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *тройма* от *троима* – «втроём» [Дуров, с. 410; Подвысоцкий, с. 174; Меркурьев, с. 162]; «*Велико ещё весной удовольствие, когда Обводный канал со всеми канавами разольётся. По улицам хоть в лодке поезжай. Тут ребята* ***бродятся****, один перед другим хвастают: у кого кораблик краше и лучше; пускают кораблики по бегучим каналам»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *бродиться* – «ходить по мелководью» от*броды* – «1. Мелкий, глубиною не выше колена, залив в море, который можно перейти вброд. 2. Отмель, поросшая водорослями, через которую можно перебродить» [Дуров, с. 39] и т.д.

2.3. Комбинация изменения значения и формы (когда видоизменение формы приводит к изменению значения) лексических единиц «поморьской говóри». Напр.: «*Приедем из города в карбасе. Кругом шиповник цветёт, благоухает. Надышаться, наглядеться не можем. У воды на белых песках чайки ребят петь учат, а*

взводеньком *выполаскивает на песок раковицы-разиньки»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где употребляется *взводеньком* в значении «небольшая, маленькая (невысокая) волна», образованное от уменшительно-ласкательной формы слова *взводень (зводень)* – «высокая волна» [Шергин, с. 465], что создаёт антонимию *взводенек – взводень*, которая не зафиксирована в существующих словарях «поморьской говóри»; *«В эти дни летят над городом, над островами гуси и лебеди, гагары и утки, всякая птица. Летят в полуденные края, где нет зимы, но всегда лето. Тут охотники не спят и не едят. Отец, бывало, лодку птицы битой домой* ***приплавит»***(Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *приплавить* имеет значение «пригнать, привезти», которое не зафиксировано в словарях «поморьской говóри» у его мотивирующего слова *плавить* – «перемещать вплавь по течению реки, сплавлять (лес)» [Меркурьев, с. 112]; «*В те дни и годы отобралось маленькое* ***стадышко*** *низовских моряков в артель, чтоб не кланяться хозяевам, не глядеть из чужих рук, а самим осилить постройку большого судна для океанского плаванья»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где лексема *стадышко* в значении «группка (очень маленькая группа)» не зафиксирована в словарях «поморьской говóри», однако образована от поморского *стадо* – «скопление птиц» [Меркурьев, с. 151] и т.д.

Следует заметить, что типизация поморской речи как способ развития «поморьской говóри» является не только характерным свойством идиостиля Б. В. Шергина, но также и следствием динамических процессов в лексическом составе идиолекта писателя как языковой личности. Так, в тексте дневников Б.В Шергина, язык которых представляет собой образец живой речи писателя, чуждой какой-либо типизации как стилистическому приёму, слово *распута*, известное в «поморьской говóри» в значении «бездорожье, распутица» [Меркурьев, с. 132], употребляется ещё в одном своём новом значении – «половодье» – помимо нового значения «ледоход», реализованного в языке художественной прозы (см. выше),: «*Долга предвесенняя и весенняя пора наСевере. Долго вешние воды шумят и поют; долго глядится весеннее небо* <u>*в полые разливы рек*</u>*. Долги вечерние тихостные апрельские зори. А в три утра светает. В велик пяток на погребенье, бывало, бежишь: светлооблачно, с моря ветерок, инде полоса снегов, инде* <u>*воды по*</u>

улицам. Серёдка реки водой взялась, от ветра рябь идёт. Меж островами лёд стоит. В ***распуту*** *весеннюю бывает холодно, с ветром, когда реки идут, а весело на сердце! Бывает, река ещё стоит, а уж Город утопает в водах. По улицам на плотах ездят…»* (Шергин Б. В. «Из дневников»). Такие факты убедительно свидетельствуют о том, что язык художественной прозы Б. В. Шергина по своему лексическому составу неотделим от идиолекта писателя как носителя «поморьской говóри», которая живёт и развивается в нём уже по своим индивидуальным законам как его «поморский лексикон».

Можно утверждать, что именно авторский, индивидуальный вариант «поморьской говóри», который можно определить как «поморский лексикон» автора, представляет собой наиболее значимый и наглядно реализуемый фактор формирования специфического лексического пространства в идиостиле прозы Б. В. Шергина, противопоставленного узусу как общенародного языка, так и поморского говора.

«Поморский лексикон» представляет собой не только компонент идиостиля, это ещё и часть лексикона писателя, которая является живой подсистемой его идиолекта, состоящего как из уже устоявшихся единиц (активных и пассивных), так и из новых слов, среди которых заметное место занимает окказиональная лексика.

2.3. Употребление окказиональных лексических единиц

Как известно, «окказиональный – это не узуальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления» [Ахманова 1966,с. 284]. Окказиональное слово – «слово или оборот, употреблённые говорящим или пишущим «один раз», для данного случая» [Ахманова 1966, с. 95]. Термин «окказиональное слово» впервые был предложен в середине XX в. Н.И. Фельдман, которая определила его «индивидуальное словообразование, фигурирующее в словоупотреблении только одного или нескольких лиц» [Фельдман 1957, с. 72]. Окказиональные слова «сохраняют новизну, ощущаются как новые независимо от времени своего создания» и обслуживают «лишь конкретную речевую ситуацию» [Лопатин 1973, с. 65-68]. Окказиональным может

быть не только само слово, но и его значение, «приданное данному слову в данном контексте речевого употребления и представляющее собой известный отход, отступление от обычного и общепринятого» [Ахманова 1966, с. 163]. Окказиональные слова принято отличать от потенциальных слов на основании различения отклонений от языковой нормы (ей противоречащих и потому неприемлемых для массового употребления) и нереализованных возможностей языковой системы (ей соответствующих, но не получивших массовой реализации в речи)[Земская 1972, с. 33].

Окказиональная лексика достаточно хорошо изучена в русском языке. Так,Т.В. Игнатьевой исследованы окказионализмы как приём языковой игры вязыке русской художественной прозы XX века [Игнатьева 2012], С.Б. Козинцом в«Словаре окказионализмов русского языка» описаны слова [Козинец 2019], которые созданы по окказиональным моделям словообразования (контаминация,междусловное наложение, графодеривация) и которые объединяет игровой характер (такие окказиональные слова создавались не с целью номинации, а с установкой на игру,яркую экспрессию, оценочность, прежде всего, для привлечения внимания читателя)[Козинец 2019]. С.Б. Козинцом и А.С. Мигурским лексикографически описаны лексические окказионализмы русской поэзии второй половины XX –начала XXI вв. [Козинец, Мигурский 2020]. Достаточно хорошо исследовано и окказиональное словотворчество отдельных русских авторов XIX и XX вв., прежде всего, таких, какМ.Е. Салтыков-Щедрин [Ефимов 1953], Н.С. Лесков[Головачёва 2018],Ф.М. Достоевский [Беляева 1990], В.В. Маяковский [Ханпира 1966; Валавин 2010], В.В. Хлебников [Перцова 1995; Перцова 2012],А.И. Солженицын[Степашкина 2014] и др. Есть и целый ряд обобщающих исследований:«Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)» [Лыков 1976], «Окказиональное в художественном тексте (структурно-семантический анализ)» [Бабенко 1997],«Когнитивно-функциональный аспект окказиональногословообразования в художественном тексте» [Баталов 2004] и др. Вместе с тем окказиональное словотворчество Б. В. Шергина до сих пор не подвергалось специальному лингвистическому рассмотрению.Язык художественной прозы Б. В. Шергина

характеризует самобытность напевной речи архангельских поморов, «непохожесть их слога и их самих ни на кого по ту сторону Седого Океана» [Горелов 1984, с. 8]. Окказиональные единицы представляют собой продукт словесного творчествописателя как в границах его «поморского лексикона», так и текстового пространства его художественных произведений.

Окказиональными в границах «поморского лексикона» Б. В. Шергина можно назвать с большой долей условности только те лексические единицы, которые не зафиксированы в словарях «поморьской говóри» и не отражены в его «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснении собственных имён и названий» [Шергин 1984]. Однако таких лексем в прозаических произведениях писателя очень мало (см. раздел 2.2), а их «окказиональность» значима только в пределах севернорусского поморского говора и может быть интерпретирована как естественный результат динамических процессов в его лексическом составе, представленных в идиолекте одного из его носителей (т.е. как реализация потенциальных слов или неологизмов). Совсем иной характер и предназначение у окказиональной лексики в языковой структуре литературного текста.

Словотворчество, как известно, весьма распространенное явление в языке художественной литературы, однако не вполне осмысленное в плане своего предназначения. «У окказионализмов есть какая-то особая функция, особое назначение, пока что не раскрытое лингвистикой» [Ревзина 1996, с. 35]. Такое особое назначение, на наш взгляд, не может быть универсализировано и может быть раскрыто только с учётом основных характеристик и специфичности идиостиля данного автора. Основная функция окказионализмов в языке прозы Б. В. Шергина – это, на наш взгляд, **индивидуально-авторское сотворение народной речи**, которое, следует отметить, мастерски удаётся писателю. «Проникнув в дух народного языка, он творит по его законам столь естественно и непринуждённо, что кажется, будто его слово со всей его искрящейся образностью и красотой рождается без всяких усилий и авторской шлифовки» [Шульман 1983, с. 286].

В результате исследования установлено, что окказиональная лексика в языке прозы Б. В. Шергина подразделяется на три основные группы по своему предназначению в художественном тексте: во-первых, имитировать живую речь поморов; во-вторых, типизировать разговорно-просторечную манеру речи; в-третьих, служить стилистическим средством экспрессии и оценки.

1. Окказиональная лексика как средство имитации живой речи поморов в художественном тексте занимает весьма заметное место в прозе Б. В. Шергина, хоть и употребляется в относительно небольшом объёме. Следует отметить, что авторская имитация поморской лексики была настолько удачной, что его земляки и товарищи писателя по перу использовали в своих произведениях его «поморские окказионализмы». Так, глагол *расшеперить* («растопырить»), который встречается у многих северных писателей, был впервые употреблен именно Б. В. Шергиным: «*Народушку в театре – как тараканов на печи. – Ишь лорд какой расселся, член парламента!* ***Расшеперил*** *лапы-то! Ейно место охраняю…»* («Митина любовь»). Этот глагол, который исследователи называют «чисто шергинским» [Горелов 1984, с. 4], вошёл в произведения многих поморских писателей, в частности С.Г. Писахова [Горелов 1984, с. 9]. Например, в сказке «Девки в небе пляшут» писатель, умело используется этот шергинский окказионализм, оттеняя мощь и красоту народного танца: *«Все разнаряжены в штофниках, в золотых коротеньких, в золотых жемчужных повязках на головах. Ленты на шёлковы шали трепешшутся, наотмашь летят. Все наряды растопырились, девки* ***расшеперились****. В синем небе – как цветы зацвели!»* (Шергин Б. В. «Девки в небе пляшут»). Глаголы *растопырились*, *расшеперились*, употребляются в составе синонимического ряда не случайно, а для образного выражения неповторимой севернорусской манеры танца. Окказиональноешергинское *расшеперились* как нельзя лучше подошло для выражения «истинноархангельского действия» в девичьем танце[Горелов 1983,с. 14].

«Поморские окказионализмы» вводятся Б. В. Шергинымне в случайные контексты, а в ключевые по содержанию места художественного повествования, в которых описываются события наиболее важные, главные, определяющие

нелёгкую и «многотрудную» жизнь поморов. «*При конце навигации сидят где-нибудь, хоть на именинах, жёны и матери моряков. Чуть начнут рамы подрагивать от морского ветра, сразу эти гостьи поблекнут, перестанут ложечки побрякивать, стынут чашки. Хозяйка ободряет: – Полноте! Сама сейчас бегала флюгера смотреть. Поветерь дует вашим-то.* ***Скорополучно*** *домой ждите»*(Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»), где *скорополучно* означает «через недолгое время и в добром здравии (скоро и благополучно)», что всегда было желанным для тех, кто ждал возвращения поморов из долгого океанского плавания после далёкого промысла или из дальнего похода в суровое Белое море, откуда каждый год возвращались не все; «*К морской старине Лоушкин относился с большим интересом – чувствовал, что познания его в этой области важны и нужны. У Лоушкина были своеручные чертежи* ***переплава*** *его по Ледовитому океану»* (Шергин Б. В. «Запечатленное слово»), где *переплав* означает«повсеместное, многолетнее плавание» от *переплавать* – «1. Проплавать вомногихместах (обо всех или многих). 2. разг. Проплавать слишком долго»[Ефремова,т. 2, с. 974]; что имеет огромное значение для поморов, морскиезнания которых накапливались в течение долгого времени именно личнымопытом отважных мореходов-первопроходцев, бережно передаваемым изпоколения в поколение, поистине бесценным для успешной навигации втруднейших условиях крайнегоСевера; «*От месяца сентября возьмутся с моря* ***озябные*** *ветры. Ходит дождь утром и вечером. В эти дни летят над городом, над островами гуси и лебеди, гагары и утки, всякая птица. Летят в полуденные края, где нет зимы, но всегда лето»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *озябные* – «холодные, студёные» от *озябать* «разг. Мёрзнуть от холода»[Ефремова, т. 2, с. 887]; *зябнуть* – «1. Ощущать холод, страдать от холода» [МАС, т. 2, с. 64], что является для поморовсуровой реальностью, обусловленнойклиматом поморского побережья, подверженного огромному влияниюарктических циклонов.

2. Окказиональные слова как средство языковой типизации разговорно-просторечной манеры речи весьма широко и разнообразно

употребляются в художественной прозе Б. В. Шергина, затрагивая в процессе своего образовании практически все уровни структуризации лексических единиц и их речевойреализации (Таблица 5).

3. Окказиональная лексика как стилистическое средство экспрессии и оценки достаточно представительна в художественной прозе Б. В. Шергина как количественно (сопоставимо с её использованием как средств имитации поморской речи и языковой типизации просторечия), так и качественно (в плане различных способов и моделей словообразования и речевой реализации) (Таблица 6).

Таблица 5– Влияние окказиальных слов на уровни структуризации лексических единиц и их речевой реализации в художественной прозе Б. В. Шергина

Структуризация лексики	*Примеры*
Расширение плана содержания слова за счёт образования нового значения (в том числе в результате изменения лексической сочетаемости)	*Тогда Люлин вызывает из деревни телеграммой свою сестру, ведёт её на корабль, знакомит с многочисленной младшей командой и объявляет команде: «Федосья Ивановна, моя сестрица, поведёт корабли в море заместо меня. Повинуйтесь ей честно и* ***грозно****…»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *грозно* – это «беспрекословно», т.е. «со страхом», что является следствием искажения, свойственного просторечию, узуального значения наречия *грозно* – «внушая страх»
	Людно *народу на лесопильных заводах работает, в доках, в мастерских, на судоремонтных заводах, в конторах пароходских. В наши дни Архангельск первый город Северной области. Дел не переделать, работ не переработать. Всем хватит* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *людно* приобретает значение «много» в словосочетании *людно народу*, которое образовано в результате свойственного просторечию явления плеоназма – слова *людно* и *народу* означают одно и то же – «много людей»)
	Зайдут на корабль, сходни уберут, якоря ***выкатают****, паруса откроют. Ветер паруса наполнит* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *выкатать* имеет значение «извлечь, вытаскивая», образованное в результате семантического преобразования узуального *выкатить* – «извлечь, катя»
	С полдня много дорог пришло в полуночный и светлый Архангельский город. Тем ***плотным*** *дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *плотный* употребляется в значении «твёрдый», не имеющим общего с его узуальными значениями
	Полы белы и чисты. Приди хоть в кухню да пол глаженым носовым платком ***продёрни*** *– платка чистого не замараешь* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *продёрнуть* реализовано в значении «провести по поверхности чего-либо», которое не связано с его узуальными значениями и т.д.
Окказиональные формы слов (включая аналитические)	*Хозяин,* ***боя<u>ся</u>****, как бы мастер* ***<u>на</u> гневе*** *работы не покинул, тот же день причесал на стройку, по палубе за Кононом ходит* (Шергин Б. В. «Рождение корабля») (ср.: общеупотребительные *боясь*, *<u>во</u> гневе*) и т.д.
Фонетические преобразования	*Неужели они, папа, тройма трехмачтовый корабль поставить* ***мо<u>ж</u>ут****? Подмастерья-то вовсе молоды* (Шергин Б. В. «Рождение корабля») (ср.: общеупотребительное *мо<u>г</u>ут*)
Префиксальные новообразования (присоединение префикса или его замена), в том числе и нульпрефиксальные (элиминация префикса при сохранении исходной семантики слова)	*Неволя отменена, да совесть* ***<u>в</u>законена****!…* (Шергин Б. В. «Митина любовь») (ср.: общеупотребительное *узаконена*)
	Широка и державна, тихославная та река плывёт с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем. Тут островами обильно: пески лежат и леса стоят. Где берег ***<u>воз</u>выше****, там люди наставились хоромами* (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср.: общеупотребительное *<u>по</u>выше*)
	В замороз к полночи начнёт в синем бархате небесном пояском серебряным продёргивать с запада до востока, а с севера ***<u>за</u>подымается*** *как бы утренняя заря* (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср.: общеупотребительное *подымается*)
	Это кораблику не беда, когда ветер попутный, в затылок; горе, если со всех румбов ***<u>за</u>повёртывает****. В такую немилостивую погодушку корабельная команда по нескольку суток не спит и не ест* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки») (ср.: общеупотребительное *повёртывать*)

Продолжение таблицы 5

Структуризация лексики	*Примеры*
Префиксальные новообразования (присоединение префикса или его замена), в том числе и нульпрефиксальные (элиминация префикса при сохранении исходной семантики слова)	*«В море долги и широки пути, и высоко под звездами ходит и не может стоять. Упадут на него ветры, как руки на струны, убелится море волнами, что снег. Гремят голоса, как голоса многих труб, – голоса моря, поющие ужасно и сладко. А пошумев, замкнёт свои тысячеголосые уста и глаже стекла* ***изравнится*** (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср.: общеупотребительное *выровнится*)
	С полдня много дорог пришло в полуночный и светлый Архангельский город. Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям. Город мой, родина моя, ты дверь, ты ворота в ***недоведомые*** *полярные страны* (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср.: общеупотребительно *неведомый*)
	В Белое море ***пала*** *Архангельская Двина* (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср.: *впала* от *впадать*)
	Он поживёт с нами немножко и в море ***сторопится»*** (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске») (ср. общеупотребительное *заторопится*);
Суффиксальные новообразования (как правило, по продуктивным суффиксальным моделям, а также субституция узуального формообразующего суффикса и др.)	*Людно народу на лесопильных заводах работает, в доках, в мастерских, на судоремонтных заводах, в конторах* ***пароходских*** (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср.: общеупотребительное *пароходных*)
	Капитан достался ребятам ***строжающий****. Чуть не угодят – и… гроза. В наказанье на берег не отпустит* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки») (ср.: общеупотребительное *строжайший*)
	И, надеясь на прежнюю дружбу, что он прежде к нам хаживал, хлеба едал, квасу пивал, послался отец к Конону Ивановичу ***с писемцем*** (Шергин Б. В. «Рождение корабля») (здесь: *писемцо*, ср.: общеупотребительное *письмецо*)
Комбинированные аффиксальные новообразования (префиксально-суффиксальные, префиксально-постфиксальные и др.), в том числе от лексем иной частеречной принадлежности	*Норвежане и датчане не раз пожалели, что отпустили из рук такого строителя, и не однова* ***докупались*** *до Конона, манили деньгами, но он не* ***покорыстовался*** *и не поехал* (Шергин Б. В. «Рождение корабля») (ср.: общеупотребительные *покупать*, *корысть*) и т.д.
Оказионализмы, образованные при помощи словосложения, в том числе, из словосочетаний, а также в результате окказиональной субституции одного из компонентов узуального сложного слова	*Если сразу приморозит, то и реки станут и саням – путь. А упал снег на талую землю, тогда распута протяжная, по рекам* ***тонколёдица****, между городом и деревнями сообщения нету* (Шергин Б. В. «Двинская земля») (ср. общеупотребительное *тонкий лёд*)
	И вот мы получили для переписывания книгу ***стогодовалую*** *премудрую, под названием "Морское знание и умение"* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске») (ср.: общеупотребительное *столетний*)
Окказионализмы, образованные от разговорных и просторечных слов. Такого рода новообразования служат, как правило, для ещё большего усиления эффекта присутствия народной речи на основе её типизации в языке произведений писателя	*Хозяин, бояся, как бы мастер на гневе работы не покинул, тот же день* ***причесал*** *на стройку, по палубе за Кононом ходит* (Шергин Б. В. «Рождение корабля») (ср.: разговорно-сниженное *чесать* – «энергично, решительно, с усилием делать что-либо» [Ефремова, т. 3, 771].

Таблица 6 – Использование окказиональной лексики для стилистики экспрессии и оценки в художественной прозе Б. В. Шергина

Аспект	*Характеристика*	*Примеры*
Широкая представительность	Окказиональная лексика как стилистическое средство экспрессии и оценки достаточно представительна в художественной прозе Б. В. Шергина как количественно (сопоставимо с её использованием как средств имитации поморской речи и языковой типизации просторечия), так и качественно (в плане различных способов и моделей словообразования и речевой реализации)	*Вечером* ***заповорачиваются*** *на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками: – Ох, деточки! Что на море-то делается… Папа у нас там!* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»)
		Машины любил смотреть, только гулкого, ***громоносного*** *свиста отправляющегося в океан парохода я, маленький, боялся, ревел. До свистка выгрузят меня подальше на берег. Я оттуда колпачком машу* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»)
		В мороз к полночи начнёт в синем бархате небесном пояском серебряным продёргивать с запада до востока, а с севера заподымается как бы утренняя заря. И вдруг всё погаснет. Опять из-за моря протянутся пальцы долги без меры и заходят по небу. Да заря займётся ужасная, как бы ***пожарная*** (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		О, коль тяжко и горько, печали и тоски несказанной исполнено человеку водою конец принимать! Тот час ***многостонен*** *и безутешен, там – увы, увы! – вопиют, и нет помогающего…* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Белое море пала Архангельская Двина. Широка и державна, ***тихославная*** *та река плывёт с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		От Студёного океана на полдень ***развеличилось*** *Белое море, наш светлый Гандвиг* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
		Тогда Конон Иванович, губу закусив, поднял толстого за шиворот и огрузил в воду, чтобы его благородие прохладилось… И, опять тряхнув, бросил в карбас, ажно поддон ***заговорил*** (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
		У нас в Архангельске до году ребят на карточку не снимали, даже срисовывать не давали, и пуще всего зеркала младенцу не показывали. Потому, верно, я себя до году и не помню. А годовалого меня увековечили. Такое ***чудышко толстоголовое*** *в альбоме сидит, вроде гири на прилавке* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»)
Использование в юморе	Окказионализмы как стилистическое средство экспрессии и оценки широко используются Б. В. Шергиным также в юмористическом и сатирическом контекстах	*Тогда Конон Иванович, губу закусив, поднял толстого за шиворот и* ***огрузил*** *в воду, чтобы его благородие прохладилось… И, опять тряхнув, бросил в карбас, ажно поддон заговорил* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где окказиональное *огрузить* «окунуть, погрузить» омонимично *огрузить* в значении «отяжелить, сесть в воду глубже должного» [ТСД, т. 2, с. 648], что в сочетании с прилагательным *толстого* порождает комический эффект в контексте рассказа

Продолжение таблицы 6

Аспект	*Характеристика*	*Примеры*
Использование в юморе	Окказионализмы как стилистическое средство экспрессии и оценки широко используются Б. В. Шергиным также в юмористическом и сатирическом контекстах	*Когда студенты учиняли дебош, Генкель считал зачинщиком Ломоносова. Однажды обвинил даже в покушении на жизнь своего сына. Михайло возмущается: «Кайафа (Генкель) сказывает ябеду, будто се я ево сына топил. Я не топить, я носил ево крестить для того, что католицкое обливание почитаю недовольным. И я Генкелева Яшку трижды благочестно* ***огрузил*** *в реку. И то ему, Яшке, на пользу. Кряду прочухался и стрелой от меня полетел. А к купели я его, эдакова пьяную тушу, на себе нёс, сам будучи худ на ногах…* (Шергин Б. В. «Слово о Ломоносове»), где *огрузить* детерминирует комический контекст в сочетании с наречиями *трижды* и *благочестно*
		«В гости тебя зазовут, в чаю, в кофею чего надо споят, страшну квазимоду и возьмёшь [в жёны. – Н.К.], ***молекулу****…»* (Шергин Б. В. «Митина любовь»), где *молекула* употребляется в значении «невзрачная девушка», что в синонимическом ряду с *страшну* и *квазимоду* образует комический эффект за счёт неожиданного использования *молекула* в качестве пейоративной оценки степени женской привлекательности [Комкова 2020д, с.111]
Естественность использования	Лексические новообразования в прозе Б. В. Шергина употребляются как нечто естественное, само собой разумеющееся, без семантизации в тексте, хотя в ряде случаев, сопровождаются метаязыковым контекстом (в том числе, что весьма показательно, объясняются с использованием лексики «поморьской говóри»)	*Норвежане и датчане не раз пожалели, что отпустили из рук такого строителя, и не однова* ***докупались*** *до Конона, манили деньгами, но он не покорыстовался и не поехал»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
		В непогодушку, когда старик океан в тысячу труб трубит и кипит валами, Владимирко непременно подвернется разъярённому Сувору под руку. Ясно, хорошую затрещину и заработает. Кончится шторм – юнга Бельских ходит с подвязанной щекой. Сувор к нему: – Ты что, Владимирко? – Что… Глаз-то худо заоткрывался… – Ну?… Сгоряча-то, вишь, не разберёшь… По шее бы надо. – Себя бы бил по шее-то! – Любя ведь, леший… – Любя… Теперь как на берег сойду! Ни погулять, ни девкам показаться. Ни котора на меня не ***обзадорится****. – На экого винограда чтобы не обзарилась!»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где поморское *обзаритьце* – «соблазниться, прельститься, заглядеться» [Дуров, с. 258]

Окказиональные слова имеют то преимущество перед «стационарным лексиконом», что позволяют автору преодолеть несвободу языка, реализовать «индивидуальную авторскую семантику» в литературном произведении, в котором они часто «становятся носителями центральных художественных смыслов – ключевыми словами, стягивающими к себе всю совокупность смыслов» [Ревзина 1996, с. 37]. Смысловая нагрузка окказионализмов в языке прозаических произведений Б. В. Шергина, заключается, по нашему мнению, в «экспрессии смысла», когда с помощью окказиональной лексики содержание (смысл) сообщения передается с наибольшей выразительностью. Особенно наглядно это проявляется в тех случаях, когда окказиональные слова вводятся автором концентрированно, в большом количестве в относительно малом по объёму контексте. Так, в рассказе «Лебяжья река» Б. В. Шергин использует одновременно два лексических окказионализма в одном простом и небольшом по составу предложении: «***Самолучшие*** *живописцы Иван Губа да Иван Щека* ***усилились*** *однажды, сколотили артель»* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где адъектив *самолучшие* в значении «лучшие в наивысшей степени» не только погружает читателя в атмосферу неповторимого творчества поморских живописцев, но и создаёт эффект непревзойдённости вверенного им дела, а в глаголе *усилились*, наряду с реализацией одного из своих узуальных значений «стать более интенсивным по степени своего проявления» [Ефремова, т. 3, с. 804], вводится ещё одно, новое значение «наилучшим образом проявить себя в искусстве», что существенно «усиливает» экспрессию смысла «самолучшие», максимально высоко поднимает оценку мастерства поморских живописцев.

Нагнетание смысловой экспрессии можно объяснить при рассмотрении следующего лаконичного предложения: «***Самолучшие*** *живописцы Иван Губа да Иван Щека* ***усилились*** *однажды, сколотили артель. Артель рассыпалась»*(Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где противопоставлены не менее экспрессивные разговорные *сколотить* в значении «2. Перен. Разг. Собрать, организовать кого-, что-л.» [МАС, т. 4, с. 113] и *рассыпалась* в значении «перестала существовать как единое целое, распалась, разрушилась» [Ефремова, т. 3, с. 300] использовано для того, чтобы максимально ёмко и выразительно сказать: каждый

истинный («самолучший») мастер, как бы высоко он в своём мастерстве ни поднимался («усиливался»), всегда останется уникальным, не сможет разделить своё мастерство, свой талант с другим мастером, каким бы «самолучшим» тот ни был и как бы тот, в свою очередь, ни «усиливался» в своём мастерстве. Проанализированный контекст показывает, что экспрессивно насыщенный контекст возможен даже при минимальном использование выразительных средств языка (два простых предложения, 13 слов, из которых два разговорных и два окказиональных).

Окказиональная лексика Б. В. Шергина как инструмент сотворения народной речи (имитации живой речи поморов, типизации разговорно-просторечной манеры речи, выражения экспрессивной оценки) заслуживает, на наш взгляд, отдельного, более глубокого изучения не только как компонент идиостиля писателя, но и как феномен языка художественной литературы.

2.4. Стилистически дифференцированная лексика

Язык прозаических произведений Б. В. Шергина насыщен не только оригинальной и типизированной лексикой «поморьской говори», не только индивидуально-авторскими лексическими инновациями и новообразованиями, в художественных текстах писателя употребляется также большое количество разнообразных стилистически дифференцированных лексических единиц: разговорных и просторечных, народно-поэтичных и книжных, устаревших и новых, профессиональных и специальных и т.д.

Стилистическая гетерогенность лексического пространства шергинской прозы является, с одной стороны, яркой особенностью идиостиля писателя, а с другой, характерной чертой языковой среды русских поморов, в которой органично сочетались лексические элементы устной и книжно-письменной речи, древних и современных текстов, «поморьской говóри» и просторечия, повседневной профессиональной коммуникации и специальной терминологии. Настолько большое лексико-стилистическое разнообразие поморской речи можно объяснить историческими и культурными особенностями жителей Русского Севера, никогда не знавших крепостного права, имевших деловые и культурные

связи с Северной Европой (а благодаря этому получившие доступ к общеевропейской культуре и литературе), развивавшие собственные промыслы и технологичные производства, связанные с морем, имевшие свою книжно-письменную и устно-поэтическую традицию, непосредственно восходящие к древнерусской литературе и фольклору, развивавшие свои направления и формы изобразительного искусства, тесно контактировавшие с «материковой» Московской Русью, однако этнокультурно обособленные от неё, сыгравшие большую роль в петровских преобразованиях России и сохранившие до начала XX века в живом виде многие реалии старинного уклада жизни и элементы древнерусской культуры и т.д. Столь разнообразная во всех отношениях этнокультура русских поморов не могла не найти своегоотражения в их языке.

Исследование показало, что широкое использование Б. В. Шергиным в прозаических произведениях стилистически дифференцированной лексики объясняется стремлением **максимально полно отразить своеобразие лексического пространства поморской речи во всех её проявлениях и сферах использования на протяжении длительной истории жизни Русского Севера от седой древности до современных писателю дней**. Именно этим обусловлено употребление стилистически дифференцированных лексических единиц с учётом актуальности, сферы употребления, стилистической разновидности, среди которых можно выделить 6 основных групп слов: разговорные, просторечные, книжные, устаревшие, профессиональные, специальные.

1. Разговорная лексика в языке прозы Б. В. Шергина занимает наиболее заметное место в кругу стилистически дифференцированных лексических единиц, что объясняется как стремлением объективно отразить особенности народной речи, так и осознанной ориентированностью писателя на стиль устной разговорной речи в своих произведениях (часто представляющих собой вольный пересказ устных и письменных сказаний, а также фрагментов древних письменных текстов). «В даровитом, искушённом мастере единосущно жили сказитель и литератор. И, пожалуй, всего более оба ценили слово говоримое. Когда приходилось сплавлять изустную молву и письменный слог, речь

главенствовала над книжностью. Даже когда воспроизводился архаический стиль древней книги, автор, по собственному его признанию, и тут избегал излишней витиеватости и славянизмов, сохраняя отблески живой разговорной речи» [Горелов 1984, с. 6].

Разговорная лексика используется писателем преимущественно в трёх основных функциях.

1. **Коммуникативная функция** как средство создания непринуждённого общения, чувственной конкретности в отображении действительности: «*Самолучшие живописцы Иван Губа да Иван Щека усилились однажды,* ***сколотили*** *артель. Артель* ***рассыпалась»***(Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где *сколотить* – «2. Перен. Разг. Собрать, организовать кого-, что-л. » [МАС, т. 4, с. 113]; *рассыпаться* – «(перен. разг.) переставать существовать как единое целое, распадаться, разрушаться» [Ефремова, т. 3, с. 601].

2. **Номинативная функция** (как средство номинации предметов, действий, явлений действительности, которые, как правило, не имеют стилистически нейтральных обозначений или отличаются от них определёнными оттенками значения, реализующимися в контексте): «*Пока из-за стола не встали, нельзя из чашек, мисок лить в* ***поганое»***(Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *поганый* – «2. *Разг.* Предназначенный для отбросов, нечистот» [МАС, т. 3, с. 165].

3. **Экспрессивная функция** (как средство выражения субъективного отношения к обозначаемым предметам и явлениям, а также эмоциональной оценки): «*Годов-то трёх* ***сыплю****, бывало, по двору. Запнусь и* ***ляпнусь*** *в песок. Встану, осмотрюсь… Если кто видит,* ***рёв*** *подыму на всю улицу: пусть знают, что человек страдает. А если нет никого, молча домой* ***уберусь»***(Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»),где *сыпать* – «(перен. разг.-сниж.) бежать», *ляпаться*«(разг.-сниж.) падать», *рёв* – «(перен. разг.) громкий плач», *убраться* – «4. *Разг.* Удалиться, уйти, уехать» [МАС, т. 4, с. 447]; «*Те выкарабкались на незнакомое место и опять приправили грозить и* ***лаять****: зачем стройки не видно!»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *лаять* – «2. Перех. *Устар*. и *прост*. Бранить, ругать» [МАС, т. 2, с. 166]; «*Тут – не ждан, не зван – подкатил к карбасу на трёх извозчиках хозяйский*

брат с весёлой компанией; все пьяны и с песнями. Да начали нахально приказывать: – Вези к новопостроенному судну. Нам угодно, там гулять будем. И Конон отказал: – А нам не угодно… И гулять там не будете. Они не послушались, только пуще ***закуражились*** *и полезли в карбас* ***самосильно»***(Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *закуражиться* – «(разг.-сниж.) начать куражиться»; *самосильно* – «(разг.-сниж.) самовольно, своевольно» [Ефремова, т. 1, с. 505]и т.д.

Разговорные лексические единицы следует отличать от омонимичных и близких им по значению словам «поморьской говóри» (см. раздел 2.1): «*Как на широком месте качнуло, хозяйский брат прохватился: – Ты пьян, мужик? Куда ты правишь? Почему долго едем? И Конон ответ держит: – К ночи вода кротка, а карбас от народа* ***грузен»***(Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где употребляется поморское *грузно* – «о судне: загружено до предельного и свыше объёма вместимости груза в судне, нагружено до краёв борта, находящегося в незначительном расстоянии от поверхности воды» [Дуров, с. 89], ср.: разг. *грузный* – «1. Тяжеловесный, тяжелый» [МАС, т. 1, с. 352].

2. Просторечная лексика органично входит в лексическое пространство шергинской прозы, однако часто мало различима на первый взгляд на фоне многочисленных слов «поморьской говóри» и разговорной речи. Просторечная лексика нечастотна, но в произведениях писателя употребляется, если опираться на мнение самого Б. В. Шергина, всегда намеренно: «Над языком, над речью в первую очередь должен думать писатель. Тусклое пренебрежение, косное предубеждение к “простонародному” языку зиждет язык литературный не на живой речи, а на литературно-бумажном наследии. Словарь русского народного языка просеивают не через решето, а через сито. Вместо доброй муки не пойдут ли в дело высевки?» (Шергин Б. В. «Слово устное и слово письменное»). Это свидетельствует о том, что Б. В. Шергин не мыслит языка литературы без народного языка, необходимым элементом которого является просторечие.

Просторечная лексика используется в произведениях писателя, прежде всего, **в стилистической (стилеобразующей) функции** – для характеристики языка, используемого в художественной литературе, как народного. Данная

функция «чрезвычайно важна в ситуациях перекодирования, когда речевой субъект выбирает такую подсистему стилистических средств языка, которая наиболее соответствует данному коммуникативному контексту» [Киклевич 2009, с. 10]. Лексические элементы просторечия, которые тщательно, без излишеств, применительно к данному случаю отбираются Б. В. Шергиным для включения в языковую ткань прозаических произведений, наиболее соответствуют создаваемому писателем коммуникативному пространству народной речи. Просторечная лексика вводится в контекст, как правило, одновременно с «поморьской говóрей» и разговорной лексикой (в том числе с типизированными в качестве элементов народно-разговорной речи единицами «поморского лексикона» писателя и окказиональными словами): «*Тогда Конон Иванович, губу закусив, поднял толстого за шиворот и огрузил в воду, чтобы его благородие прохладилось… И, опять тряхнув, бросил в карбас,* ***ажно****поддон заговорил»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»),где *ажно* – «1. частица. То же, что даже (в 4 знач.).» [СОШ, с. 17], также поморские *карбас* – «гребное судно для речного и прибрежного морского промысла» [Дуров, с. 163], *поддон* – «скелет, остов судна в начале его постройки до обшивки досками и оснастки» [Дуров с. 308], окказиональное *огрузил*); «*И который с ружьём* ***учал****палить и одной барыне обжёг ухо»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *учать* – «(прост.) то же, что начать» [МАС, т. 4, с. 542], также разговорные *который* – «тот, кто; (разг.) в неполных выражениях без существительного или соответствующего местоимения в главном предложении)» [ТСУ, т. 3, с. 201], *палить*[2] - «*Разг*. Стрелять (из пушек, ружей и т. п.), стрелять залпами» [МАС, т. 3, с. 14]; «*Брата с компанией всех приругал: – Сами себе они, страдники,* ***страм****доспели. Как ты их, дорогой мастер, выучил… Хы, хы!…»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *страм* – просторечная форма *срам* – «(трад.-нар.) стыд, позор» [Кузнецов 2014], также поморское *страдник* – «(бранное слово) последний бедняк в деревне» [Шергин], переносное от «работник на сенокосе или жниве»[Подвысоцкий, с. 164], окказиональное *приругать* и т.д.

Следует отметить, что многие просторечные слова зафиксированы также и в отдельных словарях «поморьской говóри», ср.: *ажно* (Подвысоцкий, с. 1), *страм* [Дуров, с. 392], что является следствием обычной для составления словарей народных говоров практики включения в них нелитературной лексики, в том числе просторечной.

3. Книжная лексика в лексическом пространстве художественной прозы писателя является отражением и выражением «многообразных культурных ассоциаций, которые жили в сознании начитанных поморов на рубеже прошлого и нынешнего веков и для многих из которых память Шергина стала вместилищем» [Горелов 1983, с. 14]. Весьма показателен в этой связи следующий фрагмент одного из рассказов Б. В. Шергина, где, в частности, описываются книжные знания корабельного мастера, далеко выходящие за пределы его поморской жизни: «*Хоть до кого доведись, каждому любо поглядеть, как корабли родятся. Да и к Конону старого и малого как на магнит тянуло. Был Конон Тектон велик ростом, глазами светел и грозен, волосы желты, как шёлк. Он встречал меня тихим лицом, и много я от него узнал о греческих, римских, итальянских строителях и художниках. О Витрувии, Винчи, Микеланджело, Браманте, Палладио»*(Шергин Б. В. «Рождение корабля»).

Основной функцией книжной лексики в языковой ткани прозаических текстов Б. В. Шергина является **эстетическая функция** (с целью сделать в художественном плане речь более красивой, более выразительной): «*Велико ещё весной удовольствие, когда Обводный канал со всеми канавами разольётся. По улицам хоть в лодке поезжай. Тут ребята бродятся, один перед другим хвастают: у кого кораблик краше и лучше; пускают кораблики по* ***бегучим*** *каналам»*(Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *бегучий* – «(трад. поэт.) быстро и непрерывно движущийся (о воде)» [БТСРЯ, с. 203] и т.д.

К книжной лексике относятся и немногочисленные, однако довольно заметные в языковой ткани прозаических текстов Б. В. Шергина крылатые слова (отдельные лексемы) из литературных и конфессиональных (в том числе библейских) текстов: «*Самый стиль, самая внешность древних «морских*

чертежей» оскорбляли вкус ***помпадуров*** *XVIII века. Всё, что было сделано в русском народном стиле, определялось выражением: “в подлом вкусе”»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где употребляется *помпадур* – слово, придуманноеМ.Е. Салтыковым-Щедриным для названия цикла сатирических рассказов «Помпадуры и помпадурши» (1863–1873), ставшее крылатым в русском языке в значении «администратор-самодур» [БСКСВРЯ, т. 2, с. 220], однако в контексте рассказа Б. В. Шергина частично сохраняющее значение «вычурный, пышный стиль XVIIIвека в архитектуре, мебели и т.п.» [МАС, т. 3, с. 285];за счёт имплицитного противопоставления выражению *«в подлом вкусе»* (от модного в XVIIIвеке выражения *подлые люди*, образованного от *подлый* – «2. *Устар.* Принадлежавший по рождению к низшему, податному сословию, неродовитый» [МАС, т. 3, с. 197]; «*На утренней лазори в понедельник повели печи топить. Начальниченко мимо прошёл, я не поздоровалась: пропал бы ты кверху ногами! Под мой потолок зашёл да, как воровку, под полом и морозишь… А меня и к допросу. Их людно сидит,* ***стратилатов»***(Шергин Б. В. «Офонина бабушка»), где употребляется *стратилат* – (от греч. *stratelates*) «нарицательное имя для некоторых знаменитых вождей» (Михельсон, с. 582), почётный титул в Византийской империи, применяется к военачальникам, причисленным к лику святых – *Феодор Стратилат*, *Андрей Стратилат*, поэтому имеющее ещё одно значение «(церк.) военачальник» [Фасмер, т. 3, с. 771], в котором и реализуется в рассказе Б. В. Шергина; «*Устьян говорит с гневом: – Видишь, дождь валит! Судовой припас нельзя мочить: проку не будет. Купец своё: – Твоя дружина у меня вторые сутки по две выти в день пьёт-ест! Велю работать, будь хоть* ***потоп****! Устьян говорит: – Хоть* ***потоп****? Ладно, будь* ***потоп****. Устьян твёрдым шагом зашёл на своё судно, взял рог и заиграл грозно и жалобно. На ответ далеко в море будто шум сшумел. На берег накатился взводень и смыл купецкую лодью»* (Шергин Б. В. «Устьян и купец» из «Рассказы о кормщике Устьяне Бородатом»), где употребляется *потоп* – «1. По библейскому сказанию: наводнение, затопившее за грехи людей всю землю» [МАС, т. 3, с. 333].

4. Устаревшая лексика присутствует в заметном количестве в языке прозаических произведений Б. В. Шергина, прежде всего, по трём причинам.

Во-первых, многие устаревшие слова часто сохраняют свое **активное употребление в народных говорах** до наших дней, в том числе и в говорах севернорусских областей России. Немало устаревшей лексики и в составе «поморьской говóри», что нашло отражение в языке прозы: «*С* ***полдня*** *много дорог пришло в* ***полуночный*** *и светлый Архангельский город. Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям»*(Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *полдень* – «(устар. высок.) юг» [МАС, т. 3, с. 256] повсеместно употребляется в поморьском говоре в том же значении (Подвысоцкий, с. 129); *полуночный* – 2. «*Трад.- поэт.* Северный» [МАС, т. 3, с. 264]; *полночь* – «2. *Трад.-поэт*. Север»[МАС, т. 3, с. 264], повсеместно употребляемого в «поморьской говóри» в том же значении [Подвысоцкий, с. 129].

В ряде случаев Б. В. Шергин использует древнерусскую лексику, которая воспринимается неискушённым читателем его произведений как собственно «поморского» происхождения. Маловероятно, однако, что писатель намеренно расширял поморскую речь забытыми древнерусскими словами, наверное, они сохранились в живой поморской речи, на основе которой сформировался «поморский лексикон» Б. В. Шергина, что могло повлиять на восприятие самим писателем такой лексики как «поморской». Напр.: «*В кую пору <u>гремят</u> трубы-ти да* ***набаты****-ти, в ту пору Годунов-от слово-то выпеват»* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»), где *набат* – «барабан» [Шергин, с. 470] от древнерусского *набат* – «так в старину называли в русских войсках огромной величины медный барабан, возимый на 4 лошадях, били в него восемь человек» [Михельсон, с. 104]. Ср.: «*Следом выбежал и директор, схватил железную клюшку и начал <u>звонить в чугунную доску</u>, что висела у крыльца школы. На этот* ***набат*** *вышли три мастера, сбежалась толпой вся деревня»* (Шергин Б. В. «Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится»), где *набат* употребляется уже в общеупотребительном смысле как «звон в колокол, удары по чему-либо

металлическому как сигнал тревоги, в случае какого-либо бедствия, для сбора народа по случаю опасности, как призыв на помощь и т.д.» [Ефремова, т. 2, с. 403].

Во-вторых, устаревшими лексическими единицами насыщены древние фольклорные и письменные тексты, которые использовал Б. В. Шергин для написания своих прозаических произведений, что не могло не сказаться на сознательном использовании писателем устаревших слов как **наследования языковых особенностей старины**: «*В которые годы вешнее тепло вдруг, тогда Двина и младшие реки кряду оживут и* ***располонятся*** *ото льда»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *располониться* – «(стар. летописн.) вскрыться, взломить лёд и разлиться, выступить из берегов (о реке)» [ТСД, т. 3, с. 1618]; «*К морской старине Лоушкин относился с большим интересом – чувствовал, что познания его в этой области важны и нужны. У Лоушкина были* ***своеручные*** *чертежи переплава его по Ледовитому океану»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *своеручный* – «Устар. То же, что собственноручный» [МАС, т. 4, с. 55]; «*В Белое море пала Архангельская Двина. Широка и* ***державна****, тихославная та река плывёт с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *державный* – «2. *перен.* Величественный, могучий, сильный» (МАС, т. 1, с. 389); «*Полуночная наша страна широка и дивна. С востока* ***привержена*** *морю Печора, с запада земли Кемь и Лопь, там реки рождают золотой жемчуг»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *привержен* от *привергнуть* – «приникнуть, приложить» [Словарь архаизмов 2008] и т.д.

В-третьих, устаревшие лексические единицы по своему звуковому и грамматическому оформлению, особенностям содержания и употребления, довольно часто обнаруживает **структурную и функциональную близость лексике народных говоров**, в том числе и поморского, что обусловливает их употребление в языке шергинской прозы, одной из характерных черт которого, как установлено в результате исследования, является типизация поморской речи (см. раздел 2.2): «*Те выкарабкались на незнакомое место и опять приправили грозить и лаять:*

зачем*стройки не видно!»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *зачем* – «(устар.) почему, отчего» [ТСУ, т. 1, с. 1070]; «*Ростят себе отец с матерью сына – при жизни на потеху, при старости на замену, а* ***сверстные*** *принимаем его в совет и дружбу, живём с ним дума в думу»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *сверстный* – «(устар.) 1. Имеющий одинаковый с кем-либо возраст. 2. Имеющий одинаковое с кем-либо звание, социальное положение» [Ефремова, т. 3, с. 313], ср.: *сверстник* – «человек, одинакового с кем-либо возраста; ровесник» [МАС, т. 4, с. 42]; «*Перед самой распутой зашли мы трое в Рыбопромышленный музей. Любуемся моделями судов, и Вася говорит: – Скоро и у нас будет* ***красовитое*** *судёнышко! Миша помолчал и говорит: – Одно не* ***красовито****: снова* ***править*** *деньги на отцах. Вздохнул и я: – Ох, если бы нашим письмом да рисованием можно было заработать!…»* (Шергин Б. В. «Миша Ласкин»), где *красовитый* в значении «красивый» [ТСД, т. 2, с. 476], *править* в значении «взыскивать, взимать, брать должное» [ТСД, т. 3, с. 989] не фиксируются позднее «Толкового словаряживого великорусского языка» В.И. Даля. Подобно предыдущим примерам, лексема *разорить* в значении «расстроить (какое-либо дело)» [ТСД, т. 3, с. 548] и образованное от него *разоритель* в соответствующем значении не фиксируются позднее «Толкового словаряживого великорусского языка»: *«На другой день мы бежим в собрание, а нам навстречу Миша: – Ребята, я книгу* ***разорил****? – Миша, ты не* ***разоритель****, ты строитель. Пойдём с нами»*(Шергин Б. В. «Миша Ласкин»).Устаревшая лексика не выделяется в языке прозы Б. В. Шергина как нечто чужеродное современной литературной речи, скорее наоборот, органично сосуществует в нём с неологизмами (советизмами) и окказиональной лексикой, будучи одним из многочисленных средств живого шергинского языка, феномен которого в том, что он «как явление духа не подчиняется законам времени» [Кекова, Измайлова 2014, с. 99].

5. Профессиональная лексика – это слова, которые используются в коммуникации представителей конкретной профессиональной сферы. Такая лексика используется для обозначения предметов и явлений, которые важны для осуществления данной профессиональной деятельности, известна узкому кругу

участников этой деятельности, так или иначе связанных с ней лицам, осознаётся как связанная с личной профессиональной принадлежностью, а в случае закрытого или узко специфического характера труда «присваивается» своими пользователями (дифференцируется носителями языка – становится социолектом). Профессиональная лексика ограничена своим употреблением в данной языковой среде, поэтому не включает в себя специальные термины общего характера, а в случае необходимости дублирует их [Шмелёв 1977, с. 44]. Профессиональная лексика является органичной частью словаря языка прозаических произведений Б. В. Шергина, описывающих традиционные сферы трудовой деятельности поморов (Таблица 7).

Таблица 7– Профессиональная лексика словаря языка прозаических произведений Б. В. Шергина

Сфера трудовой деятельности	*Примеры*
Мореплавание	*В устье Северной Двины много островов и отмелей. Сила вешних вод перемывает стреж-фарватер. Чтобы провести большое судно с моря к городу Архангельску или от города до моря, нужны опытные лоцманы. В старину эти водители судов назывались корабельными вожами* (Шергин Б. В. «Корабельные вожи»)
	*Древнесеверная рукописная лоция не только зрительно преподносит береговые попутные приметы, но буквально ощупывает дно морское, с подводными **коргами**, поливными **лудами**, **яграми*** (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»)
	*В нашей местности (Койденский берег) разное течение воды у прилива и отлива. Три часа идёт в нашу сторону, на **полунощник** (северо-восток). Потом три часа идёт в **шелоник** (юго-запад). Так ходит и **прибылая** и **убылая** вода. От берега в **голомя**, на Моржовец вода **компасит**: два часа идёт под **полунощник**, потом под всток идёт три часа, потом под юг около трёх часов, потом под запад идёт четыре часа* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»)
Кораблестроение	*Лес сосновый, рубили на Лае-реке, зимой, два года назад. Дерева – не кривулины, не **свили**, не **заболони** – настоящая **корабельщина*** (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
	*Конону Ивановичу было уже полсотни годов. Он обходил берега Ледовитого океана, строя шкуны, боты, бриги, гальоты и елы **сшивая*** (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
	*С борта на борт перекинул Конон Иванович **перешвы** – бимсы, на них постлал палубу. А в трюм, в **утробу**, на **поддон** намостили **подтоварье** – ставни из тонких досок, чтобы груз не подмокал* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
	*От **скул** к носу, где **хлюсты** – ноздри корабельные, навернули цепи и якоря* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
	*Выбрав дерево самое долгое, гладкое, крепкое, ровное, положили **матицу**, или **колоду**, то есть основание корабля – киль. На киль легла спина корабля, **поддон**. Продолжение киля – **упруги**, или штевни; к носу – форштевень, к корме – ахтерштевень* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»)
Рыболовный промысел	*При поясах имелись промышленные ножи – **клепики**. Оставалось ножом по доске нацарапать несвязные слова предсмертного вопля* (Шергин Б. В. «Для увеселения»)
	*Хуже всего **тюки** отвивать. **Тюк** – часть **яруса** океанской рыболовной снасти. В тюке четыреста метров длины. Тридцать связанных **тюков** составляют **ярус**, который и опускается в океан. После лова **ярус** опять развивается на **тюки**. Тут много дела и зуйкам. Тысячи лесок-**форшней**, тысячи крючков надо распутать* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»)
Охотничий промысел	*Остановились, глядим на своего **юровщика**: – Егор Иванович, что велишь? И Егор командует: – Заворачивай обратно! Сей день напромышлялись! А Олексишко забежал на торос на высокой и вопит: – Дядя! Татка! **Юрово**!! О, коль велико! Выстали на льдину, а в полуверсте зверя-то как дров! И любо на них глядеть: посередине матки лежат с робятами. Кругом, как стена нерушима, ограда крепка – самцы-**лысуны**… – Егор Иванович, что велишь?! – **Играть** давайте! Значит, надо нам зверины ухватки принять, зверем притвориться. Он нас видит, пущай на своих думает. Лезем на **юрово**, по душу его морскую, рукавицами гребём, задом подхватываем, головами покачиваем – как есть тюлени!»* (Шергин Б. В. «В относе морском»)

Продолжение таблицы 7

Сфера трудовой деятельности	*Примеры*
Охотничий промысел	*Отец был хороший стрелок, отроду с ружьём, и я юн забегал с дробовкой. С компасом и часы по солнцу узнавать отец меня выучил. Ступаем по мху, по мягким оленьим путицам, и он мне рассказывает о зверях, о птицах, о рыбах* (Шергин Б. В. «Поклон сына отцу»)
Изделия из дерева	*Как трава из-под снегов, потянулись к жизни художники-сундучники, живописцы-красильщики* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
	На деревянную чашу натянули жилы оленьи, гриф из вереска – вот и гудок с погудальцем. Два коровьих рога, в чём иглы держали, то сопелки-свирели (Шергин Б. В. «Новая Земля»)
Резьба по дереву:	*Бывало, никто и знать не хотел, что есть такой коробочник-ларечник Ванька Щекин. Теперь мне велено подписывать мои работы* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
	Как трава из-под снегов, потянулись к жизни художники-сундучники, живописцы-красильщики (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
Художественная роспись	*Живем соседственно, но в чертеже и в раскраске каждая деревня соблюдает свою добродетель. На Лебяжьей колер обожают самый нежный, «тьмо-лимонный» да «светло-осиновый», «голубой да лазоревый»* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
	Как трава из-под снегов, потянулись к жизни художники-сундучники, живописцы-красильщики (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
	Мастер хвалился: – Гляди, жена, олифа-то моя сколь успешна к делу. Голубец и охра здешни немудры. Багрянец из-под нашей же горы. А через олифу сколь они румяны и светлы! (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
	Корпусные краски – киноварь, охра, белила – объединялись нежно-прозрачными: голубец, празелень, багрянец (Шергин Б. В. «Виктор-горожанин»)
	У Ионы его многотрудные руки простирались только ко краскам да кистям, к столярным да к щекотурным снастям, а не ко граблению (Шергин Б. В. «Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание»)
	Краски добрые, а стратит без толку. Которую краску мизинной кисточкой задевать должно, они наплавом будут пущать, ворота красить (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
	У стоющей работы сухое дерево проклеивали клеем, который выварен из кожаных обрезков. Как высохнет, всякую ямуринку загладим. Тогда холщовую настилку, вымочив в клею, притираем на выделяющие места, где быть живописи. Паволока пущай сохнет, а я творю левкас: ситом сеянной мел бью мутовкой в тёплой и крепкой тресковой ухе, чтобы было как сметана. Тем составом выкроешь паволоку, просушивая дважды, чтобы ногтя в два толщины. И, по просухе, лощить зубом звериным, чтобы выказало как скорлупка у яйца (Шергин Б. В. «Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание»)

Профессиональная лексика в языке прозы Б. В. Шергина широко отражает также традиционные народные промыслы Русского Севера.

Профессиональная лексика составляет заметную часть «поморьской говóри», отражённой в языке шергинской прозы, отличается как лексико-семантическим, так и лексико-грамматическим разнообразием. Кроме этого, в прозаических произведениях Б. В. Шергина употребляются профессионализмы, которые не отражены в известных словарях поморского говора, что позволяет квалифицировать **язык писателя как ценный источник профессиональной лексики «поморьской говóри»**: «*Кудлатый долгобородый помор-капитан и тут не ударит в грязь лицом. Он ревёт у руля медведем на молодых помощников: – К снастям, други, к снастям!… Крепче кливер!* ***Рочи*** *шкот!…»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *рочить* в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснении собственных имён и названий» Б. В. Шергина квалифицировано как «мореходное» в значении «закреплять, привязывать; *рочить шкоты* – крепить шкоты» [Шергин, с. 473].

6. Специальная лексика – это официально принятые и регулярно употребляемые как в узко специальной речи, так и в общей коммуникации обозначения наиболее важных предметов и явлений данной сферы научного и профессионального знания. Специальная лексика по определению не является общеупотребительной, однако в отдельных случаях (благодаря социальной значимости обозначаемых ею понятий) может становиться известной широким кругам носителей языка.

Специальная (терминологическая) лексика в языке прозы Б. В. Шергина предназначена отражать уровень развития специального знания в среде русских поморов, многие из которых были носителями большого объёма информации в самых разных областях науки и техники. Вот как характеризует писатель одного из своих героев: «*Конон Иванович, родных сыновей потеряв, любил, как детей, своих помощников Василька и Олафа. Кроме кораблестроительства учил их языкам, английскому и немецкому, рисованию, математике и черчению, работе с морскими картами, с лоцией»*(Шергин Б. В. «Рождение корабля»). Конечно,

большинство поморов не обладало таким разнообразием знаний, однако в поморской среде было достаточно много грамотных и глубоко сведущих специалистов своего дела, которые не только имели учеников, но и сами учили своих детей, а также выступали в качестве сведущих людей (экспертов), формирующих общий фонд знаний, необходимый для общества (что показано на примере копирования старинной редкой книги в рассказе «Миша Ласкин»).

Специальная лексика в шергинской прозе представлена в основном сферой кораблестроения и оснастки парусного корабля: «*Строили из сосны. На самой дешёвой еловой посудине* ***мачта***, ***бушприт***, ***стеньги*** *непременно сосновые. Ну, остальной* ***рангоут*** *из ели. Ель на воде слабее сосны»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»); «*Суда у нас строили:* ***шкуны***, ***боты***, ***гальоты***, ***лихтеры***, ***кутера***, ***ёлы*** *мурманские,* ***шнеки***, ***карбаса*** *морские и речные. Прежде были* ***лодьи***, ***бригантины***, ***кочи***, ***барки*** *– всё большие корабли, на них давно мода отошла»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля»); «*Выбрав дерево самое долгое, гладкое, крепкое, ровное, положили матицу, или колоду, то есть основание корабля –* ***киль****. На киль легла спина корабля, поддон. Продолжение киля – упруги, или* ***штевни****; к носу –* ***форштевень****, к корме –* ***ахтеркштевень****. Как у тела человеческого на хребте утверждены ребра, так в колоду, в хребет, врастили рёбра корабельные –* ***шпангоуты»***(Шергин Б. В. «Рождение корабля»); «*Кудлатый долгобородый поморкапитан и тут не ударит в грязь лицом. Он ревёт у руля медведем на молодых помощников: – К* ***снастям****, други, к* ***снастям****!... Крепче* ***кливер****! Рочи* ***шкот****!...»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»); «*Три мачты ставят, когда судно на дальнее, океанское плаванье; если на ближнее, в своем море, то две. Передняя –* ***фок****-мачта, средняя –* ***грот****-мачта и задняя –* ***бизань****. С носа от* ***форштевня*** *уставился* ***бушприт»***(Шергин Б. В. «Рождение корабля»); «*С борта на борт перекинул Конон Иванович перешвы –* ***бимсы****, на них постлал* ***палубу****. А в* ***трюм****, в утробу, на поддон намостили подтоварье – ставни из тонких досок, чтобы груз не подмокал»* (Шергин Б. В. «Рождение корабля») и т.д.

В меньшей степени, но также широко представлена специальная лексика в сфере мореплавания: «*От юности до старости жизнь его прошла в службе*

Студёному морю. В звании ***матроса****, затем* ***штурмана*** *и* ***шкипера*** *ходил в Скандинавию и на Новую Землю. Имел степень* ***корабельного мастера первой статьи****. Ряд лет состоял главным механиком Мурманского* ***пароходства»***(Шергин Б. В. «Поклон сына отцу»); «*Это кораблику не беда, когда ветер попутный, в затылок; горе, если со всех* ***румбов*** *заповёртывает»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»); «*В устье Северной Двины много островов и отмелей. Сила вешних вод перемывает стреж-****фарватер****. Чтобы провести большое судно с моря к городу Архангельску или от города до моря, нужны опытные* ***лоцманы****. В старину эти водители судов назывались корабельными вожами»* (Шергин Б. В. «Корабельные вожи»); «*Освободившись от хозяйской кабалы, оба Ивана ушли на дальние морские берега, на промыслы… Старуха Губина докладывала: – Письма от мужа были, адрес не пишет, для того что на месте не сидит. И я спрошу тебя, товарищ председатель: ужели по теперешней науке нельзя дознать местоположенье хоть бы нашего Губы? Узнать бы да стребовать письмом. Гуля рассмеялся: – К сожаленью, и наука не может вычислить координаты наших мастеров. Ни их-ней* ***долготы****, ни* ***широты»***(Шергин Б. В. «Лебяжья река») и т.д.

Специальная лексика в произведениях Б. В. Шергина часто употребляется в метаязыковом контексте, поясняется: «*Иногда калач повесят на конец* ***реи*** *(<u>перекладина у мачты</u>), и зуйки один перед другим ползут по качающейся рее, добывают эту награду»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»); «*Как кожу дратвой, прошивали корпус вересовым корнем и железом и утверждали <u>дубовыми гвоздями</u> –* ***нагелями»***(Шергин Б. В. «Рождение корабля»); «*Домой едучи, в праздную минуту удивляют зуйки кто как может. Вот что творят. <u>На верхушке мачты есть шарик</u> – “****клотик”****». Назначают состязание: кто повернётся на клотике, тому приз»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»); «*Губа после встречи с Гулей Большаковым принялся за дело. Выточил большие деревянные блюда, какие шли для свадеб, и покрыл* ***левкасом****, <u>мелом на рыбьем клею»</u>*(Шергин Б. В. «Лебяжья река»); «*Старики помнят этот избыток деревянных аллегорий на носу и корме корабля. Изображался олень, и орёл, и феникс, и лев; также кумирические боги и знатные особы. Всё это резчик должен был поставить в живность, чтобы как в натуре.*

На корме находился ***клейнод****, или герб, того становища, к которому приписано судно»* (Шергин Б. В. «Для увеселения»); «*Готовое письмо, как просохло, выкрыл* ***олифой****, льняным вареным маслом»*(Шергин Б. В. «Лебяжья река») и т.д.

Специальная лексика в языке прозы Б. В. Шергина выполняет, прежде всего, **номинативную и информативную функции** в неразрывном единстве (используется как для номинации предметов той или иной специальной сферы, так и для передачи информации о них), часто при этом в сочетании с лексикой этнолингвомаркированной, чтобы подчеркнуть уровень развития и степень культивирования у поморов специальных знаний: «*Упрятанная в сундуке древняя и оригинальная* ***картография****русских поморов была забыта»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); «*Путеводительную часть старопоморской****лоции*** *сопровождали иногда "особые статьи" о природе ветров, о распорядке приливо-отливных течений, весьма сложных в Белом море»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава») и т.д.

Специальная лексика используется также в метаязыковой функции для толкования профессиональной лексики: «*Мы с Васей ликовали, величали Мишу кормщиком и* ***шкипером****, клялись, что до смерти будем ему послушны и подручны»* (Шергин Б. В. «Миша Ласкин»), где посредством термина *шкипер* – «(голл.*schipper*) морское судоводительское звание, капитан коммерческого парусного корабля» [Самойлов, т. 2, с. 625], толкуется значение профессионализма *кормщик* – «старший в промысловой артели на рыбных промыслах» [Ефремова, т. 2, с. 701]; «*Даже в начале века XX любой кормщик-****шкипер****… непременно имел при себе записную книгу, достаточно объёмистую»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); «*В этих «морских уставцах», «указцах» обсказаны корабельные маршруты из Белого моря во все концы Студёного океана, на запад, в Скандинавию, и «во всток», к Новой Земле и Печоре. Практическая часть этих манускриптов вполне соответствует печатным* ***лоциям*** *нашего времени»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где профессионализмы *уставцы, указцы* объясняются с помощью синонимичного *лоция* – «(морск.) часть науки кораблевождения, занимается подробным изучением морей и океанов и служит руководством, как располагать по ним курсы судна, минуя все опасности и применяясь к господ-

ствующим ветрам, течениям и другим местным условиям, и как совершать плавание по ним в наикратчайший срок» [Самойлов, т. 1, с. 515].

2.5. Лексические репрезентанты концептосферы Русского Севера

Художественная проза Б. В. Шергина является одним из примеров Северного текста русской литературы. Произведения писателя настолько полно и разнообразно отражают культуру и этнографию Апхангельска, что их можно по праву назвать энциклоптдией жизни северных поморов. В художественном пространстве прозаических текстов Б. В. Шергина нашли отражения основные концепты поморской картины мира. В этом смысле в концептосфере прозы писателя обрела своё воплощение и языковую репрезентацию концептосфера Русского Севера.

Концептосфера, по определению Д.С. Лихачёва, который впервые обозначил данный термин, – «совокупность концептов нации, она образуется через все потенции и комплексы концептов носителей языка» [Лихачев 1993, с. 4]. Сам по себе концепт – это «чистый лист, не обретший языковой формы; это первосмысл, первообраз, архетип, константа и т.д» [Колесов 2018]. В свою очередь, описание концептосферы любого писателя «подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего творческого наследия писателя» [Ломакина 2019, с. 781].

Феномен концептосферы в произведениях конкретного писателя рассмотрен в работах Е.Н. Антоновой (исследование поэтической концептосферы Ф.И. Тютчева в ракурсе функционирования в ней разноструктурных устойчивых языковых единиц с учетом лингвокультурной системы ценностей и их конфигурации в художественном интертексте [Антонова, 2021]), В.В. Леденёвой (анализ концептов в прозе Н.С. Лескова, обусловленных становлением личности писателя [Леденёва 2015]), О.В. Ломакиной (на примере отражения духовного и нравственного мира Л.Н. Толстого в концептосфере его произведений как общего массива, состоящего из нескольких уровней: идеи, образа, авторского замысла, языкового элемента, художественного приёма [Ломакина 2007, с. 44]).

При рассмотрении лексической репрезентации концептосферы Архангельского края в прозаических произведениях Б. В. Шергина мы опирались на положение, что «лингвистическое описание концепта не возможно без учёта его культурного аспекта» [Щерба 1974, с. 311], «текст любого художественного произведения отражает социо-историко-культурный контекст» (термин О.В. Ломакиной) [Ломакина 2015, с. 41], поэтому изучение концепта должно опираться на социальный и лингвокультурный аспекты [Эпштейн 2001, с. 232].

В рассказах Б. В. Шергина создаётся картина мира поморов, которая репрезентована в прозе писателя макроконцептами «Дом», «Мастер», «Художество», «Море», «Храбрость», в которых показан смысл жизни поморов-представителей разных профессий, прежде всего, промышленников, красильщиков, мореплавателей, ремесленников, плотников, сказителей и др.: искусный труд («Мастер») как истинное призвание к работе («Художество») в родном крае («Дом») как части огромного мира («Море»), благосклонного к доблестным и отважным людям («Храбрость»).

1. Макроконцепт «Море» превалирует в концептосфере как писателя в частности, так и Русского Севера в целом. Труд поморов, которому они отдавали все силы, навсегда связывал их с корабельгым промыслом. *Море,* его природные катализаторы определяли жизнь охотников и рыбаков на весь год: будут ли они с семьями или большую часть времени проведут в дальних краяз и морских странствиях. *Море* – это, во-первых, пространство. А создавая пространственные отношения, «мы чаще имеем в виду не то, каким образом наше представление о мире выражается в языковой форме, но то, каким образом те или иные предметы получают характеристику в некоторой системе координат» [Кравченко 1996, с. 83]. *Море* для поморов – некий предел между отчим домом и кочевой корабельной жизнью, источник *промысла*, нужного для пропитания, вот почему концепт «Море»проходит рефреном через все рассказы Б. В. Шергина. Данный концепт можно выделять как локальный, получивший семантическое выражение в результате ареально-топических отношений и варьирующимся от общего (узуального) до ав-

торского (окказионального) его воспроизведения в соответствии с интенцией писателя [Комкова 2020 а, с. 165].

В рассказах Б. В. Шергина наиболее частотным средством лексической репрезентации концепта «Море» является одноимённая лексема, которая в современном русском литературном языке имеет три семантических варианта: «1. Часть Мирового океана, более или менее обособленная сушей или возвышенностями подводного рельефа. 2. *перен.; кого-чего.* Обширное пространство чего-либо, занятое, заполненное кем-либо, чем-либо. 3. *перен.; чего.* Огромное количество, чрезвычайное обилие чего-либо» [МАС, т. 2, с. 299]. Также лексемами-репрезентантами концепта «Море» выступает ряд лексем, в т.ч. дериватов.

В рассказе «Новая земля» Б. В. Шергин замечает, что Поморский край («родная земля») и *море* – неделимое целое: не выжить моряку без тех богатств, которые щедро дарит «лазрная пучина», поскольку «*Архангельская страна, Двинская земля богатеет от* ***моря****. Угрюмо* ***Студёное море*** *– седой* ***океан****…»* (Шергин Б. В. «Новая земля»). Писатель посредством именного сказуемого *угрюмо* показывает, что *море* живое. *Море* не только дарует достаток и продовольствие, но и может наказать за корысть, за стремление к стяжательству. Не отправившись вовремя домой, желая привезти больше богатств, герои становятся узниками на далёком острове, отделённым от родины враждебным «белым морем», скованным льдами: «*Дула праматерь* ***морская*** *– пособная поветерь… Осень пошла. Старики говорят: “Время обратно. На добычу задоримся, да кабы беды не дождаться!…” В пятую неделю ожиданья на заре пошёл я к* ***морю****… И****море*** *увидел: белое такое… **Лёд**, сколько глазам достать, – всё **лёд**. **Льдины** – что гробы белые. И лезут они на берег, и стонут, и гремят»* (Шергин Б. В. «Новая земля»). В представленном контексте *море* связано со льдом: экспрессивные повторы реализуют одно из лексических средств вербализации концепта «Море» – *лёд* и его дериват *льдины*. Концептуальное содержание эпизода, репрезентованное посредством лексем *море, лёд,* создаёт семантическую двоякость, стирая смысловую разницу между ними: *море* здесь живое, чувствующее, ему чужды людская склонность к стяжательству, оно становится недовольным, враждебным и превращается в *лёд*

как символ гибели. Только длительное пребывание на острове, осознание своих ошибок, смерть друзей, раскаяние за необоснованную жадность позволяют героям рассказа вернуться на родину. *Море* как бы ощущает людскую боль, угрызения совести и прощает проступки, наставляя, как нужно жить: «*В Сретенев день солнышка мы навидались. В полном лике оно над морем встало… **Море** по-весёлому зашумело, **волна** разгулялась во все стороны света белого»* (Шергин Б. В. «Новая земля»). Концепт «Море» выражен лексемой *волна*, выполняющей функцию синекдохи: лёд растаял, поморы-промысловики заслужили снисхождение, ледяные глыбы превратились в весёлые волны. В этом рассказе лексема *море* употребляется во втором значении, гиперболизирующем локальность концепта [Филд 2012, с. 105], выражая живое существо, являющееся частью жизни поморов. Лексические вербализаторы концепта (*лёд, волна*), а также его актуализаторы (*страна*, *поветерь*) усиливают изменчивость морской стихии, разных настроений *моря*, тем самым олицетворяя его. Актуализатором лексемы *море* также служит адъектив *морской*. Попутный ветер *поветерь* тождественен прародительницы *моря*, роль которого в судьбе поморов актуализируется прилагательным *морской* [Комкова 2020в, с. 378].

В сборнике «О кормщике Маркеле Ушакове» писатель показывает, что деяния прошлых веков неделимо связаны с мифологизированной водной бездной, а моряки всегда являлись в Архангельске самодостаточным классом: «*Сказания о **морской** старине бытовали в **морском** сословии Архангельска и передавались из поколения в поколение»* (Шергин Б. В. «Рассказы о Маркеле Ушакове»).

В рассказе «Любовь сильнее смерти» концепт «Море» становится вечным спутником двух друзей – названых братьев Кирика и Олеши. *Море* охватывает их судьбы, все взлёты и огорчения, именно *морю* они даруют свои песни в минуты скорби: «*У **Студёногоморя**, в богатой Двинской земле, жили два друга юных, два брата названых, Кирик да Олеша… **Студёноеморе** на волнах стоит, по крутому взводню корабль летит. И Кирик запел: **Гандвиг**-отец, // **Морская** пучина, // Возьми мою // Тоску и кручину… // Завязалась праматерь **морская** – поветерь и взяла под крыло варяжский корабль, где Кирик навек позабыл печаль и тоску че-*

ловеческую» (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»). Холодное море обретает конкретное имя *Гандвиг*, скандинавское обозначение Белого моря, что создаёт смысловую двойственность первого и второго значений лексемы *море*. Праотцом героев является *Гандвиг*, а матерью всех моряков – *поветерь*.

Море хранит все мифы и сказания, счастливые и трагические. В рассказе «Для увеселения» именно *Белое море* сделало историю Ивана и Ондрияна Личутиных бессмертными для всех бороздящих просторы загадочной синей бездны, передающих от отца к сыну, из уст в уста: «***Белое море*** *изобилует преданиями… // Осенью 1857-го года // Окинула* ***море*** *грозна непогода…// И помяните нас, все плывущие // В сих концах* ***моря-океана»***(Шергин Б. В. «Для увеселения»).

Море – это момент взросления в жизни юного поколения, выбравшего морскую, кочевую жизнь. Труден путь *зуйка*, архангельского мальчишки, оторванного от милого сердцу дома, трудящегося на рыболовных судах. Однако *море* постепенно из враждебного незнакомца превращается в настоящего товарища, скрашивает одиночество зуйка: «*Брызнет зуйку в лицо крепким* ***морским*** *рассолом, и… вся грусть забудется. Которая слеза и катилась, та назад воротилась. В* ***море*** *простор, ширь, свет, любо в* ***море****!»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»). Посредством целого ряда актуализаторов (*простор, ширь, свет, любо*) лексема *море* раздвигает семантические границы: от бессменного попутчики до великой силы морского звания.

В рассказе «Егор увеселялся морем» показано значение *моря* в судьбе Егора, котороеявляется самым преданным другом моряка. Егор весь свой век провёл в плаваниях, лишь однажды решил остепениться, связать себя узами брака, но без любимой стихии это не дало ему ожидаемой радости. *Море* помогло Егору осознать, что лишь оно нерушимо в его судьбе, а встреча с супругой была дана таинственной лазурной гладью не для себя, а для товарища, недаром Егор именно по корабельным путям доставлял весточки будущим супругам: «*Жизнь моя началась на службе по Студёному* ***морю****… И вот я опять в* ***море. Попутный ветер*** *свистит в снастях.* ***Волны*** *идут рядами, грядами… И опять только* ***волны*** *шумят да* ***ветер*** *разговаривает с парусами. О* ***море****! Души моей строитель!»* (Шергин Б.

В. «Егор увеселялся морем»). Лексические актуализаторы *ветер*, *волны* раздвигают локальность концепта «Море» до широт, тождественных целой человеческой судьбе. А.А. Горелов приравнивал незримое присутствие *моря* как «определяющей природной стихии в жизни человека с мотивом метели» в повести А.С. Пушкина «Метель» [Горелов 1983, с. 8].

В рассказе «Двинская земля» Б. В. Шергин сравнивает водную стихию *моря* с Родиной. Море для поморов тождественно *земли*, вудь оно обеспечивает пропитание всем поколениям: *«Родную мою* ***страну*** *обходит с полуночи великое Студёное* ***море****… А в нашей* ***стране*** *–* ***вода*** *начало и* ***вода*** *конец.* ***Воды*** *рождают, и* ***воды*** *погребают.* ***Море*** *поит и кормит… а с* ***морем*** *кто свестен? Не по* ***земле*** *ходим, но по глубине* ***морской****. И обща судьба всем»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»). Корабельщикам *море* заместило *землю*. Лексическим актуализатором концепта «Море» выступает синекдоха *вода, воды*. Парцелляция, помогающая «досконально изучить вербализацию концепта в тексте» [Якобсон 1996, с. 99], стилистически акцентацирует внимания адресата (читателя) на основной мысли Б. В. Шергина: с моря начинается судьба корабельщика, морем ознаменован и конец жизненного пути каждого помора. Морское пространство получает конкретное имя *Гандвиг*, который для Б. В. Шергина является одушевлённым, имеет собственный характер и разные веяния в настроениях, как у живого, чувствующего человека: *«От Студёного* ***океана*** *на полдень развеличилося* ***Белое море****, наш светлый* ***Гандвиг****… и подымается лоно* ***морское*** *до заката солнечного. А наполнив реки,* ***мор****е как бы отдыхает; мы скажем: “****Вода****задумалась”. И, постояв,* ***вода****дрогнет и начнёт кротеть, пойдёт на убыль. Над водами прошумит слышно. Мы говорим:* ***Мор****е вздохнуло»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»).

Море мыслит и дышит, то есть концепт «Море» «становится концептом субъекта» [Витгенштейн 2010, с. 211], самостоятельным персонажем художественного произведения, при чём лексические актуализаторы апогезируют в повествовании эффект олицетворения *моря* в общем.

В художественной прозе Б. В. Шергина концепт «Море» репрезентуется не только одноимённой лексемой, получая авторскую интерпретацию за счёт других

слов. Так, образ *поветери* (попутного ветра) как символы всего Архангельского края постоянно используется для актуализации концепта «Море», засчет чего прилагательное *морская* всегда представлено в женском роде (водная стихия сродни матери), актуализирует одновременно скоротечность жизненного пути и вечность власти Океана. Топонимы *Студёное море, Гандвиг, Белое море* репрезентуют первое значение семантического пространства лексемы *море,* а лексемы *волна, страна, лёд* нужны для выражения молчаливого присутствия морской стихии на протяжении всей судьбы моряка, существования морского пространства как одушевлённого существа со своими ценностями и мировоззрением, тем самым расширяя локальность данного концепта до океанской необъятности, вечности бытия морского. *Море* – необходимая часть жизни корабельщиков, быт и культуру которых любил, знал и понимал и Б. В. Шергин. Концепт «Море» в рассказах писателя максимально приближен репрезентации *моря* в картине мира Архангельского края: от созерцания *моря* как водной стихии до придания *морю* свойств человеческой души со своей системой взглядов и ценностей [Комкова 2020 в, с. 379].

2. Макроконцепт «Дом» занимает второе место как в концептосфере Б. В. Шергина, так и в репрезентации Архангельского края. *Дом* для поморов – это не столько крыша над головой, сколько *земля*, откуда они уходят в *море* и куда возвращаются, это и само *море*, где моряки не только бьют зверя или ловят рыбу, но и проживают значительную часть судьбы в промышленный сезон или незапланированную зимовку на чуждых берегах Новой Земли или «Мурмана». Концепт «Дом» не столько макроконцепт, сколько интерконцепт, синтезирующий в себе фрагменты концептов «Земля», «Море» и «Жильё» [Комкова 2020а, с. 170].

При таком рассмотрении можно говорить, что концепт «Море», являющийся центральным концептом концептосферы Архангельского края, отчасти родственен по своему содержанию концепту «Земля» и вместе с ним создаёт макроконцепт «Дом». Подобня совокупность концептов внутри единой концептосферы отмечалась исследователями ранее [Прохоров 2009; Колесов 2018].

Языковая репрезентация концептов «Дом» и «Земля» выражено в художественной прозе Б. В. Шергина одноимёнными лексемами. В современном русском литературном языке лексема *земля* репрезентована семью лексико-семантическими вариантами: «1. Третья от Солнца, обитаемая планета. 2. Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства). 3. Верхний, поверхностный слой коры нашей планеты, а также её более глубокие слои; почва, грунт. 4. Рыхлое темно-бурое вещество, входящее в состав коры нашей планеты. 5. Территория, находящаяся в чьём-либо владении, пользовании, обрабатываемая, используемая в сельскохозяйственных целях почва. 6. *Высок*. Страна, государство. 7. Устар. Поле, фон (ткани, обоев), по которому сделан рисунок» [МАС, т. 1, с. 231]. Лексема *дом* представлена шестью лексико-семантическими вариантами: «1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жильё. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. 4. Династия, царствующий род. 5. *чего или какой*. Культурно-просветительное, научное, бытовое и т.п. государственное учреждение, а также здание, в котором оно находится. 6. *Устар*. Заведение, предприятие» [МАС, т. 1, с. 108]. Необходимо отметить, что традиционно соединение в русской языковой картине мира двух рассматриваемых концептов [Алтабаева, Маясов 2013, с. 57], а также их двойственное воспроизведение в художественной картине мира писателя, создают «лексический симбиоз» [Юрина 2005, с. 101], нивелируя понятийные различия между двумя рассматриваемыми лексемами (*дом* и *земля*).

В рассказах Б. В. Шергина доминирует второе значение лексемы *море*, шестое – лексемы *земля*, а при репрезентации лексемы *дом* – третье словарное значение, то есть писатель объединяет семантическое наполнение лексем *море* и *земля* в макроконцепт «Дом»: *море* и *земля* – это не только фрагмент океана и суши, но и часть судьбы человека, жизненного пространства , это родной очаг [Комкова 2020 а, с. 170]. Используя концепт «Дом» вне ареальной специфики, Б. В. Шергин стирает его топические признаки и «приближает их к вечным семейным ценностям» [Эдельман 1968, с. 34].

Лексема *дом* равнозначна значению слова *семья* в прозе Б. В. Шергина: «*Мама была родом из* ***Соломбалы.*** *У деда Ивана Михайловича шили паруса на* ***корабельной верфи****… дед с мурманским штурманом* ***домами*** *познакомились»* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»). Лексическими актуализаторами концепта «Дом» являются дедушкино дело *корабельные верфи* и топоним *Соломбала*. Само понятие лексемы *дом* полностью нивелируется значением слов *семья, близкие*. Отношения между людьми более объёмны, чем «линейное наполнение языка» [Формановская 2007, с. 20], поэтому концепт «Дом» во всех его лексических репрезентациях может раздвигаться до общечеловеческого пространства, но при этом продолжать олицетворять ценность отчего дома. Лексему *земля* писатель вводит в названия своих рассказов («Новая земля», «Двинская земля»), давая, таким образом, в целом понимание произведения, «используя как интертекст» [Фатеева 2007, с. 138]: земля праотцов и труд родителей важнее всего на свете по «ту сторону седого Гандвига».

Значение понятия *Отчий дом* для поморов тождественны с понятиями *земля* и *море.* На *море* помора ждёт промысел, нужный для содержания семьи, на *берегу* ждёт возвращения супруга с детьми, ради которых он и уходит в море, подстерегаемый опасностями: «*Как известно, мы в разлуке были десять дней. Первые четыре дня* ***восточный ветер*** *меня держал под* ***берегом****, а вас гонил открытым* ***морем****. В следующие четыре дня дул* ***русский ветер****. Он опять держал меня на месте, но вам позволил справить к* ***берегу****… День встречи и место встречи мы определили знанием* ***ветра****, знанием* ***берегов****, а не гаданьем и не колдовством… На рассвете следующего дня лодьи Анкудинова и Узкого оставили Новоземельский* ***берег*** *и добрым порядком пришли в* ***Архангельск»***(Шергин Б. В. «Новоземельское знанье»). Лексическим актуализатором концепта «Море» снова служит *ветер*, в данном контексте конкретизируемый прилагательными *восточный* и *русский*. Концепт «Земля» в названии рассказа вербализован однокоренным адъективом *новоземельский*, в тексте – существительным *берег*, причём последняя лексема в контексте семантизируется не только как «часть суши», но и как «символ отчего края, родной земли». Топонимизация существительных «заостряет важность их роли в системе общечеловеческих ценно-

стей» [Бредис 2019, с. 111], поэтому лексема *берег* для репрезентации концепта «Дом» Б. В. Шергин сопровождает использованием топонимов (типичным стилистический приём актуализации авторского концепта, что уже отмечалось исследователи [Ломакина 2018, с. 101]). Потенциал топонимов несомнене при изучении текста художественной литературы, поскольку «содержат в своих основах значительную и значимую информацию из самых разных информационных сфер: лингвистическую, историческую, социальную, культурологическую, психологическую, этнографическую и др. [Королёва 2016, с. 32]. Употребление гидронима *Гандвиг* и астионима *Архангельск*, которые характерны для прозы писателя, свидетельствует о том, что родной сердцу край для помора воспринимается как необъятная вселенная, не ограниченная пространством отдельных домов или улиц. «Земля» – родина, «Дом» – семья, родные люди, а восприятие мира художественных героев – «один из инструментов их познания» [Николина 2003, с. 131]. В понимании ценностей семьи, очага, братства и любви, концепт «Дом» в картине мира Б. В. Шергина максимально приближен к когнитивной репрезентации – отождествляется человеческой душе [Комкова 2020 а, с. 172].

3. Макроконцепт «Художество» занимает третью позицию в ряду наиболее значимых компонентов в рамках как художественной картины мира Б. В. Шергина, так и концептосферы Русского Севера. Данный макроконцепт репрезентируется устаревшей лексемой *художество* в значении «1. *Устар*. искусство» [МАС, т. 4, с. 630]; однако существенно расширяется за счёт общей коннотации данной лексемы в отношении не только «изобразительного искусства», но и «искусства» вообще, т.е. всего того, что требует творческого подхода, в том числе и в судостроении как сфере, требующей максимальной точности.

Художество понимается в рассказах Б. В. Шергина, прежде всего, в своём традиционном значении как различные формы изобразительного искусства, что восходит к наиболее древней его интерпретации в концептосфере Русского Севера: «*В статье “О хмелю” упоминается Никодим Сийский, автор трактата о “разноличных* ***художествах***”. *Никодим был родом с Онеги, в XVII веке именит был по всей Северной Двине как искуснейший живописец»* (Шергин Б. В. «Устьян-

ский правильник»). Так, «художеством» называется иконопись, и греческая (византийская), и древнерусская, и севернорусская (поморская): *Через двести пятьдесят лет после Рублёва другой старинный живописец, Никодим Онежанин, восторженно дивится светлости рублёвского****художества***(Шергин Б. В. «Слово о Москве»); «*Как-то выпросили москвичи у города Владимира одно достопамятное произведение греческого****художества****. “На малые сроки, на посмотренье и умиленье”. Выпросили на время, да и не захотели с “посмотреньем” расстаться… Во Владимир послали копию “Андреева письма Рублёва”»* (Шергин Б. В. «Слово о Москве») и т.д.

Как «художество» понимается и любая живопись, любое рисование, в том числе и художественная роспись как один из популярных народных промыслов Русского Севера: «*Любовь к слову сочеталась с любовью к* ***художеству****. Двери, ставни, столы, крышки сундуков в нашем доме расписаны его рукой. В живописи своей отец варьировал одну и ту же тему: корабли, обуреваемые морским волнением»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); «*Рисовать и красить отваживался я только в воскресные и праздничные дни. Переводил на серую бумагу лубочные картины или из “Родины” и цветил ягодным соком, свеклой, чернилом и подсинивал краской для пряжи. Которые картинки выходили побойчее, получал за них от деревенских копейки по три и по пятаку. Тогда и родители начинали смотреть на моё* ***художество*** *снисходительно»* (Шергин Б. В. «Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящинакраткое жизнеописание») и т. д. Более того, «художество» – это и работа самого обычного маляра, напр.: «*Любителей простонародного* ***художества*** *нонче у нас довольно. Уповаю, что и моя практика маляра-живописца послужит к пользе и удовлетворению таковых любителей»* (Шергин Б. В. «Устюжского мещанинаВасилия Феоктистова Вопиящинакраткое жизнеописание») и т.д.

В художественной картине мира Б. В. Шергина концепт «Художество» распространяется и на словесное и музыкальное искусство, которые были неотъемлемой частью традиционной северно-поморской культуры, где, как известно, сохранялась не только древнерусская фольклорная традиция, но и многие образцы

литературы античности и эпохи возрождения, развивалась русская народная музыка, причем в разных жанрах: *Наряду с* ***художеством*** *«рукотворным» стародавняя Москва любила музыку»*(Шергин Б. В. «Слово о Москве»); «*Русский народ, народ-художник, восхищение своё «эллинской премудростью» перенёс и на литературу. Предлагаемая народу на славянском языке литература содержала эллинскую премудрость, как и другие виды эллинского* ***художества»****(Шергин Б. В. «Слово устное и слово письменное»)* и т. д.

Кроме этого, концепт «Художество» распространяется в поморской картине мира на всё «рукотворное»: резьбу по дереву, изготовление деревянной утвари, ткачество, окраску тканей и набивку узора на ткани, кладку печей, штукатурное дело, создание рукописных книг и многое другое, что требовало исполнительского мастерства: «*Оставленные царской властью без призора, самобытные деревенские художники зачастую бросали своё* ***художество****. Но пришла пора, ударил и час… Потянулись к жизни* ***художники****-сундучники,* ***живописцы****-красильщики»* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»); «*По штату числились плотниками, а на деле выполняли резное****художество****. Старики помнят этот избыток деревянных аллегорий на носу и корме корабля. Изображался олень, и орёл, и феникс, и лев; также кумирические боги и знатные особы. Всё это резчик должен был поставить в живность, чтобы как в натуре…»* («Для увеселения»); «*Я их не слушаю, я мастерству дивлюсь: каждая печь как город возведена, а выглядит как игрушечка. И кирпичики, и карнизы, и уголки – всё слажено хитрым вымыслом. И я ахнула от восхищения: – Отсохни мои руки, если я это* ***художество*** *буду слепым мелом мазать!»* (Шергин Б. В. «Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится»); «*Вот полотно: под песню прядено, под сказку тканo, на мартовском снегу белено. Мы к ткачихину****художеству*** *своё приложили. Краски натуральные: от матушки сырой земли, и от коры березовой, осиновой, от дерева сандала, от ягод, от цветущих трав»* (Шергин Б. В. «Дождь»); «*Миша Ласкин любил читать и то, что нравилось, переписывал в тетради. На свободных страницах я рисовал картинки, и у нас получалась книга. Книжное****художество*** *увлекло и Васю: он писал, будто*

печатал. Нам дивно было, какие альбомы получаются у Миши из наших расписных листов» (Шергин Б. В. «Миша Ласкин») и т.д.

Лексемой *художество* в языке прозаических текстов Б. В. Шергина означается не только наименование или процесс рукотворного творчества, но и его результат – изделия, роспись и др. конкретных мастеров-«художников»: «Опять и такой случай был: скупщик на пристани парохода ждёт, сидит на ларце – Ивана Губина работа. Щека это усмотрел, к купцу подскочил и плюху дал: “Недостоин ты в руках носить Губино художество, не то что сидеть на нём…”» (Шергин Б. В. «Лебяжья река»); «*Соловецкие суда отличались богатством украшения. Я знавал там ревнителя искусства сего рода. Его звали Евграф, был он отменный резчик по дереву… Он говорил: – …Когда мой ум обленится, я иду глядеть* ***художество*** *прежде бывших мастеров. Любуюсь, удивляюсь: как они умели делать прочно, красовито…»* (Шергин Б. В. «Евграф»); «*Недавно мастер поручил Мите выклеить столешницу – верхнюю доску стола – и сказал: – Это заказ от академии. Сроку дано две недели… Целую неделю Митя радовался, что ему доверена такая важная работа… Бежит на улицу, встречает приятелей: – Подумайте, ребята, моим* ***художеством*** *будут любоваться профессора и академики»* (Шергин Б. В. «Собирай по ягодке – наберёшь кузовок») и т. д.

Следует отметить, что главным мотивом репрезентации макроконцепта «Художество» в языке прозы Б. В. Шергина выступает отождествление понятий *художество* и *судостроение*, на что делаются специальные исторические отсылки и справки: «*Новгородцы и дети их, архангельские поморы, науку мореплавания называли «морское знание», а судостроение обозначали словом “****художество****”»* («Запечатленная слава»); «*Автор “Малого Виноградца” характеризует “судостроительное****художество****” Ушакова так: “Ушаково мастерство Маркелово было рассудительно и с любопытством, а не только по старым извычаям. Ушаковские суда заморские обдуманы по чертежу… Ушаков был ученик нехудых учителей и не хотел уважить иноземным кораблям. Однако их рассматривал испытно, чая пользы своему любезному****художеству****”»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); «*Фёдор Вешняков приводит такой факт: “У допросу от коммерц-*

*конторы: куда которые суда ходили, я и похвалился своеручным чертежом. Да и ушаковский объявил, Новоземельской". Господин Присутственный смолчал, а конторские опосле говорят: "Дляприезду господина члена, ты бы постыдился карбасное-то****художество*** *казать. Соблюдал бы в сундуке"»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); и т.д. В художественной прозе Б. В. Шергина отражена высочайшая степень уважения людьми Русского Поморья тех, кто строил уникальные поморские корабли – *лодьи*, *шкуны*, *карбасы*, *шнеки*, способные ходить по «суровому Северному морю-океану» с его лютыми ветрами и высокими волнами, быстрыми течениями и коварными льдами, подводными камнями и береговыми отмелями. Судостроительное «художество» поэтому часто сопровождается в текстах писателя атрибутом *любезное*: «*Ушаковские суда заморские обдуманы по чертежу. Лодья уж на воду спущена – мастер ещё примечает, смекает и на догадку берёт. Заботился, чтобы шито было прочно; беспокоился, насколько будет красовито на ходу, под парусами. Ушаков был ученик не худых учителей. И не хотел уважить иноземным кораблям. Однако их рассматривал испытанно, чая пользы своему любезному* ***художеству»***(Шергин Б. В. «Ушаков и Фома Кыркалов»)и т.д.

Квинтэссенцией репрезентации концепта «Художество» в картине мира Б. В. Шергина является одноимённая новелла из серии «Рассказы о кормщике Маркеле Ушакове», входящей в цикл рассказов «Государи-кормщики». Эта новелла своим содержанием демонстрирует и объясняет не только объём макроконцепта «Художество» в картине мира Русского Поморья, но и то отношение к *художеству*, которое бытовало у поморов: «*Маркел Ушаков насколько был именитый мореходец, настолько опытный судостроитель. В молодые свои годы он обходил морские берега, занимаясь выстройкой судов. Знал столярное и кузнечное дело; превосходно умел чертить и переписывать книги. Все свои знания Маркел объединял словом "****художество****". Спутник и ученик Маркела, Анфим Иняхин, спросил Маркела: – Когда же мы сядем на месте, дома заниматься****художеством****? Маркел отвечал: – Кто же теперь отнимет у нас наше* ***художество****? Художество места не ищет. Маркел говаривал: – Пчела куда ни полетит, делает*

мёд. Так и художный мастер: куда ни придёт, где ни живёт, зиждет доброту (создаёт красоту). У работы Маркел любил петь песню. Скажет, бывало: – Сапожник ли, портной ли, столяр ли – поют за работой. Нам пример – путник с ношей. Песней он облегчает труд путешествия» (Шергин Б. В. «Художество»). Здесь писатель показывает границы семантического расширения лексемы *художество* как собственно языковой основы лексической репрезентации макроконцепта «Художество» в концептосфере Русского Севера.

4. Макроконцепт «Мастер» в художественной картине мира Б.В. Шергина занимает важное место и неразрывно связан с макроконцептом «Художество»: «*Докладчик Панкрат Падиногин спросил собрание: – Известен ли вам художественный**мастер** и мореходец Маркел Ушаков? Собрание отвечает: – Ты бы ещё спросил, известны ли нам отцы наши и матери! Мореходные и судостроительные чертежи Маркела Ушакова друг у друга отымаем»* (Шергин Б. В. «Ничтожный срок») – в данном примере концепт «Художество», представленный в тексте адъективами *судостроительный* и *художественный*, соединяется с концептом «Мастер», вербализованным соответствующей лексемой.

В следующем примере пересекаются концепты «Художество» и «Мастер», в тексте *художник* – это «мастер», так как умеет только *истинный, настоящий* «Мастер»заниматься *художеством* – строить корабли: «*Этак однажды привёлся на пристани Фома Кыркалов, поздоровался с Маркелом и говорит насмешливо: – Всё ходишь, Маркел Иванович? Всё любуешься на суда свои? Наглядеться, налюбоваться не можешь?… – Нет, нет, Фома Онаньевич, – горестно и гневно отвечал Маркел. – Досадовать хожу, горячиться сам на себя хожу. Гляжу, ошибки свои считаю. Косность ума своего обличаю. Кыркалов снял шапку и поклонился Ушакову в пояс: – Когда так, Маркел Иванович, – ты настоящий, истинный**художник**!»* (Шергин Б. В. «Ушаков и Фома Кыркалов»).

Дело, которому поморы отдавали себя без остатка, считалось в их сословии настоящим мастерством, поэтому концепт «Мастер», проходящий рефреном через всю прозу Б. В. Шергина, является одним из ключевых для понимания творчества

писателяв частности и концептосферы Архангельского края в целом [Комкова 2020б, с. 238].

В рассказах писателя наиболее частотным лексическим средством воспроизведения концепта «Мастер» является одноимённая лексема, имеющая в современном русском литературном языке четыре лексико-семантических варианта: «1. Квалифицированный работник, занимающийся каким-л. ремеслом. 2. *Обычно чего или какой.* Человек, достигший большого умения, мастерства в своём деле. 3. Лицо, осуществляющее административное и техническое руководство цехом, сменой и т.д. 4. Звание, присваиваемое спортсменам, достигшим определённых результатов в том или ином виде спорта, а также лицо, носящее это звание» [МАС, т. 2, с. 234]. Кроме этого, широко представлены дериваты-существительные *подмастерья, мастерская*, гипеерболизируя тем самым совокупность концептуального содержания повествования: «*Красильщики Фатьян* ***с подмастерьями*** *Тренькой да Сенькой Бородатым карбасом по Северной реке причалили к деревням, красили портна, набивали узором полотна»* (Шергин Б. В. «Дождь»);«*В* ***мастерской*** *работали на совесть, чтобы прочно было и пригоже… **Мастера** любили работу, и работа удавалась. Тоже, значит, **мастеров** любила»* (Шергин Б. В. «Дождь»)и т.д.

Наиболее последовательно концепт «Мастер» раскрывается в цикле рассказов Б. В. Шергина «О кормщике Маркеле Ушакове». Повествуя о встрече Ушакова и Фомы Кырколова, через монолог последнего приводится описание настоящего *мастера*, который постоянно должен радеть за свой труд, пытаться достичь в нём совершенства, тогда дело жизни превратится в настоящее «художество». В рассказе о юном Маркеле «Мастер Молчан» Б. В. Шергин так рисует портрет мастера: «*На Соловецкой верфи юный Маркел Ушаков был под началом у* ***мастера*** *Молчана. Первое время Маркел не знал, как присвоиться к этому учителю, как его понять. Старик всё делает сам. По всякую снасть идёт сам. Не скажет: принеси, подай, убери. Маркел старался уловить взгляд* ***мастера*** *– по взгляду человека узнают. Но у старика брови, как медведи, бородища из-под глаз растёт – поди улови взгляд»* (Шергин Б. В. «Мастер Молчан»). Если в первом случае лек-

сема *мастер* выступает в своём втором (узуальном) значении, то во втором случае границы значения лексемы *мастер* расширяются, а концепт «Мастер» получает новый семантический оттенок. Так, *мастер Молчан* предстаёт наставником, одарённым бесценными свойствами души («*Старик всё делает сам. По всякую снасть идёт сам. Не скажет: “принеси, подай, убери”*»), поэтому является примером для подражания.

Настоящего *мастера* Б. В. Шергин величает *художником*, ведь его работы неповторимы и навсегда запечатлены в памяти будущих поколений: «*Не от слов, а от дел и примера учись нашему* ***художеству****… Ты ведь* ***художник****. Твоего дела тесинку возьмёшь, она, как перо лебединое»* («Мастер Молчан») и т.д. Лексема *художник* репрезентована в тексте в своём третьем значении и тождественна слову *мастер* в его втором значении, тем самым стирается грань между понятиями, которые становятся единым целым: искусство и ремесло неразрывны, если делаются с душой и оба невозможны без истинного таланта. За что бы ни брался *мастер*, всё у него из рук должно выходить *художным* – добротным и красивым: «*Пчела, куда ни полетит, делает мёд. Так и* ***художный мастер****: куда ни придёт, где ни живёт, зиждет доброту» (создаёт красоту)* («Художество»).

Для жителей Архангельского края поиск своего призвания в жизни является необходимостью. Для Маркела Ушакова *мастер* – это не возраст человека, не время нахождения его в выбранном деле, а уровень овладения любимым ремеслом, что именитый кормщик и объяснил народу в рассказе «Ушаков и Яков Койденский», где употребление глагола *чествовать* даётся в значении высшего одобрения ремесла Койденского, при этом усиливая семантику агентива *мастером*, о котором говорят по его делам: «*Как-то при людях Маркел почествовал Якова, назвав его* ***мастером****. Люди подивились: – Столь молодого ты называешь* ***мастером****… Маркел отвечал: – Дела его говорят, что он* ***мастер»***(«Ушаков и Яков Койденский»). При помощи имени *Маркел* (от лат. *Marchellus* – «воинственный», то есть несгибаемый, идущий к выбранной цели, чтящий свой путь) Б. В. Шергин, как подметил А.А. Горелов, создаёт «звуковое эхо к слову *мастер*, оттеняя мировоззрение героя, его отношение к труду и ремеслу» [Горелов 1984, с. 4].

В восприятии жителей Архангельского края и в языке художественной прозы Б. В. Шергина слово *мастер* является гиперонимом, поскольку обозначает целый мир разных профессий и понятий, свойственных поморам, в каждом из этих ремесел необходимо совершенствовать своё *мастерство*, работать как истинный «художник», каким бы ни было выбранное дело. В рассказе «Понятие об учтивости», входящем в цикл «О кормщике Маркеле Ушакове», крестьяне из деревни *Лодьма* парируют проезжавшему мимоходом проверяющему, что у них все *мастера*, каждый в свой отрасли «Мастер», напр: «*Кто у вас тут* ***мастер****? – Все-****мастера****, кто у чего…»* («Понятие об учтивости»). Каждое занятие заслуживает звания *мастера*, если человек живёт своим ремеслом, отдаёт ему все жизненные силы. Только ювелирное оттачивание мастерства даёт непререкаемое право называться «Мастером», о чём и повествует Б. В. Шергин: «*У твоей бабки есть звание «****мастер****малярного дела». Она и штукатурное и малярное дело умеет, и краску всякую знает, и древесную породу понимает»*(«Собирай по ягодке – наберёшь кузовок»); что также отражается в характеристике портрета плотника: «*Теперь* ***мастер*** *принялся за крыльцо… Простая снасть топор, но в умелых руках всякое дело родится красовито. Неправильно говорят, что, например живописец – это художник, а плотник, столяр – это простой рабочий»* («Плотник думает топором»), где Б. В. Шергин увеличивает семантическое пространство посредством расширения концептуального ряда *художник*, *мастер* устаревшим *живописец,* «репрезенуя равновеликие в его понимании наименования, используя приём авторской семантизации» [Бахтин 1986, с. 155], акцентируя преемственность и ремесла от мастера к мастеру. Не менее востребован у поморов и *мастер-сказитель*, рисующий в своих текстах богатую культуру и историю Архангельского края, создаваемые веками традиции мореходного дела и рыбного промысла, устные сказания и предания, песнопения и былины, необходимые для памяти и для заслуженного отдыха, поскольку каждый непознанный морской путь, каждый полученный на земле и в море опыт необходимо «запечатлеть» в бессмертном слове: «*Из-за нас,* ***мастеров****-посказателей, артельные старосты плахами берё-*

зовыми бились, дрались, боем отбивали, отымом отымали нас друг у друга» (Шергин Б. В. «Новая земля»).

Лишь собирание по крупицам опыта и достижений старших, как считали жители Архангельского края, формирует душу настоящего художника, поэтому всегда необходимо использовать достижения мастеров старой школы: «*Когда мой ум обленится, я иду глядеть художество прежде бывших**мастеров**. Любуюсь, удивляюсь: как они умели делать прочно, красовито…»* (Шергин Б. В. «Дождь»). Лексема *красовито* помогает погрузиться в атмосферу прошлого, приобщиться к богатейшему культурному наследию поморов, понять, что достойно истинного *мастера* [Комкова 2020б, с. 238].

В рассказе «Дождь» настоящий *мастер*, наполненный своим делом, не представляющим без него ни минуты, противопоставлен псевдомастеру, исполняющему работу ради вознаграждения, не радеющего за своё доброе имя. Образу заезжего *мистера Пыха*, желающего исключительно быстрого, пусть даже незаслуженного заработка, образ русского *красильщика Фатьяна* противопоставлен в рассказе: «*Русский**мастер**у работы радоваться хочет… Краски натуральные: от матушки сырой земли, и от коры берёзовой, осиновой, от дерева сандала, от ягод, от цветущих трав»* (Шергин Б. В. «Дождь»). Подмастерья у *мастера Фатьяна* без сна, днями и ночами трудились вместе с ним, перенимая его ремесло и опыт, а у *мистера Пыха* – только однодневные, заезжие работники, как и он, заработывающие на цветовом многообразии плохих тканей, не несущие ответственности за свои изделия и бросившие Пыха при первом случае, ведь «благодарность» модниц за такой «труд» довольна предсказуема [Комкова 2020 б, с. 238]. *Мастер Фатьян* даже перед лицом грядущей гибели гордится своими тканями, именует вышитый им узор *художеством*, достойным истинного ценителя качественной работы: «*Пережить не уповаю. А своего **художества** непонимающим людям оставить не желаю, – торжественно сказал Фатьян»* (Шергин Б. В. «Дождь»).

Народность концепта «Мастер» присуща и рассказу «Рождение корабля», где судостроитель *Конон Иванович Второушин* по прозвищу *Тектон* (т.е. строи-

тель) или *любезный мастер* противопоставлен *кронштадтскому мастеру Пигину* из Немецкой слободы, зависящему от её указаний и решений, а не от личного мнения. Тектон же рисуется как мастер, имеющий собственные взгляды, что в любом случае благотворно скажется на строении судна, ведь новый корабль облегчит рыбный промысел и откроет неизведанные морские пути: «*Было подумали на Пигина, кронштадтского* ***мастера****, он давно насватывался, но помянули, что Пигин, человек зависимый, ему Немецкая слобода только покажет-он артельное дело бросит… Нет уж, без нашего* ***мастера*** *Конона Ивановича нам не сняться»* («Рождение корабля»). С *Пигиным* отождествляется первое значение словоформы *мастер* (квалифицированный работник), с *Тектоном* – и первое, и второе с превалирующей ролью последнего (тот, кто достиг мастерства в своём деле). *Тектон* – это мастер, для которого судостроительство не просто определённая работа, но и истинное призвание [Комкова 2020б, с. 239].

Концепт «Мастер» в прозе Б. В. Шергина помимо вербализации как фрагмента концептосферы Архангельского края наделён ещё и авторским толкованием за счёт увеличения масштаба узуального значения лексемы *мастер*, а также лексем *художник, живописец* необходимых для обозначения человека, филигранно владеющего выбранной им профессией, достигшего в ней настоящего мастерства. Для поморского мастера его работа – труд всей жизни, «художество», которому он останется верен до последнего вздоха. Концепт «Мастер» в прозе писателя тяготеет к лингвокультурной репрезентации. Труд мастера из народа, любящего своё ремесло, неоценим, говоря о наследии Поморского края в целом: каждый маленький узор на корабельном судне, каждый построенный корабль, каждая ткань или роспись, умело созданная истинным *мастером*, являютсяважной частью огромного пласта севернорусского славянского наследия – достояния поморских мастеров. Обращение в лингвокультурной репрезентации концепта «Мастер» к образу конкретного человека для понимания жизни целого народа, его быта, делает художественную прозу Б. В. Шергина уникальным компонентом сверхтекста Русского Севера.

5. Макроконцепт «Храбрость» занимает особое место в прозе Б. В. Шергина: с одной строны он является несколько обособленным фрагментом концептосферы писателя, с другой – объединяет четыре вышеперечисленных концепта, ведь овладение профессией моряка всегда требовало не только недюжинной физической силы, но и подлинной отваги, когда корабельщики больше года могли не видеть родных, когда шторм на судне мог оказаться фатальным для каждого из команды. Храбрость и отвага были необходимы, чтобы вернуться *домой* из синих пучин неспокойного *моря*, чтобы отстоять своё мнение при строительстве кораблей и овладении ремёслами, чтобы смело и заслуженно называться истинным *мастером*, способным творить *художества*.

Для поморов, которые больше всего на свете всегда ценили честность и дружбу, отвага и доблесть являлись непреложными качествами порядочного человека: ради родной земли или товарища можно пожертвовать собственной судьбой, свои ошибки невозможно признать без определённой толики мужества [Горелов 1984, с. 5]. Сама жизнь в Архангельском крае всегда была сопряжена с определённым риском, обусловленным суровой природой региона, требующей постоянного поединка человека с естественными условиями родного края, поэтому концепт «Храбрость» «незримым рефреном пронизывает все рассказы и сказы» Б. В. Шергина [Горелов 1984, с. 5].

Одним из лексических средств репрезентации концепта «Храбрость» является одноимённая ему лексема. Согласно «Словарю русского языка», лексема храбрость имеет всего один лексико-семантический вариант: «Мужество и решительность в поступках, умение преодолеть страх; смелость» [МАС, т. 4, с. 202], который условно можно разбить на 2 микросемантических подраздела [Зализняк 2010: 203], т.е. лексико-семантические варианта: «1. Отвага, мужество. 2. Способность превозмогать страх».

В рассказе «Детство в Архангельске» Б. В. Шергин употребляет одноимённую лексему и её дериват при описании наказа своего отца тогда ещё маленькому мальчику Боре в любой жизненной ситуации быть прилежным, честным, храбрым: *«**Грамоту честности и храбрости**, азбуку, мне отец подарил к Новому го-*

ду, поэтому в начале было написано стихами:Будь, сын, отца ***храбрее****, // Матери добрее. // Живи с людьми дружно»* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»).

Для отца мальчика качества грамотного человека неразделимо связаны с общечеловеческими ценностями: смелостью, добротой, дружбой. Словосочетание *грамота честности и храбрости* является авторским репрезентантом концепта «Храбрость»: происходит отождествление данного понятия с непреложными истинами жизни человека и его судьбе. Храбрость, эквивалентная азбуки жизни, – это не столько смелость и отвага, сколько умение преодолеть страх перед новым, неизведанным, найти своё предназначение в этом мире [Горелов 1984, с. 8]. Компаратив прилагательного *храбрее* выражает надежду отца, что его ребёнок займёт достойное место в жизни и добьётся больших успехов, чем его родители. Лексема *храбрость* представлена в значении «преодоление своих страхов и сомнений».

В статье «О хмелю» Б. В. Шергин вновь относит храбрость к основным человеческим качествам, приводя его в «контексте семантической антитезы» [Лихачёв 2014, с. 101]: описывая пьянство как смертный грех, писатель подчёркивает, что данная пагубная привычка лишает человека всех истинных душевных качеств: *«Всем ведомо и всему свету проявлено, какая беда пьянство. Философы мысль растрясли и собрать не могут. Чины со степеней в грязь слетели. Крепкие стали дряблы, надменные опали.* ***Храбрые*** *оплошали, богатые обнищали»*(Шергин Б. В. «О хмелю»).

Предложение «Всем ведомо и всему свету проявлено», которое построено на повторе (определительное местоимение *всем, всему* в дательном падеже с краткими формами причастий *ведомо и проявлено*), настраивает читателя на неотвратимость потери всех человеческих качеств от хмеля, в том числе и отваги. Субстантивация прилагательного *храбрые* и других адъективов (*крепкие, надменные, богатые*) придаёт предложению «законченную былинность, повествующую о благородных прародителях, находящих сладчайшую радость в работе, но не в вине» [Горелов 1983, с. 8]. Рассказ «О хмелю» являет собой некий призыв наоборот: развенчивая пагубность пристрастия к «претящим вкушениям», Б. В. Шергин называет такие истинные достоинства «благородного мужа», как сила, доброта, *храбрость*. «Увы, хмель стирает

разницу между добротой и пагубностью: смелостью и надменностью. Искать себя гоже в труде, а не разгуле» [Горелов 1983, с. 10]. Лексема храбрость вновь выступает в значении преодоления своих страхов и пороков.

В рассказе «Любовь сильнее смерти» Б. В. Шергин употребляет субстантиваты для описания последних мгновений жизни Кирика, осознавшего, что нет ему жизни без товарища Олеши, и лучше погибнуть, чем нести вечный груз чувства вины: *«Кирик! Подвигом ратным стёрта твоя вина перед братом. Мы с тобой поплывём в светлый путь, в Гусиную белую Землю, где вкушают покой души добрых и* ***храбрых****. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гусли беседовать с мёртвыми. Там немолчно рокочут победные гусли, похваляя* ***героев****…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»). Субстантиваты *добрые и храбрые* включены писателем в синонимический ряд, что «вновь ставит отвагу наравне с незыблемыми ценностями: честностью, сочувствием, справедливостью» [Горелов 1984, с. 5]. Лексема *герой*, употреблённая во множественном числе, служит репрезентантом концепта «Храбрость», подчёркивая всю трагичность и в то же время «силу человеческих стремлений» поступка Кирика: понимая, что смерть друга, благодаря которой стала возможна его женитьба на Моряшке, не принесла ничего, кроме вечных страданий о безвременно погибшем друге. Кирик принимает смерть в бою с варягами как *герой*, «защищая не только границы земли Русской, но и память вечной дружбы своей с братом Олешей» [Горелов 1983, с. 8].

Истинная отвага поступка Кирика не только в желании защитить родной край ценой собственной жизни, но и в осознании того, что смерть Олеши, о которой он втайне мечтал (избавиться от соперника в борьбе за сердце возлюбленной), хоть и боялся своих мыслей, не принесла им с женой ничего, кроме разочарований и скорби. «Понять свои заблуждения – вот истинная храбрость поморской души!»[Горелов 1983, с. 8]; семантическая репрезентация лексемы храбрость расширяется до новых смысловых границ [Зализняк 2010, с. 101]: от отваги признания своих ошибок до подлинного мужества пожертвовать собой ради свободы малой Родины.

В рассказе «Золотая сюрприза» Б. В. Шергин повествует о подлинном примере храбрости и доблести: Иван Широкий отдаёт немцам свои трофейные часы, золотую сюрпризу, и добровольно сдаётся в плен в обмен на освобождение друга Марко Дудина, прекрасно осознавая, что его ждёт скорая гибель. Рассказ начинается «хвалебной песней, проносящей подвиг Иванушки» [Горелов 1983, с. 8]: *«Немцы Ивана убили; // В белый мох огрузили // Шли-прошли скоморошки // По белому мху, по болотцу, // Выломали по пруточку, // Сделали по гудочку, // Тихонько в гудки заиграли, // Иванушкину жизнь рассказали, // **Храброе** сердце хвалили»* (Шергин Б. В. «Золотая сюрприза»).

Употребление просторечного глагола *огрузили* позволяет перенести читателя в «дивный мир поморской былины», в стихах которой подвиг Ивана не забудется никогда. Репрезентантом концепта «Храбрость» служит словосочетание *храброе сердце,* еще раз акцентирующее внимание на подвиге Ивана Широкого. Лексические повторы, достигаемые посредством предлога *по* и глагольной формы-тавтологизма *шли-прошли*, позволяют «осознать тяжесть нахождения героя в последние минуты жизни на чужбине» [Горелов 1983, с. 11]. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в употреблении существительных и наречия (*скоморошки, болотцу, пруточку, гудочку, тихонько, Иванушкину*) позволяют передать «мелический плач» русской песни, восхваляющей истинное мужество и подлинную храбрость [Горелов 1984, с. 5]. Ещё одним репрезентантом концепта «Храбрость» в рассказе является глагольная форма *хвалили*, подчёркивающая неоспоримость силы духа Ивана, величие его жертвы.

Б. В. Шергин считает, что храбрость и отвага, как и другие «красоты человеческой души» [Горелов 1983, с. 8], являются качествами наследственными и преемственными, передаваемыми от отца к сыну. Так, подвигу Ивана Широкого предшествует описание героической гибели сына героя Васи, который, будучи совсем ещё юным, ушёл на войну добровольно: «*Когда Вася пал **храброй** смертью, Иван горе своё на люди вынес. Сядет в народе, руками всплеснёт и слезами зальётся, вспоминая о Васиной смелости»* (Шергин Б. В. «Золотая сюрприза»). Концепт «Храбрость» в рассказе представлен адъективом *храбрый* и синонимич-

ным существительным *смелости*, что позволяет читателю осознать: в роду Широких мужество и храбрость в большой чести, даже плач о своём сыне Иван «выносит на люди», чтобы песнь доблести сына осталась в веках в поморских песнях. Лексема *смелость* представлена в значении ‘неподдельная отвага и мужество’.

Кульминацией описания мужества поморского народа, не зависящего от пола или возраста, можно считать рассказ «Офонина бабушка». Бабушка юного Офони, которой Б. В. Шергин даже не даёт имени (ее подвиг свойственен любой простой русской женщине, дорожившей своей семьёй и свободой родного сердцу края), остаётся одна в деревне и, когда приходят немецкие оккупанты, даже под страхом быть заживо закопанной не сдаёт укрытие красноармейцев, а также запасы их провизии. Несколько дней немцы заставляют её рыть саму себе могилу, но воля бабушки спасти односельчан не колеблется за все это время ни на миг. Благодаря её молчанию красноармейцам удаётся освободить деревню, а мужество Офониной бабушки становится своеобразным гимном истинной храбрости и отваги: *«Командиришко полтуши ко мне и поворотил, уего глазки сделались кровавы: – Копайте себе могилу рядом. // Покосился мне вслед: // –* ***Храбрый,*** *не плачит. // Я вышла не сморщилась: // – Поплачу, да не при вас… //* ***Храбрости*** *мне надо было набраться… Зимня заря догорат, и озеро видать, и тундру, и лес. А за плечами - земля, мати всех, ширит на меня многоядными устам…Красноармейцы говорят:– Достойно бы твою бабушку при почестях перед войсками на блюде носить или на кореты возить!..»* (Шергин Б. В. «Офонина бабушка»).

Если в песне о судьбе Ивана Широкого суффиксы субъективной оценки «роднили историю героя с народным плачем» [Горелов 1983, с. 5], то в рассказе «Офонина бабушка» данные суффиксы выражают пренебрежительное отношение к немецким оккупантам, пытающихся сломить силу русского духа (*командиришко, глазки*). Адъектив *храбрый* вновь подвергается субстантивации и синекдохическому переносу: в лице бабушки судьбы всех несломленных бойцов и тружеников тыла, каждодневным подвигом приближавших общую победу. Репрезентантами концепта «Храбрость» также являются лексемы *достойно и почестях*, подтверждающие «незыблемость и величие» храброго поступка героини рассказа.

[Горелов 1983, с. 7]. Лексема *храбрость* наиболее приближена к значению «решительность в поступках и умение преобладать страх».

Концепт «Храбрость» в рассказах Б. В. Шергина вербализован лексически при помощи однокоренных слов, субстантивированных прилагательных, синонимичных рядов, одноимённой лексемой, значение можно представить в виде двух лексико-семантических вариантов: «мужество» и «преодоление себя», одинаково репрезентованных в рассказах Б. В. Шергина: отвага и доблесть невозможны без постоянной работы над собой, подвиг храбрости есть ежеминутный подвиг преодоления [Лихачёв 2014, с. 5]. Концепт «Храбрость» в прозе писателя максимально приближен к лингвокультурной репрезентации: смелость и отвага, испокон веков воспетые поморами в судьбе отдельного человека, могут стать общенародным подвигом, подвигом спасения своих близких, друзей, родного края.

Выводы по второй главе

1. Ключевой компонент языкового пространства литературных текстов Б. В. Шергина, основной источник лексикона писателя и лингвокультурный маркер своеобразия лексического пространства его прозы составляют единицы поморского говора, или «поморьской говóри», зафиксированные в словарях. Лексика «поморьской говóри» дифференцируется в прозе Б. В. Шергина на две тематические макрогруппы – «Море» и «Человек», а в их пределах на разделы, которые отражают самые главные для поморов явления и характеристики моря как центрального объекта среды обитания («Морская вода», «Морской ветер», «Морское дно», «Морское побережье», «Мореплавание», «Морской корабль») и качества человека как деятельного субъекта в его взаимодействии со средой обитания («Род занятий», «Промысел», «Действия и поведение человека», «Качества и характеристики человека», «Восприятие действительности», «Речь», «Одежда» и др.). Выделяются также тематические группы лексики «Погодные явления», «Рельеф местности», отражающие обусловленность отражения в языковой картине мира поморов геоклиматических условий Русского Севера.

Лексика «поморьской говóри» вводится в контекст художественной прозы Б. В. Шергина в соответствии с реализацией ряда базовых и частных функций языка и речи (коммуникативной – наравне с общеупотребительной лексикой для лингвокультурного маркирования речи, познавательной – в микроконтекстах этнокультурного содержания, номинативной – для замены синонимичной общеупотребительной лексики с целью выражения различных лингвосоциокультурных коннотаций, метаязыковой – в микроконтекстах, поясняющих значения специфически диалектных слов, эстетической – для создания художественной образности путём двойной или комбинированной номинации). Все данные функции объединяются в рамках индексальной функции (маркирующей в рамках идиостиля Б. В. Шергина принадлежность писателя к этносоциальной группе русских поморов) и этнолингвокультурной (маркирующей в рамках русского литературного языка обособленность языка и культуры Русского Севера в топосе Русского Поморья и в локусе Северного текста русской литературы).

2. В художественной прозе Б. В. Шергина наряду с функционированием лексики «поморьской говóри» употребляются лексические единицы, которые характерны по своему оформлению и содержанию для поморских говоров и хорошо известны писателю (входят в словарный состав его идиолекта), однако не фиксируются в словарях «поморьской говóри», поскольку представляют собой часть индивидуального словарного фонда в границах «поморской» части авторского лексикона. Совокупность таких лексем в языке художественной прозы Б. В. Шергина можно определить как «поморский лексикон» писателя, который является результатом типизации поморской речи, индивидуальным способом живого развития «поморьской говóри» и характерным свойством идиостиля Б. В. Шергина, противопоставлен узусу как общенародного языка, так и поморского говора.

Типизация поморской речи в художественной прозе осуществляется писателем с помощью двух способов: 1) употребление лексических единиц из словаря писателя («поморского лексикона»), сформировавшегося на основе поморского говора; 2) употребление индивидуально-авторски видоизменённых слов «поморьской говóри». Последние можно рассматривать как лексические маркеры типиза-

ции поморской речи. Типизации поморской речи в языке писателя осуществляется двумя способами: 1) расширение значения слова (с помощью или различных коннотаций, или образования нового лексического значения); 2) видозменение фонетического оформления, морфемного состава, отдельных морфологических характеристик лексических единиц «поморьской говóри».

Употребление лексических единиц из состава «поморского лексикона» автора, которые не зафиксированы в словарях «поморьской говóри», не только является одним из основных средств индивидуализации языка прозаических произведений Б. В. Шергина, но и выступает наиболее важным показателем лингвистической и лингвокультурологической ценности его художественных текстов как ключевого компонента Северного текста русской литературы, поскольку в них до сих пор сохраняется лексическое наследие живой речи поморов Русского Севера, на сегодняшний день уже почти утраченное.

3. Язык литературных произведений Б. В. Шергина богат окказиональной лексикой, которая выполняет функцию индивидуально-авторского инструмента «сотворения народной речи». Писатель смело экспериментирует с лексикой самых разных семантических групп и лексико-грамматических разрядов, но всегда остаётся в рамках триединства основного предназначения лексических новообразований (которые в соответствие с этим дифференцируются на три группы): 1) имитировать живой речи поморов; 2) типизировать разговорно-просторечную манеру речи; 3) служить стилистическим средством выражения экспрессии и оценки.

Авторская имитация поморской лексики занимает в прозе Б. В. Шергина весьма заметное место, однако употребляется в относительно небольшом объёме, и является настолько удачной, что «поморские окказионализмы» писателя практически неотличимы от лексики «поморьской говóри» и часто используются в качестве узуальных единиц в произведениях других поморских писателей. «Поморские окказионализмы» вводятся Б. В. Шергиным в ключевые в социокультурном плане части художественного повествования, в которых описываются события, представляющие нелёгкую и «многотрудную» жизнь русских поморов.

Окказиональные слова как средство типизации разговорно-просторечной манеры речи весьма широко и разнообразно употребляются в художественной прозе Б. В. Шергина, затрагивая в процессе своего образовании практически все уровни структурации лексических единиц и их речевой реализации (это и расширение плана содержания слова за счёт образования нового значения или изменения лексической сочетаемости, и окказиональные формы слов, включая аналитические, и фонетические преобразования, и различные аффиксальные новообразования путём субституции, присоединения, элиминации аффиксов разных видов, включая формообразующие, и образование сложных слов, а также различные комбинации данных способов). Особую группу составляют окказионализмы, образованные от разговорных и просторечных слов. Такие новообразования служат для ещё большего усиления эффекта присутствия народной речи на основе её типизации в языке писателя.

Окказионализмы как стилистическое средство экспрессии и оценки широко используются Б. В. Шергиным преимущественно в юмористическом и сатирическом контекстах и достаточно представительны в художественной прозе писателя как количественно (сопоставимы с окказиональной лексикой как средством имитации поморской речи и языковой типизации просторечия), так и качественно (в плане различных способов и моделей словообразования и речевой реализации).

4. Ещё одной яркой особенностью идиостиля Б. В. Шергина является широкое использование стилистически дифференцированной лексики, что обусловлено одной из творческих сверхзадач писателя – максимально полно отразить своеобразие живой поморской речи, сформировавшейся на основе многовековой истории поморских говоров, органично вобравших в свой лексический состав единицы различных функциональных стилей русского языка с конца XVI века. Именно этим объясняется употребление стилистически дифференцированных лексических единиц, среди которых можно выделить шесть основных групп: разговорные, просторечные, книжные, устаревшие, профессиональные, специальные.

Кроме того, обращение к разговорной и просторечной лексике детерминировано ещё и осознанной ориентированностью писателя на стиль устной разго-

ворной речи в своих произведениях (часто представляющих собой вольный пересказ устных и письменных сказаний, а также фрагментов древних письменных текстов). Показательно, что просторечная лексика вводится в контекст, как правило, одновременно с «поморьской говóрей» и разговорной лексикой (в том числе с типизированными в качестве элементов народно-разговорной речи единицами «поморского лексикона» и окказиональными словами). Книжные слова в лексическом пространстве художественной прозы писателя являются отражением и выражением многообразия культурных ассоциаций, которые были характерны для языковой картины мира довольно грамотных, образованных жителей Архангельского края на рубеже прошлого и нынешнего веков.

Присутствие в заметном количестве в языке прозаических произведений Б. В. Шергина устаревшей лексики обусловлено тремя основными факторами: во-первых, сохранением активного употребления устаревших слов в языке поморов (как и в других народных говорах севернорусских областей России); во-вторых, сознательным наследованием писателем языковых особенностей старины, отражённых в древних фольклорных и письменных текстах, которые широко использовал Б. В. Шергин для написания многих своих прозаических произведений; в-третьих, наличием структурной и функциональной близости (по звуковому и грамматическому оформлению, особенностям содержания и употребления) устаревших слов лексике народных говоров, чем не мог не воспользоваться писатель, компенсируя устаревшими словами лексические лакуны «поморьской говóри» с целью её имитации в художественной речи.

Профессиональная лексика является органичной частью словаря языка прозаических произведений Б. В. Шергина, описывающих традиционные сферы трудовой деятельности и народных промыслов поморов: мореплавание, кораблестроение, рыболовство, охота на морского и пушного зверя, а также резьба по дереву, изготовление деревянной утвари и художественная роспись. В художественной прозе Б. В. Шергина употребляются профессионализмы, которые не отражены в известных словарях поморского говора, что позволяет квалифицировать язык писателя как ценный источник профессиональной лексики «поморьской

говóри». Специальная (терминологическая) лексика в прозе Б. В. Шергина предназначена отражать уровень развития специального знания в традиционной среде русских поморов, многие из которых были носителями довольно большого объёма информации в самых разных областях науки и техники. Специальная лексика в шергинской прозе представлена в основном сферой кораблестроения и оснастки парусного корабля, а также мореплавания (навигации и мореходства). Стилистически дифференцированная лексика используется писателем в различных функциях: коммуникативной (создание эффекта непринуждённого общения), номинативной, экспрессивной, стилистической (стилеобразующей) эстетической.

5. В лексическом пространстве художественной прозы Б. В. Шергина реконструируется картина мира Русского Севера, которая представлена в текстах писателя в неразрывной совокупности пяти макроконцептов – «Море», «Дом», «Художество», «Мастер». В них концентрируется смысл жизни поморов: мореплавателей, промышленников, ремесленников, плотников, красильщиков, сказителей: искусный труд («Мастер») как истинное призвание («Художество») на своей земле («Дом») как части огромного мира («Море»), благосклонного к доблестным и отважным людям («Храбрость»).

Лексемами-репрезентантами данных макроконцептов в художественной прозе Б. В. Шергина выступают как соответствующие лексемы (*море*, *дом*, *художество*, *мастер, храбрость*) в узуальных семантических вариантах и индивидуально-авторских коннотациях, так и целый ряд родственных слов (дериватов) и не родственных, но близких по значению, тематической принадлежности и родовидовой семантике слов. Лексическая репрезентация макроконцептов Русского Поморья взаимообусловлена объективными и субъективными связями между ними, которые в своей совокупности отражают концептосферу Русского Севера как в её традиционном виде, так и в индивидуально-авторской интерпретации. Идиостилистический вариант репрезентации концептосферы Русского Севера, реализованный в прозе Б. В. Шергина, не только воссоздаёт, но и обогащает языковую картину мира севернорусских поморов.

Обращение к лингвокультурной репрезентации лексическими средствами четырёх ключевых и взаимосвязанных макроконцептов традиционной картины мира Русского Поморья («Море», «Дом», «Художество», «Мастер», «Храбрость») делает художественную прозу Б. В. Шергина уникальным компонентом Северного текста русской литературы.

Глава 3. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОЗЫ Б. В. ШЕРГИНА

Специфика фразеологии языка художественной прозы Б. В. Шергина проявляется в нескольких аспектах, которые дифференцируются по степени их значимости в формировании того своеобразия лексико-фразеологического пространства текстов писателя, которое делает легко узнаваемым каждое его литературное произведение. Во-первых, это **«поморьска говóря»** как важный (в лингвокультурном и в собственном языковом плане) и наиболее заметный источник фразеологического состава языка прозы Б. В. Шергина. Во-вторых, это **окказиональная фразеология**, которая используется не только для выразительности и образности, но и как средство создания идиостиля, близкого живой народной речи. В-третьих, это **стилистически дифференцированная фразеология**, которая занимает в словаре писателя весьма заметный объём и используется в его произведениях как средство стилизации поморской речи. В-четвёртых, это **пословицы, крылатые слова и афоризмы**, которые широко употребляются в художественной прозе Б.В. Шергина в прагматической, интертекстуальной, когнитивной функциях. В-пятых, это **фразеологические репрезентанты концептосферы Русского Севера** – такие фразеологические единицы (ФЕ), которые используются как лингвомаркёры ключевых концептов мировоззрения и менталитета севернорусских поморов.

3.1. «Поморьска говóря» как источник фраземикона писателя

Фразеология севернорусского поморского говора не получила пока специального лексикографического описания, однако в достаточной степени представлена во всех существующих словарях «поморьской говóри», и, прежде всего, в «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1885) А.И. Подвысоцкого, где зафиксировано большое количество «выражений» и «поговорок», под которыми его автор понимал любые устойчивые обороты. Встречаются ФЕ и в «Словарепоморских и специальных слови выражений, объяснение собственных имёни названий» самого Б. В. Шергина в его книге

«Повести и рассказы» (1984). Это позволяет выделить фразеологический состав прозы Б. В. Шергина, который восходит непосредственно к единицам, зафиксированным в словарях «поморьской говóри» [Подвысоцкий 1885; Меркурьев 1979; Шергин 1984; АОС 1996–2019; Гемп 2004; Моисеев 2005; Моисеев 2006; Дуров 2011], в отдельный пласт фразеологизмов, составляющих основной источник фраземикона писателя и обусловливающих своеобразие фразеологического пространства его прозаических текстов.

Фразеологию «поморского происхождения» можно дифференцировать в прозаических произведениях Б. В. Шергина на ФЕ, источником которых является собственно «поморьска говóря» (по данным диалектной лексикографии), и на фразеологизмы, которые не зафиксированы в имеющихся словарях поморских говоров и входят в состав только «поморского фраземикона» писателя.

1. ФЕ «поморьской говóри» представлены в языке художественной прозы Б. В. Шергина довольно разнообразно – это и собственно фразеологизмы (устойчивые и переосмысленные сверхсловные сочетания), и застывшие предложно-падежные конструкции, и устойчивые перифрастические обороты, и коллокации (словосочетания, имеющие признаки семантически и синтаксически целостной единицы). В отдельную группу выделяются фразеологизированные микротопонимы.

1.1. Фразеологизмы, различные по грамматической структуре и степени идиоматичности, среди которых превалируют устойчивые единицы, имеющие грамматическую модель двухкомпонентного словосочетания со структурой «глагол + имя существительное» и «имя существительное + глагол», реже «адъектив + имя существительное», как правило, с одним переосмысленным компонентом: «*Оба молодца пришли в эту избу, край моря, и день-два пожили по правилу. До обеда поработают, часок поспят. Вылезут на улицу, окошки разгребут. В семь часов отужинают – и спать. В три утра встают и печь затопляют. И еду готовят. Все, как дома,* ***на матёрой земле»***(Шергин Б. В. «Грумант-медведь»), где *матёрая земля* – «материк» [Дуров, с. 217]; «*Мы, жители посада Неноксы,* ***знаем*** *ветер, и* ***воду****, и всякую морскую приметy»* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»), где *знать воду* – «знать время приливов и отливов» [Подвысоцкий, с. 19]; «*В полночь*

вздохнуло море**, затрепетало пламя свечей, послышался крик гусиный…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»); «*И, постояв, вода дрогнет и начнет кротеть, пойдёт на убыль. Над водами прошумит слышно. Мы говорим: **Море вздохнуло**»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»); «*На масленице Конон Иванович у нас гостил. Его ждали – по крыльцу, по сеням половики стлали новотканые, по столам скатерти с кистями. Я заметил, он ел малехонько-редехонько и пил только **прилик принимал»(Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где *принять прилик* – «соблюсти вежливость, приличие»[Подвысоцкий, с. 138]; «*Маркел говорит: – Что уж, парень, ни разу меня не окликнул? Парень снял шапку: – Не смею и глядеть на тебя, осударь. Должен тебе. Маркел говорит: – **Провались концом!** Какие меж нас долги?»* (Шергин Б. В. «Долг» из «Рассказы о кормщике Маркеле Ушакове»), где *провались концом* – «ругательное выражение» (Подвысоцкий, с. 70); «*Малая вода пошла на большую, и тут **море вздохнуло**. **Вздох**[**моря**. – Н.К.] от запада до востока прошумел»* («Для увеселенья»),где *вздохи моря* – «переход от прилива морского к отливу и обратно», *море вздохнуло* – «полный прилив» (Подвысоцкий, с. 18) и т.д.

1.2. Застывшие предложно-падежные конструкции, представленные как субстантивными, так и прономинальными единицами с высокой степенью идиоматичности, в том числе с немотивированной семантикой: «*Собрались не **в раз** и не в час. Кого держала непогода, кто намелился, кого водило в лесах. Наконец скопились сполна»* (Шергин Б. В. «Ничтожный срок»), где *в раз* – «сразу, вдруг» [Подвысоцкий, с. 24]; «*Старый кормщик и обеспокоился: – Олеша далеко порато ушёл. Море **на часу** вздохнёт, вечерняя вода тороса от берега понесёт…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где *на часу* – «скоро, сейчас» (Подвысоцкий, с. 99); «*Володька вывернул аншпугом половицу: – Спасайтесь, ребята!… Лезь в тайник! А я останусь. Всё одно человека доискиваться будут. Не сам **о себе** станок ходит…»* (Шергин Б. В. «Володька Добрынин»), где *о себе* – «без посторонней помощи» [Подвысоцкий, с. 111]; «*Однажды ждали в гости почтенного капитана, у которого было прозвище Мошкарь. У нас все прозвища придумывают, в глаза никогда не назовут, а **по-за глаза** дразнят»* (Шергин Б. В. «Детство в Ар-

хангельске»), где *по-за глаза* – «в отсутствие кого-либо» [АОС, т. 9, с. 81]; «*И тут ветер* ***с горы*** *ударил. Льдина зашевелилась, заворотилась, уладилась шествовать в море…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где *с горы* – «с SW (с юго-запада) как направления стороны света» [Дуров, с. 51] и т. д.

1.3. Устойчивые перифрастические обороты, обозначающие наиболее важные для жителей Севернорусского Поморья географические объекты (*Ледовитое море*, *Студёное море*, *Студёный океан*, *Студёное море-океан* – Северный Ледовитый океан, *Лопский берег* – Кольский полуостров и др.), даты народного календаря «(*Аксинья-полузимница* – 24 января старого стиля, середина зимы, когда уже прошла половина холодов, *Афанасьев день* – 18 января старого стиля, с этого дня кончается полярная ночь, *Введеньев день* – 21 ноября старого стиля, время обильных снегопадов, когда пришла настоящая зима, *Егорьев день* – 23 апреля старого стиля, время весеннего половодья на Севере, *Николин день* или *Никола-вешний* – 9 мая старого стиля, на Новой Земле поворот от зимы к весне, прилетают птицы)» (Шергин) и т.д.

Среди устойчивых перифрастических оборотов наиболее характерным (кроме перифраз Северного Ледовитого океана) является перифраза города Архангельска, отражённый в названии цикла рассказов *«****У Архангельского города****»* и широко употребляемый Б. В. Шергиным во многих прозаических произведениях: *«Шкипер встречного судна спрашивает: – Далече ли путь держите, государи? Анкудинов отвечает: –* ***От Архангельского города*** *к датским берегам»* (Шергин Б. В. «Пафнутий Анкудинов»); «*С полдня много дорог пришло в полуночный и светлый* ***Архангельский город****. Тем плотным дорогам у нашего города конец приходит, полагается начало морским беспредельным путям»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»); «*В японскую войну 1904 года мне довелось пособлять владимирскому иконописцу в поновлении древнего иконостаса в Заостровье, под городом Архангельском*» (Шергин Б. В. «Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание»)»; «*Вот сгремели якоря, опустились паруса* ***под городом Архангельском****. На горе стоят, как век стояли, башни Гостиного двора»* (Шергин Б. В. «Ваня Датский») и т.д. Здесь употребляется устойчивый пе-

рифрастический оборот, имеющий два варианта с инверсированной структурой *Архангельский город* и *город Архангельский* – «этим названием поморы обозначают Архангельск» [Подвысоцкий, с. 84]. Следует отметить, что перифрастический характер данного оборота обусловлен его образностью, поскольку адъектив *архангельский* в его составе образован не от топонима *Архангельск*, а от религионима *Архангел*, что подтверждает древняя поморская поговорка об Архангельске – «о нём у них поговорка *город архангельской, а народ в ём дьявольской*» [Подвысоцкий, с. 84].

1.4. Коллокации, представленные в основном глагольными и именными целостными по семантике сочетаниями слов: «*И тут ветер с горы ударил. Льдина зашевелилась, заворотилась, уладилась шествовать в море, час её пробил. И слышит Кирик вопль Олешин: – Кирик, погибаю! Вспомни дружбу-ту милую и любовь заединую!… Дрогнул Кирик, прибежал в стан: – Мужи-двиняне! Олеша* ***в относ попал****! Выбежали мужики… Просторно море. Только взводень рыдает… Унесла Олешу вечерняя вода…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где *попасть в относ*[Подвысоцкий, с. 25] детерминировано компонентом *относ* – «отход в море под напором отлива, воды и ветра прибрежных льдин, отрываемых от берега во время шторма и морского прилива» [Дуров, с. 279]; «*Опять часы дошли, и кроткая вода понесла нас вниз, попутные воде* ***летние ветры*** *управили карбас на середину моря. При конце убылых часов завидели Терский берег»* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»), где *летний ветер* – «тёплый южный ветер, дующий с 17-го румба компаса (на 32 деления)» [Дуров, с. 207]; *«****Ударит*** *на море* ***погода****, и морская пучина ревёт и грозит, зовёт и рыдает»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»),где выражение *ударитпогода* обусловлено компонентом *погода*– «буря, ненастье»[Подвысоцкий, с. 124]; «*Жили два друга юных, два брата названых, Кирик да Олеша. И была у них дружба милая и любовь заединая. Столь крепко* ***братья крестовые*** *друг друга любили – секли стрелою руку, кровь точили в землю и в море. Мать сыру землю и синее море призывали во свидетели»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где выражение крестовые братья – «называются мужчины покрестовавшиеся, т.е. обменявшиеся крестами» [Подвысоцкий, с. 74] и т. д.

1.5. Фразеологизированные микротопонимы отражают сверхсловные образные номинации физико-географических объектов данной местности, бытовавшие в поморском говоре и частично закреплённые в традиционной и официальной картографии Поморья: «*Хождение воды в ту или другую стороны, на убыль или на прибыль, и у Кедовского берега бывает не круто и не тихо. В послонке вода идёт кротко, а у* ***Воронова Носа*** *прилив и отлив ходит яро – волну разводит»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава») и т.д.

Наибольшим количеством в прозаических произведениях Б. В. Шергина представлены ФЕ различного типа с компонентом *вода*, с помощью которых описываются преимущественно различные состояния моря (морские приливы, отливы, течения и др.), а также особенности морской стихии (глубина и др.): «*В нашей местности (Койденский берег) разное течение воды у прилива и отлива. Три часа идёт в нашу сторону, на полунощник (северо-восток). Потом три часа идёт в шелоник (юго-запад). Так ходит и* ***прибылая*** *и* ***убылая вода*****»**(Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где обороты *прибылая (прибылья) вода* – «последнее время прилива (морского), прибывающая вода», *убылая (убылья) вода* – «убывающая вода, отлив (морской)» [Подвысоцкий, с. 20]; «*Море на часу вздохнёт,* ***вечерняя вода*** *тороса от берега понесёт…»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где *вечерняя вода* – «вечерний морской отлив» [Подвысоцкий, с. 20]; «А паруса обронив, бросили якоря у того же острова на живой воде» (Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где живая вода – «место на воде настолько глубокое, что и в малую воду (в отлив) судно стоить свободно, не обмелевая» [Подвысоцкий, с. 19]; «*Вода в море и в реках не стоит без перемены, но живёт в сутках две* ***воды*** *–* ***большая*** *и* ***малая****, или “****полая****” и “****кроткая****”»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»); «*И опять вздохнула грудь морская. Прибыль сменилась на убылую воду.* ***Палая вода*** *стала нас осаживать вниз, но несёт ближе к земле, и находимся от берега в семи верстах»* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»), где употребляются обороты *по́лая вода* или *большая вода* – «последнее время прилива, наибольшее в прилив возвышение воды» [Подвысоцкий, с. 20], *малая вода* или *па́лая вода* – «низкая в последнее время морского отлива вода, наибольшее в отлив понижение воды» (Подвысоцкий, с.

20), *кротка вода* – «вода самого тихого течения, во время наибольшего её в отлив понижения» [Подвысоцкий, с. 20], а также «затишье при смене отливно-приливных течений» [Шергин, с. 469] и т. д. Столь большое употребление ФЕ «поморьской говóри» с компонентом *вода* в объясняется тем, что они входят в состав вербальных репрезентантов макроконцепта «Море» в художественной прозе Б. В. Шергина и в поморской языковой картине мира, нашедшей своё наиболее яркое отражение в творчестве писателя, занимающего центральное место в ряду авторов Северного текста русской литературы.

2. «Поморский фраземикон» писателя репрезентирует в языке прозы Б. В. Шергина не только своеобразие её фразеологическое пространства, но и отражение в ней фразеологического богатства исконной поморской речи, носителем которой являлся сам автор. Единицы «поморского фраземикона» писателя дифференцируются на несколько групп в зависимости от характера своей связи с фразеологией и лексикой «поморьской говóри», отражённой в диалектной лексикографии.

2.1. Трансформированные фразеологизмы «поморьской говóри», в которых происходит, как правило, субституция – замена одного из компонентов исходной ФЕ на синонимичный ему другой компонент (часто общеупотребительного слова на лексическую единицу поморского говора):*«И вот хлеб доели, воду выпили – утром, с **попутной водой**, изладились плыть на матёрую землю»*(Шергин Б. В. «Для увеселения»),где выражение *попутная вода* в значении «морское течение, направление которого совпадает с курсом идущего судна» образовано от оборота *убылая (убылья) вода* – «убывающая вода, отлив» [Подвысоцкий 1885, с. 20]; «*На другой день показало **Летние горы**. Лодкой достали бы берега… На третий день мы наревелись – жаланненьки **Зимние горы** в глазах были. Чалились мы за лёд, всяко к берегу прибарахтывались. Да где тут!…»* (Шергин Б. В. «В относе морском»), где перифрастические обороты *Летние горы* и *Зимние горы* являются обозначениями материковых берегов Белого моря и образованы с путём замены общеупотребительного *берег* на поморское *горы* от устойчивых в говоре поморов перифраз *Зимней берег* – «северо-восточный берег Двинского залива и

юго-восточный до Мезенского залива, а также и берег горла Белого моря того же направления (т.е. пролива, соединяющего это море с Мурманским морем Северного Ледовитого океана)» [Дуров, с. 146] и *Летней берег* – «возвышенный до 100 метров уровнем моря юго-западный берег Белого моря» [Дуров, с. 207].

2.2. Фразеологизмы, образованные по структурным моделям и/или по семантическим образцам ФЕ «поморьской говóри»: «*Председатель в колокольчик созвонил: – Увы, товарищ Корельской! Оставил нас твой желанный Василий Онаньевич, усвистал за границу* ***без воротиши»***(Шергин Б. В. «Матвеева радость»), где выражение *без воротиши* употреблено в смысле «не возвратив, не отдав, не уплатив долг» (что соответствует сюжету рассказа, где сбежавший за границу богатый купец Василий Онаньев Зубов обманом присвоил деньги бедняка-помора Матвея Корельского), а не просто «без возврата», как это указано в «Словаре поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» [Шергин, с. 466], образовано по структурной модели оборота *без отвороту* – «безвозвратно» [Подвысоцкий, с. 6], ср. *воротиша* – «возврат, отдача обратно, уплата долга» [Подвысоцкий, с. 22], *отворот* – «возвращение» [Подвысоцкий, с. 112]; «*Опять часы дошли, и кроткая вода понесла нас вниз, попутные воде летние ветры управили карбас на середину моря. При конце* ***убылых часов*** *завидели Терский берег»* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»), где выражение *убылые часы* в значении «время морского отлива» образовано по семантическому образцу синонимичного ему оборота *убылая (убылья) вода* – «убывающая вода, отлив» [Подвысоцкий, с. 20].

2.3. Фразеологизмы, образованные от ФЕ «поморьской говóри»: «*Собрались* ***не в раз и не в час****. Кого держала непогода, кто намелился, кого водило в лесах. Наконец скопились сполна»* (Шергин Б. В. «Ничтожный срок»), где выражение *не в раз и не в час* в значении «не скоро, не одновременно» образовано (путём добавления новой структурной части и трансформацией в отрицательную конструкцию с расширением общего плана содержания) от оборота *в раз* – «сразу, вдруг» [Подвысоцкий, с. 24]; «*Засвистит в парусах* ***уносная поветерь****, зашумит рассыпаясь, крутой взводень, придёт время наряду и час красоте»* (Шергин Б. В.

«Двинская земля»), где оборот *уносная поветерь* в значении «сильный попутный ветер» образован от такого выражения «поморьской говóри», как *относной ветер* – «а) сильный попутный, относящий звуки, препятствующий слышать; б) сильный от берега ветер» [Подвысоцкий, с. 28] путём последовательной субституции компонентов фразеологизма: *относной* на *уносный*, а *ветер* на широко распространённое поморское *поветерь* – «попутный ветер находящемуся в плавании судну» [Дуров, с. 304].

2.4. Фразеологизмы, содержащие в качестве компонентов лексику «поморьской говóри», однако не связанные с ФЕ поморского говора деривационными отношениями и не имеющие с ними структурной близости: «*Потом ушли в отцову горницу. Там сразу* ***поставили*** *разговор* ***на копылья****. Мастер начал спрашивать: кто да кто в артели, очень ли купечество косится, на какой реке и давно ли лес для стройки ронили и какая судну мера, на сколько тысяч груза?»*(Шергин Б. В. «Рождение корабля»), где в качестве компонента выражения *поставить на копылья* в значении «перейти к сути дела» (ср.: *поставить разговор на копылья* – «заговорить о главном, основном» [Шергин, с. 468]) использована из словаря «поморьской говóри» лексема *копыльё* – «стержни, на которых к полозьям саней или дровней устанавливается верх, через обвязку вязьем, для помещения груза, седока и прочего» [Дуров, с. 179]. Следует заметить, в «поморьской говóре» употребляются близкие по структуре, но в совершенно ином значении фразеологизм *поставить на копыл* – «расстроить что-либо, привести в беспорядок, поставить вверх дном» [Подвысоцкий, с. 20] и лексема *копыл* – «дровни» (Подвысоцкий, с. 20). Это позволяет предполагать, что выражение *поставить на копылья* как единица «поморского фраземикона» Б. В. Шергина вполне могло быть образовано по модели не синонимичного ему оборота *поставить на копыл* в поморском говоре; *–«Про людей не слыхал, – говорю, – может, и пароходы. А вот насчет шкуны я подумываю. Он зубы оскалил: – Подумываете? Ай да корельская лопатка! А по-моему, спустить бы тебе на воду* ***нищу коробку****, с которой по миру бегал, а заместо паруса маткина нища сума. Экой бы корабль по тебе!…»* (Шергин Б. В. «Матвеева радость»), где *нища коробка* – «презрительное выражение: на Севере нищие ходили с коробом или корзиной»

[Шергин, с. 469), ср. поморское *коробка* – это «изготовленная из бересты небольшая корзинка, прошитая в спаях древесным корешком» [Дуров, с. 182], *короб* – «лучинная корзина всех форм, фасонов и видов; есть поговорки:«*Где короб, тут и милостыня; от тюрьмы да от короба не отказатьце*; *Захотел ты у нищого короб отнимать*» [Дуров, с. 182], где *короб* – «в переносном смысле означает нищий и нищенство» [Подвысоцкий, с. 71]; «По исходе зимы, вместе с птицами, облетела Поморье весть, что варяги-разбойники идут кораблём на Двину, а тулятся за льдиной, ожидают ухода поморов на промысел. Таков у них был собацкий обычай: нападать на деревню, когда дома одни жёны и дети. И по этим вестям двиняне медлили с промыслом. Идёт разливная весна, а лодейки пустуют. Тогда отобралась дружина удалой молодёжи: – Не станем сидеть, как гнус в подполье! Варяги придут или нет, а время терять непригоже!» (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где оборот сидеть как гнус в подполье в значении «сидеть тихо, трусливо затаившись» (ср.: общеязыковое устойчивое сравнение сидеть тихо как мышь – «о сидящем где-либо очень тихо, притаившись, человеке» [Мокиенко, Никитина 2008а, с. 420]) включает в себя качестве компонента поморскую лексему гнус – «общее название крыс и мышей» (Подвысоцкий, с. 31), ср. гнус амбарный – «мыши» [Шергин, с. 466);

2.5. Единицы «поморского фраземикона», писателя, включённые в «Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий» Б. В. Шергина [Шергин 1984]: «*Вот о полдень пушка на Соломбальском острове возвестит* ***адмиральский час****. Ударят часы на городовой башне»* (Шергин Б. В. «Пушкин Архангелогородский»), где *адмиральский час* – «так с петровских времён и почти до революции назывался в Архангельске полдень» [Шергин, с. 464); «*Хионья в коридоре на своем посту обмирает; молча нам кулаком погрозила… Папенька Маляхин в гостях. Мы к дверям припали, не смеем дух перевести… Тут Хионьюшка двери рванула да как налетела на Маляхина-то: – …Вон отсюда, рыбьи глаза! …Старик шапку в охапку, пал в карету, ускакал. Мы* ***пых перевели****, а по всему дому чад, окон не видно. Хионья кофей жарила, да и забыла с гостем-то»* (Шергин Б. В. «Мимолётное виденье»), где *пых перевести* – «дух перевести» [Шергин, с. 473], ср. также не зафиксированную в

словарях «поморьской говóри» лексему *пых* – «дух» [Шергин, с. 473]; «*Кирик увидел крестового брата. Глядят очи в очи, устами к устам. И голос Олешин, что весенний ручей и свирель: – Кирик! Подвигом ратным стёрта твоя вина перед братом. Мы с тобой поплывём в светлый путь, в* ***Гусиную*** *белую* ***землю****, где вкушают покой души добрых и храбрых. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мёртвыми»* (Шергин Б. В. «Любовь сильнее смерти»), где *Гусиная земля* – «у поморов так называлась некая северная земля, где покоятся души храбрых и добрых людей» [Шергин, с. 467]; «*В четверг к допросу уже не водили, нерускóй начальник приказал могилу кончать. Четвержной у меня был прощальной день… В последний раз деревней иду, некому слушать, а не могу* ***в себе жать****… До Мёртвой горы шла – пела. Что вижу по пути, с тем и прощаюсь»* (Шергин Б. В. «Офонина бабушка»), где оборот *жать в себе* – «сдерживать(ся), зажимать» [Шергин, с. 467]; «*Иван Щека, сряжаясь в море, сказал Федоту: – У тебя глазишки маленькие, и оконца в твоей избе коротенькие. Там тебе работать темно. Заходи в мой дом, столярствуй, топи печи, карауль… Когда к Федоту стали собираться артельные, он немножко-то обеспокоился: “Без спроса тут хозяйничаю”. А и хозяин будто* ***в Канский мох провалился»***(Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где «*в Канский мох провалиться»* означает «затеряться, пропасть» [Шергин, с. 468], словосочетание образовано на основе топонима *Канская земля* – «полуостров Канин, в прежнее время место безлюдное» [Шергин, с. 468] и т.д.

2.6. Единицы «поморского фраземикона», писателя, не имеющие структурно-семантической близости или деривационных отношений с фразеологизмами «поморьской говóри», однако отражающие (прототипами, лексическим составом, фоновой семантикой) реалии и факты материальной и духовной культуры севернорусских поморов. Так, употребляется множество таких ФЕ только в одном рассказе «Запечатленная слава»: «*Корабельный мастер Василий Гостев сохранял в искусстве своём лучшие традиции северного судостроения. Конон Тектон говорил о Гостеве: Я* ***в*** *его* ***меру не дошёл»*** (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»),где ФЕ *дойти в меру (кого-либо)* означает «стать равным в умении, в мастерстве (с кем-либо)»;

«*Упрятанная в сундуке древняя и оригинальная картография русских поморов была забыта. Самый стиль, самая внешность древних "**морских чертежей**" оскорбляли вкус помпадуров XVIII века. Всё, что было сделано в русском народном стиле, определялось выражением: "в подлом вкусе". Вот почему первым картографом побережий Северного Ледовитого океана стали считать голландца Ван-Клейна. Между тем Ван-Клейн издал свой атлас только около 1600 года и пользовался для своей работы поморскими чертежами»*(Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где выражение *морской чертёж* – «географическая карта, географический атлас»; «*Но сохранилась у помора как бы врождённая потребность или привычка записывать события, хотя бы личной жизни, которые казались достопамятными. Отсюда характерное для Севера явление: каждый «**архангельский мужик**» непременно носит с собой записную книжку»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где перифрастический оборот *архангельский мужик* – «помор»; «*Но всё же в силу какой-то интуиции в среде «**морского сословия**» «свеча не угасла»… Были в среде моряков, пароходских служащих, в среде судостроителей отдельные лица, любители морской старины, собиратели морских преданий»*(Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *морское сословие* – «поморы; люди, связанные профессией или родом занятий с море» и т.д.

Следует отметить, что в «поморский фраземикон» писателя входят устойчивые выражения, которые фиксируются в других русских народных говорах, однако позже, чем были созданы его литературные произведения, что может свидетельствовать о проникновении таких устойчивых оборотов с течением времени за пределы бытования поморского говора: «*Придёт зима и уйдёт. Разольются вешние воды. А друга нашего всё нету да нету. И не знаем, быть ему или не быть. Мать-та мрёт душою и телом, и мы глаз не сводим с морской широты. А потом придёт весть страшна и грозна: – Одна бортовина с другою не осталась… А сына вашего, а вашего друга **вода взяла**. Заплачет тут вся родня»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где «*вода взяла»* означает «о ком-либо утонувшем в море» и фиксируется с 1989 г. также в пермских говорах в значении «об утонувшем, погибшем на воде (в реке, в море) человеке» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 90].

Единицы «поморского фраземикона» писателя в случае их специального предназначения могут выступать как **народные составные термины**, не всегда понятные в силу образной мотивированности своего значения. В этой связи составные термины с фразеологически связанными компонентами, как правило, употребляются в языке художественной прозы Б. В. Шергина в метаязыковых контекстах, выполняя функцию типизации поморской речи: «*Ещё зимой Щека оповестил Федота: – В навигацию, **в корабельный приход** буду дома!»*(Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где оборот *корабельный приход* означает то же, что и морской термин *навигация* в одном из своих значений – «3. Время года, когда по местным климатическим условиям возможно судоходство» [Самойлов, т.1, с. 538]и т.д.

«Поморский фраземикон» Б. В. Шергина является ценным и ещё далеко не изученным источником фразеологии поморского говора, сохранившейся в литературных произведениях писателя благодаря, прежде всего, двум факторам. Это, во-первых, **богатство активного фразеологического словаря писателя как языковой личности**, в котором значительное место занимают поморские устойчивые выражения, известные ему с детства, заботливо хранящиеся в его языковой памяти и широко используемые им в речи (что наглядно видно в языке дневников Б. В. Шергина, насыщенных поморской фразеологией [Шергин 2014]), а во-вторых, интенция писателя к отражению в художественной прозе живого языка поморов, одним из богатейших источников которого являются малоизвестные, но доступные писателю **устные и письменные памятники поморской «народной литературы», сохраняющие фразеологию и лексику, не отражённую в диалектных словарях** поморского говора. В этом смысле тексты прозаических произведений писателя остаются часто единственным источником употребления того или иного поморского устойчивого выражения и требует в этой связи глубокого специального изучения.

3. Место и роль поморской фразеологии в художественном тексте определяется не только стремлением Б. В. Шергина как яркого представителя поморского этноса Русского Севера максимально полно отразить, сохранить и популяризировать в письменном виде фразеологическое богатство родной ему «поморьской говóри»,

но и творческой интенцией Б. В. Шергина как писателя предопределить употребление фразеологизмов в повествовательной ткани и языковом пространстве литературного произведения. В этом смысле каждый фразеологизм из словаря «поморьской говóри» и из состава «поморского фраземикона» писателя занимает действительно значимое место в языке и структуре прозаического текста, выполняет своё собственное предназначение в художественном содержании и образности шергинской прозы. Это достигается Б. В. Шергиным как намеренным и умелым обыгрыванием в контексте формы, значения, образности и фоновой семантики устойчивых выражений, так и выбором самих контекстов для использования тех или иных фразеологизмов, чтобы максимально эффективно использовать фразеологическое наследие языка и культуры поморов в литературном произведении.

Так, в рассказе «Ничтожный срок» (из цикла рассказов «О кормщике Маркеле Ушакове») при употреблении фразеологизма «*не в раз и не в час»* (ср.: «*Собрались* ***не в раз и не в час****. Кого держала непогода, кто намелился, кого водило в лесах. Наконец скопились сполна»*) сам автор здесь же поясняет причину долгих сборов, благодаря чему читатель сразу понимает значение данного оборота – «не скоро, не одновременно» (см. выше). Однако, как известно, писательский комментарий выполняет не только метаязыковую функцию, но и служит ещё для прагматической цели – самопрезентации творческой установки автора и понимания им собственного текста (его «авторского прочтения»), что позволяет облегчить читателю понимание значимости той или иной языковой единицы (особенно сверхсловной) в данном контексте и в тексте целого произведения. «Декодирование» единиц текста происходит более органично, если читатель располагает информацией «из первых рук»: именно писательский комментарий, не всегда профессиональный, позволяет точнее и органичнее авторские интенции и станет ключом к пониманию текста художественной литературы» [Ломакина 2017, с. 136]. Употребление оборота *не в раз и не в час* помимо маркирования языка произведения «живой поморской речью» играет важную тексто- и смыслообразующую роль в рассказе, поскольку благодаря совмещению двух сем в их отрицательной коннотации (большое количество – «не за один раз» и продолжительный темпоральный отрезок – «не за один час») актуализирует важность и

необходимость собрать «корабельных мастеров и работных людей от пяти берегов Двинской губы» в одно собрание (*Наконец скопились сполна*), на повестке дня которого было получить согласие Маркела Ушакова (чьё имя на Русском Севере давно само по себе стало нарицательным, олицетворяющим искусство истинного морехода и судостроителя) на то, чтобы «*принять во своё смотрительное руководство нашу Лисестровскую верфь*», усиливает смысловую нагрузку выражения *долгий срок*, поскольку оказывается, что потраченные девять лет, чтобы «расположить Маркела», как и долгая подготовка к собранию, – это уже не «много», это *ничтожный срок* [Комкова 2020д, с. 113-114]. Таким образом, данный фразеологизм, использованный в качестве языкового средства передачи идеи одного эпизода (много времени требуется, чтобы собрать вместе очень занятых и востребованных работников), но будучи содержательно противопоставленным (по сути, антонимичным) названию рассказа, участвует в построении сюжета и выражении идеи в целом всего произведения (даже огромное количество времени может восприниматься как ничтожно малое, если потрачено на важное, общезначимое дело).

Текстообразующая роль и функция смысловой доминанты поморской фразеологии в художественной прозе Б. В. Шергина наиболее ярко проявляется в употреблении ФЕ в качестве названий произведений (*«В относе морском»*, *«Кроткая вода»*, *«Архангельский город»* и др.). Так, в рассказе «Кроткая вода» *кроткая вода* становится синонимом надежды на спасение во время отливного течения для попавших в унос моряков-поморов («*Прибыль сменилась на убылую воду. Палая вода стала нас осаживать вниз, но несёт ближе к земле, и находимся от берега в семи верстах*»). Б. В. Шергин заменяет в тексте своего повествования *кроткая* на *убылая*, однако в заголовок выносит первый из двух синонимов, что свидетельствует об олицетворении моря, его восприятии русскими поморами как живого существа («кротость» – человеческое качество), именно «кротость» воды позволяет мореходам в рассказе избежать страшной участии погибнуть в открытом море от голода и холода или утонуть в ледяной воде, даёт возможность вернуться живыми домой к своим родным и близким [Комкова 2020д, с. 115].

Исследование показало, что фразеология «поморьской говóри» и «поморского лексикона» писателя всегда занимает в текстах прозаических произведений Б. В. Шергина ключевую позицию наряду с иными языковыми, стилистическими и прагматическими средствами авторской интенции в репрезентации языка и культуры Поморья, а также в создании уникального идиостиля, обусловливающего центральное место художественной прозы писателя в Северном тексте русской литературы.

3.2. Употребление окказиональных фразеологических единиц

Языку многих русских писателей свойственны не только окказиональные слова, но и окказиональные словосочетания и фразеологизмы, которые служат неиссякаемым источником пополнения фразеологического состава родного языка. Лингвистическая ценность авторской фразеологии заключается, прежде всего, в её рассмотрении как дополнительного источника обогащения языка [Сычева 2012, с. 289]. В этом смысле автор литературного текста подчиняется общим законам языковой динамики в порождении новых устойчивых единиц. Как писал Б.А. Ларин, «путь мысли от частного к общему отражается в языке созданием метафорических, образно-иносказательных выражений, а дальше – отвлеченно-типичных формул и условно-символических обозначений. Иными словами, создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка» [Ларин 1977, с. 145]. Не исключением стало и творчество Б. В. Шергина, который подарил читателю не только удивительные слова (см. раздел 2.3), но и «целые пласты неизведанного текста» [Горелов 1984, с. 8], в том числе большое количество новых (окказиональных) образных выражений, речевых формул и устойчивых сочетаний.

Окказиональные ФЕ представляют собой продукт словесного творчества писателя как в границах его «поморского фраземикона», так и текстового пространства его художественных произведений. Поэтому достаточно надёжным критерием окказиональности тех или иных выражений в языке Б.В Шергина может служить отсутствие их, во-первых, в словарях поморского говора

[Подвысоцкий 1885; Меркурьев 1979; Шергин 1984; Архангельский областной словарь 1996–2019; Гемп 2004; Моисеев 2005; Моисеев 2006;Дуров 2011], а во-вторых, в двух самых фундаментальных по охвату ФЕ справочниках «Большой словарь русских поговорок» (2008) В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (где описано свыше 40000 образных выражений из всех известных на сегодняшний день словарных источников фразеологии русского языка) [Мокиенко, Никитина 2008], а также «Большой словарь русских народных сравнений» (2008)В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (где зафиксировано более 45000 образных выражений)[Мокиенко, Никитина 2008а].

Фразеотворчество Б. В. Шергина в составе «поморского фраземикона» писателя или связанное различными деривационными отношениями с «поморьской говóрей» нецелесообразно квалифицировать, на наш взгляд, как собственно окказиональное, поскольку на практике весьма трудно однозначно разграничить в речи носителя живой поморской речи, где заканчивается поморский говор и где начинаются индивидуально-авторские инновации. В таком случае к собственно окказиональным правильно будет относить те фразеологические новообразования, которые, во-первых, не квалифицированы самим писателем как «поморские», во-вторых, не восходят к фразеологии «поморьской говóри», в-третьих, не связаны с поморским говором своим компонентным составом, в-четвёртых, не отражают своими прототипами или фоновой семантикой особенности истории и культуры Русского Севера, духовных ценностей и мировосприятия севернорусских поморов.

Окказиональная фразеология Б.В Шергина дифференцируется на две большие группы по характеру своего образования: 1) собственно авторские выражения, т.е. первичные, не связанные деривационными отношениями с узуальными фразеологизмами; 2) окказиональные фразеологические дериваты, т.е. вторичные, образованные на основе тех или иных общеязыковых оборотов.

1. Собственно авторские выражения – это такого рода сверхсловные новообразования, которые представляют собой результат переосмысления (метафоризации) свободных словосочетаний или намеренного создания автором новых образных выражений для определённых эстетических целей. Следует

заметить, что собственно авторские фразеологизмы могут соотноситься с узуальными ФЕ своими отдельными частями, компонентами, образами, однако не могут быть связаны с ними отношениями деривационной мотивации: «*Опять* ***часы дошли****, и кроткая вода понесла нас вниз, попутные воде летние ветры управили карбас на середину моря* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»), где оборот *часы дошли* – “время пришло”»; «*К рукописной литературе Севера я никогда не подходил как историк-исследователь. Я* ***не на том коне ехал»***(Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где оборот *не на том коне ехать* – «делать не то, что нужно, что обычно требуется», ср. *сидеть на том коне* – «заниматься привычным делом» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 309]; «*Мужики-поморы в свободный час тоже* <u>*запоют*</u>*. Выйдет к океану человек сорок этаких бородачей, повалятся на утёс, заложат руки за голову и* ***подымут на голоса*** *песню богатырскую…»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), где *поднять на голоса* – «громко запеть, затянуть какую-либо песню»; «*Рассказы Анкудинова о морской старине, взятые из морского писания, звучали совершенно так же, как его былины и сказания. Но дух истории,* ***как старое вино, благоухал*** *в рассказах Пафнутия Анкудинова»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *благоухать, как старое вино* – «о чём-либо приятном, имеющем давнюю историю»; «*Архангельск стоит на высоком наволоке, смотрит лицом на морские острова. Двина под городом широка и глубока – океанские трёхтрубные пароходы ходят взад и вперёд, поворачиваются и причаливают к пристаням* ***без*** *всякой* ***кручины»***(Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *без кручины* – «легко, свободно (делать что-либо)»; «*Насколько Аннушка была домоседлива и скромна, настолько замужняя её сестра – модница и любительница ходить по гостям. Возвратясь однажды с вечера, рассказывает: – Лансье сегодня танцевала с некоторым мурманским штурманом. Борода русая, круговая, волосы на прямой пробор. Щеголь… – Машка, ты это к чему? – К тому, что он каждое* ***слово*** *Анной Ивановной* ***закроет****…»* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»), где *каждое слово закрыть* – «часто упоминать кого-либо, что-либо (в разговоре») и т.д.

Нередко собственно авторские выражения повторяются в текстах произведений писателя (одном или нескольких). Воспроизводимые авторские выражения можно квалифицировать как **идиолектные клише**: «*Зимою Максим Осипович хвалился перед приятелями: – ...И начну ему сказывать от книг, от старых, что помню. – А он что, губернатор? – осведомляются слушатели. – Он на ус мотает. Вот увидите, друзья, и* ***наше сказанье попадёт в писанье»***(Шергин Б. В. «Запечатленная слава»); *«Но в печатном издании первоисточники не названы. Опять, значит, если "****наше сказанье и попало в писанье****", то без помину запечатлено, скрыто в литературном изложении»* («Запечатленная слава»), где оборот *наше сказанье попадёт в писанье* – «что-либо известное немногим станет общеизвестным, выйдет из забвения» и т.д.

2. Окказиональные фразеологические дериваты дифференцируются по способу своего образования на несколько разновидностей: образованные по аналогии с узуальными устойчивыми оборотами; в результате семантической деривации (расширения значения) узуального фразеологизма; в результате видоизменения формы узуального устойчивого оборота; при выделении из состава более сложной устойчивой единицы, путём контаминации нескольких узуальных ФЕ и т.д.

2.1. Окказиональные фразеологизмы, образованные по аналогии с узуальными, наиболее часто встречаются в прозе Б. В. Шергина, поскольку, по словам В.М. Мокиенко, «чем понятнее образ, лежащий в основе фразеологизма, тем активнее может производиться такая единица по модели» [Мокиенко 1980, с. 75]. Такая структурно-семантическая аналогия окказионального оборота узуальному может быть как полная (когда новое выражение, образованное по модели уже широко употребительного, синонимично ему), так и неполная (когда новое выражение не синонимично тому устойчивому обороту, модель которого использовалась для образованию выражения): «*Саня* ***ни праха*** *не дозволил Анисес собой взять: – Оставь куфману эти часики да браслетки, шляпки да гаржетки. В Архангельске я у корабельного строения кряду работу добуду»* (Шергин Б. В. «Аниса»), где *ни праха* в значении «ничего» образовано по модели *ни грамма* –

«нисколько, абсолютно ничего» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 160]; «*Ростят себе отец с матерью сына – при жизни на потеху, при старости на замену, а сверстные принимаем его в совет и дружбу, живём с ним* ***дума в думу»***(«Шергин Б. В. Двинская земля»), в котором было образовано выражение *дума в думу* по структурно-семантической модели синонимичного ему *душа в душу* – «(разг.) дружно, в полном согласии (жить, прожить)» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 211]и т.д.

Следует отметить, что в качестве узуальных аналогов окказиональных дериватов в прозе Б. В. Шергина выступают и крылатые выражения, в том числе из фольклорных текстов: «*Саня* ***ни праха*** *не дозволил Анисе с собой взять: – Оставь куфману эти* ***часики да браслетки, шляпки да гаржетки****. В Архангельске я у корабельного строения кряду работу добуду»* (Шергин Б. В. «Аниса»), где образное перечисление «*часики да браслетки, шляпки да гаржетки»* образовано по аналогии со строкой широко известной в 1920–1930 гг. в разных вариантах, в том числе эстрадном, песни «Мурка», ставшей позднее неофициальным гимном криминальной среды, а вне её считавшейся поистине «народной», автором стихов которой, однако, как предполагают, был известный в своё время одесский поэт Яков Ядов: «*Слушай, в чем же дело? Что ты не имела? / Разве я тебя не одевал? /* ***Кольца и браслеты, юбки и жакеты****, / Разве я тебе не добывал?»* и т.д.

2.2. Окказиональные фразеологизмы, образованные в результате семантической деривации (расширения значения): «*Ударит на море погода, и морская пучина ревёт и грозит, зовёт и рыдает. Начнёт море кораблём,* ***как мячом, играть****, а в корабле – друг наш, материна жизнь…»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где *играть как мячом* в значении «бросать что-либо в разные стороны с огромной силой» образовано от *играть как мячом (кем)* – «(неодобр.) о чьём-либо безответственном, небрежном и пренебрежительном манипулировании кем-либо» [Мокиенко, Никитина 2008а, с. 421], также ср.: *играть (чьей) судьбой как мячом* – «(неодобр.) о чьём-либо безответственном манипулировании чьей-либо судьбой, волей, желаниями» [Мокиенко, Никитина 2008а, с. 421]; «*А в домах*

у нас тепло! Хотя на дворе ветер, или туман, или дождь, или снег, или тлящий мороз, – дома всё ***красное лето****!»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где оборот *красное лето* в значении «тепло» образован от широко распространённого выражения *красное лето*, восходящего к устному народному творчеству и употребляемого в прямом значении и т.д.

2.3. Окказиональные фразеологизмы, образованные в результате видоизменения формы узуальной ФЕ: «*Ударит на море погода, и морская пучина ревёт и грозит, зовёт и рыдает. Начнёт море кораблём, как мячом, играть, а в корабле – друг наш, материна жизнь… О, какая тьма нападёт на них,* ***тьма бездонная****! О, коль тяжко и горько, печали и тоски несказанной исполнено человеку водою конец принимать! Тот час многостонен и безутешен, там – увы, увы! – вопиют, и нет помогающего…»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где оборот *тьма бездонная* образован от синонимичного *тьма египетская* – «(книжн.) беспросветная угрожающая тьма» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 676]; «*Люблю про тех сказывать, кто с морем* ***в любви и совете****. С малых лет повадимся по пароходам и отступиться не можем, кого море полюбит. А не залюбит море, бьёт человека да укачивает, тому не с жизнью же расстаться. Не все в одно льяло льются, не все моряки»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»),где было образовано выражение *в любви и совете* в значении «в обоюдном приятии другу друга» от *совет да любовь* – «как пожелание молодым жить в согласии и любви друг другу»; «*Тут Хионьюшка двери рванула да как налетела на Маляхина-то: – …Со всеми соседями ставлю во свидетели, что вы благородную невинность оскорбляете. Вон отсюда,* ***рыбьи глаза****! Я честна вдова, тридцать лет вдовею! Меня сам отец Иван Кронштадтской знат да уважат!»* (Шергин Б. В. «Мимолётное виденье»), где выражение *рыбьи глаза* образовано от синонимичного *собачьи глаза* – «(бран.) о бессовестном, наглом человеке»[Мокиенко, Никитина 2008, с. 126]; «*Кончит былину богатырскую – запоёт скоморошину. Шутит про себя: – У меня уж* ***не запирается рот****. Сколько сплю, столько молчу. Смолоду сказками да песнями душу питаю»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где выражение *запирать рот* образовано от

синонимичного *закрывать рот* – «(разг.) замолкать»[Мокиенко, Никитина 2008, с. 569]; «*Город наш стоял у моря, а ни о Севере, ни о родном крае, ни о море никогда мы в школе не слыхали. А для меня это всегда было самое интересное… Насколько казённая наука от меня отпрядывала, настолько в море всё, что я видел и слышал,* ***льнуло*** *ко мне,* ***как смола к доске»***(Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»),где оборот *льнуть как смола к доске* в значении «о том, что воспринимается легко и неназойливо» образован от не синонимичного *от льнуть как смола к сучку* – «(народ., неодобр.) о назойливо, навязчиво пристающем к кому-либо человеке» [Мокиенко, Никитина 2008а, с. 624]и т.д.

2.4. Окказиональные ФЕ, образованные в результате выделения из состава более сложного устойчивого выражения, как правило, из компонентного состава паремиологических единиц – пословиц, народных примет, поверий, деловых изречений и др.: «*В листопад придут в город кемские поморы, покроют реку кораблями. Утром,* ***не поспеет кошка умыться****, к нам гости наехали»* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»), где было образовано выражение «*не поспеет кошка умыться»* в значении «неожиданно (о появлении гостей в доме)» образован в результате его выделения из состава народного поверья [Комкова 2020ё, с.144], ср.: *Кошка лапкой умывается – гости в дом собираются* и т.д.

2.5. Окказиональные ФЕ, образованные в результате контаминации нескольких узуальных устойчивых единиц: «*Придёт зима и уйдёт. Разольются вешние воды. А друга нашего всё нету да нету. И не знаем, быть ему или не быть. Мать-та* ***мрёт душою и телом****, и мы глаз не сводим с морской широты»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»),где выражение «*мрёт душою и телом»* образовано в результате слияния фразеологизмов «*душа мрёт» (у кого)* – «о чувстве тоски, беспокойства» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 212] и *душой и телом* – «(разг.) целиком, полностью, всем существом (сочувствовать кому-либо)»[Мокиенко, Никитина 2008, с. 214] и т.д.

К окказиональным ФЕ в художественной прозе Б. В. Шергина целесообразно, на наш взгляд, относить также **индивидуально-авторские перефразирования**

узуальных ФЕ, однако только в том случае, когда такое перефразирование идиостилистически обусловлено, т.е. выполняет такую эстетическую задачу в литературном произведении, которая характеризует целиком идиостиль автора: «*А счастливым молодожёнам как-то вдруг стало не до смеху. Им письма обидны заподкидывали, сторонни люди нахально заощерялись… Санька брови хмурит: – Довольно, Аниса,* ***по ножевому острею ходить****. На волоске повисла наша хитрость»* (Шергин Б. В. «Аниса»), (где было образовано выражение «*по ножевому острею ходить»* путем трансформации фразеологизма «*ходить по острию ножа»* – «(разг.) рисковать, делать что-либо предельно опасное» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 468] с целью придать широко употребительному в современном русском языке разговорному обороту выраженный привкус просторечия, характерный для идиостиля Б. В. Шергина, путём инверсирования именных компонентов фразеологизма в сочетании с изменением фонетического облика одного из них) и т.д.

Окказиональная фразеология в художественной прозе Б. В. Шергина **вводится автором**, как правило, **в содержательно насыщенный контекст**, когда необходимо акцентировать внимание читателя на том или ином событии, на той или иной социальной или нравственной оценке происходящего, на тех или иных качествах персонажа и т.д. Так, в рассказе «Золотая сюрприза», где описывается истинный подвиг Ивана Широкого, отдавшего свою жизнь ради спасения друга Марка Дудина («*Безвестно уснул Иван, а слава его полетела на золотых крыльях… Он верховную добродетель исполнил: положил свою душу на друга»*), употребляется собственно авторское выражение *взять силу больше страха* в том месте, когда описываются чувства главного героя в момент морального выбора отдать за жизнь своего друга свою жизнь («*Тогда прусская аспида исполнилась гнева и, рыкнув, как лев, осуждает Ивана под расстрел. Небось каково было страшно и трепетно, но Иван* ***взял силу больше страха»***). Использованное выражение означает «превозмочь страх смерти» детерминировано антонимическими компонентами *сила* и *страх*, которые в данном контексте реализуются как синтез двух полярных чувств, овладевших

всеми помыслами Ивана Широкого: силы желания любой ценой спасти товарища («доблесть») и простого человеческого чувства страха перед неминуемой гибелью. Краткое прилагательное *больше* актуализирует победу *силы* над *страхом* (т.е. *сила* «морального долга спасти друга» *большая*, чем *страх* «умереть из-за друга»), что делает авторское выражение смысловым и идейным концентром не только данного эпизода, но и всего произведения в целом, поскольку актуализирует и символизирует торжество победы чувств чести, долга и отваги над вполне закономерным чувством страха в душе любого человека.

Собственно авторские выражения используютсяБ. В. Шергиным также и **в функции заглавий рассказов**, становятся частью целой истории, настолько «важной и узнаваемой в жизни поморов» [Горелов 1984, с. 5], что она придаёт таким выражениям статус прецедентных единиц. Так, в рассказе «Рядниковы рукавицы» широко известный герой художественной прозы писателя Маркел Ушаков рассказывает об игумене, который берёг рукавицы «некоторого Рядника-мореходца» как символ «морского знанья», владения мастерством истинного корабельщика, как оберег для мореходов от всех многочисленных бед и напастей, подстерегающих их в открытом море. В контексте жизни поморов эта история приобретает статус притчи, текст которой становится прецедентным, а его поучительное содержание концентрируется в одном выражении, приобретающем потенциальный характер крылатой единицы. Это выражение используется в тексте произведения не только для придания его сюжету художественной образности, но и для обозначения предмета, который обладает статусом исключительно важного, наделённого особой властью, беспрекословно почитаемого поморами: «*К Маркелу в избу входят трое каянских грабёжников. Двое захватили его за руки, третий стал снашивать в лодку хлебы, рыбу и одежду. Маркел стоит: его держат эти двое. Наконец третий, оглядев стены, снял с гвоздя* заветные***Рядниковы рукавицы***. *Маркел говорит: – Это нельзя! Повесь на место! Тот и ухом не ведёт. Тогда Маркел тряхнул руками, и оба каянца полетели в разные углы… Сам выскочил в сени, прижал двери колом… А в лодке ещё трое каянцев… Один выскочил из лодки и бежит к своям на помощь. С ним Маркел затеял драку, чтобы не подпустить к избе… Показался русский*

карбас с народом. В свалке один грабёжник утонул. Пятеро попали в плен. За такие заслуги Маркелу с честью воротили чин судостроителя» (Шергин Б. В. «**Рядниковы рукавицы**»). Так *Рядниковы рукавицы* «помогли» Маркелу не только победить грабителей, но и вернуть почётную должность, утраченную им в результате «баталии с соловецкими иноками». Собственно авторское выражение употребляется в тексте рассказа с заглавной буквы, что не только говорит об исключительной значимости обозначаемого им предмета, но и характеризует выражение как прецедентное, соотносимое с содержанием прецедентного текста – «Притчи о Рядниковых рукавицах» [Комкова 2020д, с. 115-116].

Окказиональные фразеологизмы в художественной прозе Б. В. Шергина являются органичной частью её фразеологического пространства, делают её узнаваемой благодаря особенностям своего образования и употребления в тексте, характеризуют язык и идиостиль писателя как уникальный не только в рамках Северного текста русской литературы, но и в ряду её классических произведений XIX и XX столетий.

3.3. Стилистически дифференцированная фразеология

Фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина насыщено не только оригинальными и типизированными в «поморском фраземиконе» автора устойчивыми оборотами «поморьской говори», не только индивидуально-авторскими фразеологическими инновациями и дериватами, в прозаических произведениях писателя широко и разнообразно представлена и стилистически дифференцированная фразеология.

Исследование показало, что широкое использование Б. В. Шергиным в языке художественной прозы стилистически дифференцированных устойчивых оборотов объясняется авторской интенцией не только **максимально полно отразить своеобразие фразеологического пространства поморской речи во всех её проявлениях и сферах использования на протяжении длительной истории жизни Русского Севера от древности до современных писателю дней**, но также и реализовать идиостилистическую установку на создание эффекта живой, непринуж-

дённой устной речи в письменном тексте, для чего постараться **максимально полно отразить стилистическое разнообразие фразеологического пространства живой разговорной речи современного русского языка**. Именно этим обусловлено употребление стилистически дифференцированной фразеологии, в рамках которой можно выделить 6 основных групп ФЕ (разговорные, просторечные, народно-поэтические, книжные, устаревшие, специальные), а также официально-деловые клишированные выражения (Таблица 8).

Таблица 8 – Фразеологические единицы пространства художественной прозы Б. В. Шергина

Группа ФЕ	*Характеристика группы*	*Примеры*
1. Разговорные фразеологизмы	Наиболее многочисленная и разнообразная своим структурным характеристикам группу стилистически дифференцированных устойчивых единиц	*Перед лицом неизбежной смерти промышленник вырезал ножом на бортовине судна или на дверях, на столешнице промысловой избы сведения о себе, о погибших товарищах. Здесь и деловитое завещание о долгах, «кому что дать и с кого что взять», здесь и отцовское благословение, и «**последнее прости**» жене* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *последнее прости сказать (кому, чему)* – «(разг.) навсегда проститься с кем-либо, с чем-либо» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 539]
		*Зимою Максим Осипович хвалился перед приятелями: – …И начну ему сказывать от книг, от старых, что помню. – А он что, губернатор? – осведомляются слушатели. – Он **на ус мотает*** (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где использовано выражение «*мотать/намотать себе на ус*» – «(разг. шутл.) запоминать принимать к сведению то, что может пригодиться» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 689]
		*Упомянул ли автор вдохновенного помора Лоушкина, вспомнил ли его сказания? Вспомнил и упомянул в двух словах: «…наше судно вёл М. Лоушкин, любитель поболтать». – Знать, **час** наш **не пробил**, – вздохнули поморы* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *час пробил* – «(разг.) пришло время, пришла пора для чего-либо» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 730]
		*Мы в Ульянкиной избе все и гостим, куча ребят трёх – шести лет. Что у старших видели, то и мы: песни поём, свадьбы рядим – смотренье, рукобитье, пониманье. Девчонки у матерей с кринок наснимают, ходят, кланяются, угощают, – **честь честью**, как на свадьбе* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»), где *честь честью* – «(разг.) так, как следует; как нужно, как положено» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 739]
2. Просторечные устойчивые выражения	ФЕ со стилистически сниженной экспрессивной и эмоциональной оценкой	*– Куда, Иван? – удивилась жена. – Артель-то вся небось на пристани. Пароход пришёл. – **Мели, Емеля**… Будут они бегать, пароходики встречать, когда выставка на носу…* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где *мели, Емеля* сокращённая форма *мели, Емеля, твоя неделя* – «(прост., ирон. *или* презр.) о полном недоверии к чьим-либо словам, чьему-либо рассказу» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 223]
		*Приблизительно в 1900-м году в Архангельск пришла весть из Норвегии, что послы Петербургского комитета помощи поморам **обивают пороги** у норвежских судостроителей. Просят сочинить проект промышленного парусного судна, по которому могли бы учиться русские судостроители-поморы* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *обивать пороги* – «(прост., неодобр.) беспрестанно ходить куда-либо (как правило – безрезультатно)» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 523]
		*В городе я поступил в школу, уже хорошо умея читать и писать. Больше всего успевал я, учась, в языках, совсем не давалась математика; из-за неё не любил я школы, бился зиму, **как муха в паутине*** (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»), где *как муха в паутине* – «(прост., неодобр.) о беспомощно, безнадёжно запутавшемся в чём-либо человеке» [Мокиенко, Никитина, 2008а, с. 413]

Продолжение таблицы 8

Группа ФЕ	*Характеристика группы*	*Примеры*
3. Народно-поэтические обороты	Преимущественно фольклорно-поэтические составные названия мифологически значимых объектов, разных сказочных животных и др., используются в стилеобразующей функции для придания литературному тексту характера и формы фольклорного сказания	*Березка, вся-то она ростом в аршин, притулилась за камешком, листочки по грошику, а тоже, как невеста, серёжки надела. Тут и травочка маленька, и пчёлка бунчит… Мы, где эко место увидим, падём на колени, руками охапим: – **Мать-земля** благоцветущая! **Мать – сыра земля**!* (Шергин Б. В. «Новая Земля»)
		*Ветры с полдня, южные, летние ветры ударили. Дрогнула льдина морская, заворотилась и ушла. Море по-веселому зашумело, волна разгулялась во все стороны **света белого*** (Шергин Б. В. «Новая Земля»)
		*Прости, **красное солнце**; прости, **мать сыра земля** и все на тебе живущие* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»)
		*На Аксинью-полузимницу **солнышко-баттошко** как бы с красным фонариком прошло по горам* (Шергин Б. В. «Новая Земля»)
		*Старухи ахают: – Глянь-ко, глянь-ко! Этой бы только в погребу сидеть под рогожей, а она как **жар-птица**!* (Шергин Б. В. «Дождь»)
		*Иван гаркнул: – Артель, пиши меня в члены или хотя в ученики! Челом бью! Не **гуси-лебеди** крыльями захлопали – артельные в ладоши загремели, закричали: – Инструктором будешь у нас, Иван Егорович, – решено и подписано!* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
		*Которые ребята были схватчивы и ученье принимали бойко, тех Федот садил за тонкую работу. – Вот, Михайлушко, – толковал Федот талантливому пареньку, – вот тебе художественные снасти, пилка да топорок, долото да стамеска. Построишь тут ларец. Приладишь тут кровельку. Получится для **мухи** для **горюхи** домок-теремок. К ней постойщики приедут. Пойдет житьё-бытьё. **Муха – Горюха**, **Блоха – Поскакуха**, **Комар – Пискун**, **Таракан – Шаркун*** (Шергин Б. В. «Лебяжья река»)
		*Где вчера болото лежало, на радость **скакухам-лягухам** болотным, нынче тут дом стоит, как город* (Шергин Б. В. «Двинская земля»)
4. Книжные ФЕ	Книжные устойчивые обороты	*Старухи у нас собачек около себя не держали, а курочку – непременно. У Олены Кирилловны курочка Хохлатка тоже аредовы веки доживала. Вся облезла, только на крыльях да на ногах пучки перьев. Полуслепая бабушка по старой памяти считала Хохлатку красавицей* (Шергин Б. В. «Старые старухи»), где *жить / прожить аредовы (мафусаиловы) веки* – «(книжн., устар., народ.) о чьём-либо исключительном долголетии» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 75]
		*Тогда только женщина опомнилась, бросилась вслед Андрею и закричала: – Господине, господине! Человек ты или ангел? **От сотворения мира** не слыхана такая великая и богатая милость!* (Шергин Б. В. «Гость с Двины»), где *от (с) сотворения мира* – «(книжн., шутл.) с очень давнего времени, с незапамятных времён» [ФСРЛЯ, с. 644]
		*На Севере в XVIII веке, в эпоху морального подчинения Западу, раскол носит черты своеобразного патриотизма. В противовес мнению **высшего общества**, будто «русские всегда были во всем невежды», поморские писатели того времени прямо или косвенно старались напомнить о том, что у русского народа есть славное историческое прошлое»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *высшее общество* – «(книжн.) люди с высоким уровнем социального статуса и благосостояния, который определяет их образ жизни, круг знакомых, манеру поведения

Продолжение таблицы 8

Группа ФЕ	*Характеристика группы*	*Примеры*
4. Книжные ФЕ	Нередко книжные устойчивые обороты видоизменялись с целью придания им просторечного характера	*«Мне в миру было место не по чину. Я неволей* ***пил горьку*** *смертную* ***чашу****…»* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»), где *выпить/испить горькую чашу* – «(книжн.) испытать много страданий, горестей» (Мокиенко, Никитина 2008, с. 731) подвергается частичному изменению фонетического облика – *горьк****у.***
5. Устаревшие обороты	Употребляются преимущественно в стилеобразующей функции (для создания эффекта живой непринуждённой поморской речи за счёт известной близости устаревших устойчивых единиц и диалектной фразеологии), а также в познавательной функции (сопровождаются для лучшего понимания читателем их значения в метаязыковым контекстом)	*Повернув в сторону артельных мокрое от слез лицо, Иван гаркнул: – Артель, пиши меня в члены или хотя в ученики!* ***Челом бью****!* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где *бить челом* – «(разг., устар.) 2. Почтительно просить кого-либо о чём-либо» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 731]
		Заплакал и Ваня: – Мама, пожалей своих внучат! Пропадут они без отца… Заревели ***в голос*** *и торговки: – Аграфена Ивановна, отпусти ты его!* (Шергин Б. В. «Ваня Датский»), где *в голос* – «(устар.) 1. Одновременно, все вместе; 2. Единодушно» [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 147]
		Я в мире сем положен был как знамя на стреляние, летели на меня стрелы от всех сторон. Мне в миру было место ***не по чину****. Я неволей пил горьку смертную чашу…* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»), где *не по чину* – «(устар.) 1. Несообразно занимаемому положению в обществе» [ФСРЛЯ, с. 748]
		*Самый стиль, самая внешность древних «морских чертежей» оскорбляли вкус помпадуров XVIII века. Всё, что было сделано в русском народном стиле, определялось выражением: “****в подлом вкусе****”»* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»), где *в подлом вкусе* – «(устар.) в народном стиле»
6. Специальные устойчивые выражения	Представлены в основном составными терминами, относящимися к сфере мореплавания и судоходства	*В противоположность собратии своей, жившей интересами и бытом своего морского сословия, Максим Осипович Лоушкин был, так сказать, человеком светским. Имел чин «капитан дальнего плавания* (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»)
		Я, пишущий эти строки, родился в Архангельске, в семье «корабельного мастера первой статьи», и половину жизни провёл в среде людей, прилежащих мореходству и судостроению (Шергин Б. В. «Запечатленная слава»)
Официально-деловые клишированные выражения	Немногочисленные официально-деловые клишированные выражения и устойчивые фразы, компоненты которых часто подвергаются изменению своего фонетического облика или грамматического оформления для придания им просторечного характера	*Толкнул двери мастерской. Заперто. Но внутри кто-то вовсю гремел молотком. Иван приправил стучать и кулаком и палкой. – Ишь какое министерство! Запершись работают. “****Без докладу не входить****”. Нет уж, я не отступлюсь. Хоть незваный посетитель, а принимать извольте!* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), в данном случае был использован канцеляризм *«Без доклада не входить»*, в котором один компонент грамматически оформлен по образцу просторечия – *без доклад****у***

3.4. Употребление пословиц, крылатых выражений и афоризмов

Весьма заметное место занимают в художественной прозе Б. В. Шергина пословицы, крылатые выражения и афоризмы, которые не только обогащают язык и стиль рассказов писателя, но и представляют паремиологический, эптонимический и афористический состав речи русских поморов, хорошо знающих меткое народное слово, часто начитанных и по-житейски мудрых, любящих сослаться на пословичное поучение, щегольнуть удачной цитатой, обобщить свой или чужой жизненный опыт в форме общего суждения «в назидание будущим родам». Общность «фразеологической природы, отражения менталитета народа, своеобразной нравственно-практической философии» позволяет объединять эти языковые единицы [Королькова 2012, с. 52].

1. Пословицы – неотъемлемый элемент языка и идиостиля Б. В. Шергина, который вырос в поморской среде, где любили и умели употреблять пословицы всегда уместно, в назидание, складно и весело: «*Азбуку мне отец подарил к Новому году, поэтому в начале было написано стихами: Поздравляю тебя, сын, с Новым годом! Живи счастливо да учись.* ***Учёный водит, Неучёный следом ходит****. Рано, весело вставай –* ***Заря счастье куёт****.* ***Ходи право, Гляди браво****.* ***Кто помоложе, С того ответ подороже****.* ***Будь****, сын,* ***отца храбрее, Матери добрее****. Живи с людьми дружно.* ***Дружно не грузно. А врозь – хоть брось****!…»* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»)и т.д.

Пословицы, как и фразеологизмы, можно дифференцировать в языке художественной прозы Б. В. Шергина на три большие группы: во-первых, из паремиологического фонда «поморьской говóри» (зафиксированне в словарях поморского говора), во-вторых, входящие в состав «поморского паремикона» писателя (маркированные в контексте как «поморские» и/или отражающие историю и культуру Русского Поморья, духовные ценности и менталитет поморов своими прототипами, компонентным составом, фоновой семантикой), в-третьих, окказиональные паремиологические единицы (собственно авторские пословицы и окказиональные паремиологические дериваты).

1.1. Паремиологический фонд «поморьской говóри» ещё недостаточно изучен, спорадически зафиксирован в фундаментальном «Словаре областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1885) А.И. Подвысоцкого и представлен в прозе Б. В. Шергина немногочисленными пословицами, каждая из которых, тем не менее, занимает в контексте содержательно и прагматически ключевую позицию: «*Мы, жители посада Неноксы, знаем ветер, и воду, и всякую морскую примету. Но был гибельный случай, над которым я и при старости лет вздыхаю и говорю:* ***море – измена лютая»***(Шергин Б. В. «Кроткая вода»), в данном слуцчае использована поморская пословица «*Море – измена лютая»*– «морю имя дано – измена, потому на ево надеяться нельзя» [Подвысоцкий, с. 92] и т.д.

1.2. «Поморский паремикон» писателя, который составляют пословицы как известные Б. В. Шергину с детства, входящие в состав его идиолекта, так и лингвокультурно маркированные в качестве «поморских» (непосредственно в контексте произведения или формы как фразовых текстов и/или компонентами своего плана содержания): «*"****Архангельский город всему морю ворот****". Архангельск стоит на высоком наволоке, смотрит лицом на морские острова. Двина под городом широка и глубока – океанские трехтрубные пароходы ходят взад и вперед, поворачиваются и причаливают к пристаням без всякой кручины»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), где данная пословица имплицитно противопоставлена автором по позитивной тональности своего содержания пословице негативного смысла «*Город архангельской, а народ в ём дьявольской»* из паремиологического фонда «поморьской говóри» [Подвысоцкий, с. 34]; «*С малых лет повадимся по пароходам и отступиться не можем, кого море полюбит. А не залюбит море, бьёт человека да укачивает, тому не с жизнью же расстаться.* ***Не все в одно льяло льются****, не все моряки»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), в данном случае была использована пословица «*Не все в одно льяло льются», которая* содержит поморское *льяло* – «форма для литья пуль» [Подвысоцкий, с. 84]; «*На малой каменной грядке живали по нескольку дней, смотря по ветру, по рыбе, по воде. Сюда завозили хлеб, дрова, пресную воду. Так продолжалось лет семь или восемь.*

*Наступил 1857 год, весьма неблагоприятный для мореплавания. В конце августа Иван с Ондреяном опять, как гагары, залетели на свой островок. Таково рыбацкое обыкновение: "**Пола мокра, дак брюхо сыто"**»* (Шергин Б. В. «Для увеселения»), в данном случае использованная пословица маркирована как поморская своим прототипом – свободной фразой, отражающей условия жизни и рыбного промысла поморов); «*Весь народ северный вдохновенно отдается всякой игре, всякой обрядности – «театру для себя». Любимая пословица: "**Чем с плачем жить, лучше с песнями умереть"**»* (Шергин Б. В. «Пафнутий Анкудинов») (где пословица квалифицирована как поморская непосредственно в контексте – «*любимая пословица северного народа*»); «*– **Слово дадено – как пуля стрелена**, – сказал Фатьян. – Ты как, мистер Пых, на бумаге договор будешь крепить? А по-нашему: **слово да руку дал – крепче узла завязал**»* (Шергин Б. В. «Дождь»), где «поморское происхождение обеих пословиц маркируется включением их в речь персонажа» – поморского «мастера Фатьяна» [Комкова 2020 д, с. 113-114] и лексическим актуализатором *по-нашему* и т.д.

1.3. Окказиональные пословицы, т.е. такие фразовые тексты, которые созданы в структурном и содержательном планах, а также выполняют функции в речи по образцу пословичного жанра или по модели конкретной пословицы, встречаются только в авторской речи (не зафиксированы в паремиографических источниках русского языка): «*Живём соседственно, но в чертеже и в раскраске каждая деревня соблюдает свою добродетель. На Лебяжьей колер обожают самый нежный, «тьмо-лимонный» да «светло-осиновый», голубой да лазоревый. Человечков писали тоненьких. На Гусиной красили пёстро. Цвет пущали сильный. Мужиков писали головастеньких, а жёночек коротеньких. Нам своё лицо терять не надобно. **У всякой ягоды свой скус**»* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), где просторечное «*У всякой ягоды свой скус*» – собственно авторский аналог пословицы «*У каждого свой вкус*»[БСРП, с. 127]; «*Видя мою радость, Коля с Варей стали краше утра. Я учредил их в моём домишке и, как куропать вырвавшись из силка, устремился к старой и вечно юной морской жизни. **Радость одна не приходит**: дружина моя объявила портовой конторе, что подпишутся в службу только в*

том случае, ежели шкипером на «Обнове» положат старого их кормщика Егора Васильева» (Шергин Б. В. «Егор увеселялся морем»), в данном случае использованное индивидуально-авторское выражение «*Радость одна не приходит»* образовано от широко употребительной русской пословицы «*Беда одна не приходит»* (БСРП, с. 39); «*История, рассказанная мезенским стариком, запала мне в сердце. Повидать место покоя безвестных художников стало для меня заветной мечтой. Но* ***годы катятся, дни торопятся****…»* (Шергин Б. В. «Для увеселения»), где фраза «*Годы катятся, дни торопятся»* является собственно авторским аналогом общеевропейской пословицы «*Время летит»* и т.д.

Основная функция пословиц в художественной прозе Б. В. Шергина – **текстообразующая**, которая проявляется в том, что «паремии заполняют определённое пространство текста, способствуя расстановке смысловых акцентов, характеризуя и оценивая изображаемое, отражая одновременно (открыто или имплицитно) авторское отношение к героям и событиям» [Савенкова 2002, с. 25]. Благодаря использованию пословиц организуется содержание и структура как отдельных частей повествования, его сюжетных линий, так и целиком всего произведения (микрорассказа). Так, в рассказе «Дождь» мастер Фатьян в форме пословичного суждения определяет разницу в работе заморских и русских мастеров, обобщает неудачный опыт поморских баб и девок, не ставших покупать незатейливые цветные ткани у поморского мастера Фатьяна, позарившихся на яркие, цветастые узоры по ткани, сделанные заморским мистером Пыхом, скупивших у того на базаре всю одежду, которая полиняла и расползлась на них после первого же дождя. Но после пристыженные вернулись к мастеру Фатьяну за его скромными в расцветке, но добротными, долговечными тканями: «*В балаган полезли бабы, девки и старухи. Поклонились, заговорили: – Здравствуйте, гости торговые! Из ваших рук набойки захотели. Вчера к вам собирались, да кони не довезли. Фатьян приосанился, прищурил глаз: – Доброе дело не опоздано. Милости прошу. Наши набойки за сутки не заплесневели, не заиндевели. Только что узором не корыстны, против модного базара не задорны… Бабы застыдились: – Карасином бы этот базар облить было да спалить!… – То-то, – наставительно сказал Фать-*

ян. – ***За морем прок потеряли, только хитрость одна****. Русский мастер у работы радоваться хочет. Вот полотно: под песню прядено, под сказку ткано, на мартовском снегу белено. Мы к ткачихину художеству своё приложили. Краски натуральные: от матушки сырой земли, и от коры березовой, осиновой, от дерева сандала, от ягод, от цветущих трав. Земляную краску в пух стираем: хоть графиня рожу пудри! Сенька Рыжа Борода у выбойки, будто бабка-повивалка у родов. Тренька досточку-печатку режет, как батальный живописец. Я в свою набойку сорок лет людей сряжаю. Сколько молодёжи обучил, ремесло в руки дал. И от всех, кроме спасиба, другого слова не слыхал. Я не хвалюсь. Моя работа пусть меня похвалит. Такое наше поведенье вековое-цеховое…»* (Шергин Б. В. «Дождь»). И далее в рассказе подытоживается повествование той же самой пословицей: «*Фатьяновы внуки-правнуки, такие же, как дед, красильщики-набойщики, работают теперь на фабриках. Дедова оказия не вылиняла, не выцвела в пересказах внучат. Дедовской пословкой и заканчивают: “****За морем прок потеряли, только хитрость одна****”»* (Шергин Б. В. «Дождь»). Так с помощью одной пословицы обобщается всё содержание шергинского рассказа о заморском *мистере Пыхе* и поморском *мастере Фатьяне*, которое по отношению к пословице приобретает в концовке рассказе уже прецедентный характер (*Дедовской пословкой и заканчивают…*).

Наиболее ярко текстообразующая функция паремиологических единиц проявляется, как известно, при их использовании в качестве названий литературных произведений. «Заглавие, будучи одной из сильных позиций текста, содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [Фатеева 2007, с. 138]. Выбор именно пословиц для называния художественного текста не случаен. «Поскольку в пословицах и поговорках находят отражение особенности реалий, черты национального характера каждого народа, ценностные представления, …писатели используют эти языковые единицы в текстах художественных произведений, в том числе и в качестве их названий» [Ломакина 2010, с. 127].

Использование пословиц в рассказах, тем более в их названиях, помогало Б. В. Шергину заранее настраивать читателя на идею и тематику повествования,

очерчивать замысел произведения, предопределять происхождение героев, их характеры. Около десятка микрорассказов названы писателем пословицами и объединены в серию «Пословицы в рассказах»: *«Плотник думает топором»*; *«Собирай по ягодке – наберёшь кузовок»*, *«Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится»*, *«Длинная нитка – ленивая швея»*, *«Одно дело делаешь – другое не порть»*, *«Шей да пори – не будет пустой поры»*, *«Коня в гости зовут не мёду пить, а воду возить»* и др.

Так, рассказ «*Плотник думает топором*» был основан на наблюдениях Вани и его бабушки за мастером, обновялвшему им ограду и крыльцо. Автор создаёт образ мастера – истинного знатока своего дела. Концептуальное содержание рассказа Б. В. Шергин передаёт при помощи однокоренных слов *плотник*, *плотно* (ср.: «*Теперь* ***плотник*** *посадил новые доски меж старыми. И так они* ***плотно*** *сели меж старыми, будто век тут сидели»*). Финал рассказа писатель венчает пословицей, вынесенной в заглавие, тем самым создавая кольцевую композицию повествования, приближая его к народной манере, понятной каждому читателю (ср.: «*Плотник, что задумал, то сделает топором».* Соответственно, появлется и пословица: *“Плотник думает топором”»*). Б. В. Шергин использует для названия рассказа пословицу *Думает плотник с топором (да писака с пером)*[Даль, т. 1, с. 105], «прибегая к эллипсису (вторую часть не употребляется), инверсируя первую в соответствии с прямым порядком слов и элиминируя предлог *с*, что делает эту пословицу более простой по структуре, однако гораздо более ёмкой по смыслу. Писатель в рассказе не случайно сравнивает плотника с живописцем» [Комкова 2019а, с. 199], ведь «истинный мастер своего дела сопоставим с художником («*Неправильно говорят, что, например, живописец – это художник, а плотник, столяр – это простой рабочий»*). Такое сравнение подкрепляется окказиональным паремиологическим дериватом, созданным по модели пословицы, вынесенной в название рассказа (ср.: «*Живописец что сдумает, то изобразит краской, кистью. Можно сказать,* ***живописец думает кистью****»*) [Шергин].

На примере работы Мити-паркетчика над столешницей в рассказе «*Собирай по ягодке – наберёшь кузовок*» Б. В. Шергин объясняет истинный смысл послови-

цы, вынесенной в заглавие («кропотливая работа, собранная по крупицам, вырастает в настоящий благодатный труд, которым вправе гордиться каждый мастер»), лишь частично соотносимый с её предметно-тематическим содержанием («труд – прилежание», «согласись на малое – получишь большее» [Даль, т. 3, с. 134]). Смысл пословицы, раскрываемый в рассказе, к тому же подкрепляется, иллюстрируется другими пословицами («*Глаза страшатся, руки делают*; *Комар носа не подточит*»).

Ирония пословицы, выбранной для заглавия, характерна для рассказа «*Шей да пори – не будет пустой поры*», посвящённого нерадивым ученицам, красившим оконные простенки. Б. В.Шергин выбирает кольцевую композицию, завершая историю пословицей, вынесенной в заглавие. Писатель вновь видоизменяет пословицу, приспосабливая её к своим эстетическим целям (ср.: *Шей да пори, не будет глухой поры* – «толк – бестолочь»; «время тратится, а ничего путного не выходит» [Даль, т. 1, с. 345]), прибегает к субституции, заменяя *глухой* на *пустой*, тем самым достигая комического эффекта.

Рассказ «*Длинная нитка – ленивая швея*» посвящён бабе-молодке, которая ленилась шить, и состоит из двух частей: первая о небрежной манере шитья, вторая о солдате, который не понял, чем занимается рукодельница. Писатель вновь видоизменяет выбранную им для названия пословицу, оставляя только один её вариант с адъективом *длинная* (ср.: *Длинная (долгая) нитка – ленивая швея* – «работа – праздность»; «без прилежания дело не спорится» [Даль, т. 1, с. 432]). В рассказе пословица трансформируется в речи бабы-молодки (ср.: «*Я шью,* ***нитка длинная – рука далеко машется»***), на что солдат отвечает своей пословицей (ср.: «*Ты нитку-то укорачивай и солдата с дороги не сворачивай*»). Уже привычная кольцевая композиция здесь приобретает оксюморонный эффект, усиливающий иронию повествования, местами переходящую в едкий сарказм солдата над швеёй-неумехой. Отвлечённые образы героев рассказа, отсутствие у них имён, в сочетании с названием-пословицей придают рассказу характер аллегории, даже притчи.

Просторечная лексика в составе пословиц, выбранных писателем для названий рассказов, придаёт этим рассказам истинно народный характер, делаёт их содержание ещё ближе к повседневной жизни русских поморов – соотечественников Б. В. Шергина, «которых писатель понимал и любил всей душой, стремился наиболее ярко отразить их образы, передать особенности их языка в своих произведениях» [Комкова 2019а, с. 200].

Как показало исследование, употребление пословиц в целом маркирует **содержательно-философский подтекст** прозаических произведений писателя, который на фоне стремления его к сказовому (устно-поэтическому) способу выражения авторской мысли может быть наиболее естественно эксплицирован именно в пословичной форме. Пословица у Б.В. Шергина – это, прежде всего, **средство выражения народно-философской мысли**, это прямое или образное отображение результатов народного опыта поморов в осмыслении мира своего обитания (Русского Севера), своего места в этом мире (Архангельского города и др.), своего предназначения в этом мире («морского сословия» и др.), своих духовных ценностей, правил и норм поведения и др. – всего того, что делает поморов «поморами».

2. Крылатые выражения употребляются в языке художественной прозы Б. В. Шергина не менее широко, чем пословицы, и дифференцируются по источникам своего происхождения на литературные цитаты, фольклорные цитаты, библеизмы. Все они используются **в интертекстуальной функции**, конденсируя в себе содержание своего текстового источника и отсылая к нему читателя как к дополнительному смыслу, который помогает понять суть повествования, идею произведения, правильно интерпретировать авторский замысел, коллизии сюжета, образы персонажей и др. С точки зрения стилеобразующей функции употребление литературных цитат и библеизмов существенно различается в прозе писателя.

2.1. Литературные цитаты в произведениях Б. В. Шергина выполняют в плане реализации стилеобразующей функции роль своеобразных маркеров уровня традиционной культуры поморов, многие из которых были знакомы с произведениями русской классической литературы XVIII и XIX веков (прежде всего, М.В. Ломоносова как своего знаменитого земляка, а также А.С. Пушкина, М.Ю. Лер-

монтова и др.). С другой стороны, Б. В. Шергин видел в творчестве литературных классиков, в их «бесценных письменах неувядающую силу бессмертного слова» [Горелов 1984, с. 5], черпал в них своё вдохновение и отражал их в своих текстах, расцвечивая и содержательно обогащая ими своё повествование, «приращивая» ему новые смыслы.

В рассказе «Егор увеселялся морем» Б. В. Шергин цитирует строки элегии «Брожу ли я вдоль улиц шумных…» (1829) – одного из самых «философски стройных» стихотворений А.С. Пушкина [Лихачёв 2014, с. 191]. Так, Б. В. Шергин отмечате при описании начала жизненного пути Егорат: «*Впоследствии времени* ***пущай*** *эти слова* ***будут*** *мне* ***у гробового входа красою вечною сиять.*** *А сейчас разговор пойдёт про свадьбу»* (Шергин Б. В. «Егор увеселялся морем»), ср.: «***И пусть у гробового входа*** *Младая будет жизнь играть, И равнодушная природа* ***Красою вечною сиять»***(Пушкин А. С. «Брожу ли я вдоль улиц шумных…»). Б. В. Шергин имплицирует цитату, конкретизирует фразу «…*эти слова…мне*…», заменяет нейтральной *пускай* на просторечное *пущай*, что переносит читателя в мир поморского сказа, придаёт известным строкам совершенно новое звучание: если смерть и возрождение цикличны и неотвратимы (у А. С. Пушкина), то добрые дела и поступки увековечат память о Егоре, когда его не станет (у Б. В. Шергина).

Ещё одни пушкинские слова из известного стихотворения А. С. Пушкина «К***» (1827) использованы в названии и в тексте рассказа Б. В. Шергина «*Мимолётное виденье»*, посвященного приехавшей из Петербурга красавице Кате, чтящей память мужа и не польстившейся на ухаживания богатого, но женатого поморского *купца первой гильдии Фёдора Маляхина*. Несомненно, образ Кати, как и сюжет самого рассказа, возник под влиянием проникновенных строк этого стихотворения А. С. Пушкина, который так чутко воспринимал женскую душу и так трепетно ценил женскую красоту. Не случайно названа «*Мимолётное виденье*» картина, оставшаяся висеть в доме купца Маляхина после отъезда Кати в Петербург: «*Изображена молодая особа в виде нимфы, порхающая над бурным ручьём. Многие находят, что черты нимфиного лица напоминают Катю. Называется*

*картина: “**Мимолётное виденье**”»* (Шергин Б. В. «Мимолётное виденье»), ср.: «*Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как **мимолётное виденье**, Как гений чистой красоты»* (А. С. Пушкин, «К***»). Выражение *мимолётное виденье* является крылатым и употребляется в значении «о неожиданных воспоминаниях, образах» (СКВП, с. 342), что ещё раз подчёркивает, что встреча с Катей поразила жителей поморской глубинки так же глубоко, как в своё время знакомство А. С. Пушкина с красавицей А. П. Керн. Приехавшая к ссыльному мужу Катя предстала перед бывалыми поморами хрупкой, утончённой, но при этом несгибаемой девушкой, верной своим принципам, одарённой *чистой красотой* и добрым сердцем. О знакомстве с ней поморы будут рассказывать ещё много лет, трансформируя литературную цитату в поэтический образ народного сказа [Комкова 2021б, с. 142].

Б. В. Шергин бережно относился к цитатам из русской поэзии золотого века, но при этом некоторым его рассказам, содержащим ссылки на известные тексты, присуща ирония в использовании литературной цитаты, позволяющая наиболее полно раскрыть характеры героев, их жизненные принципы.

Так, в рассказе «Лебяжья река» уважаемый всеми *мастер Иван Щека*, обиженный на артель, занявшей его дом, и не желающий ехать на её собрание, сравнивает себя с лермонтовским демоном, «бесприютным» и «гонимым»: «*Значит, вас послали **бесприютного изгнанника** глядеть?.. Возвестите населению, что Ивашка Щекин, не имея где главы преклонить, кочует по морскому берегу, подобно диким племенам»* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), ср.: «*Печальный Демон, **дух изгнанья**, Блуждал под сводом… **Изгнанник** помнит свет небес, …Оставлен всеми, **бесприютный**»*(М.Ю. Лермонтов, «Демон»). Иван Щека отождествляет себя с романтическим героем, но если первого не ждёт ничего, кроме одиночества и гибели, то второй всеми любим и почитаем как непревзойдённый мастер [Комкова 2021б, с. 143]. Байроновские страсти в северной глубинке выглядят уморительно, ирония носит оксюморонный подтекст и превращает цитату в шарж (обида мастера Ивана Щеки является наигранной, ему просто хочется убедиться в уважении к нему других мастеров).

Друг Ивана Щеки мастер Иван Губа так же, как и его товарищ, не любит собраний и громких речей, однако приводит трансформированную цитату из М.В. Ломоносова, подтрунивая над Гулей, который поехал по артельным делам в город и не смог прийти посмотреть новый сюжет художественной росписи, сделанный Иваном Губой: «*Медали поехал лудить для своей канпании. Конечно, все они Птицианы и Ребрамты. Их посадят в Ермитаж на божницу при освещении електричества. А позабытый художник Ванька Губин пущай поёт на мокрой мостовой: "**Подайте мальчику на хлеб, он Велизария питает**"* (Шергин Б. В. «Лебяжья река»), ср.: «***Науки юношей питают,** Отраду старым подают, В счастливой жизни украшают, В несчастный случай берегут…»* (М.В. Ломоносов, «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года»). Искажение фонетического облика слова (*канпания*), утрированного еканья (*електричество, ермитаж)*, фонетического преобразования имен собственных (*Птицианы, Рембрамты*) помогает автору добиться эффекта просторечия, необходимого для просторечной же трансформации строк М.В. Ломоносова. В свою очередь, обращение при трансформации цитаты к исторической личности Флавия *Велизария*, полководца византийского императора Юстиниана Великого, впавшего в немилость у цезаря и вынужденного в конце жизни просить подаяние, с одной стороны, позволяет писателю открыто иронизировать над положением своего героя (*мастера Ивана Губы*), которого, как и его друга (*мастера Ивана Щеку*), все в артели искренне любят и уважают [Комкова 2021б, с. 143], а с другой стороны, отсылает читателя к судьбе самого М.В. Ломоносова, потерявшего в преклонные годы расположение Российской императрицы Елизаветы I (всё это позволило Б. В. Шергину мастерски объединить три эпохи при помощи всего лишь одной известной стихотворной строки [Горелов 1983, с. 14]).

Ещё один герой Б. В. Шергина из рассказа «Егор увеселялся морем» сравнивает себя с Максимом Петровичем из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1825), которого так высоко чтил Фамусов: «*Дочка, подыми лицо и более ни перед кем не опущай! Дети! **Я упал больно, встал здорово**. Теперь буду вашей радости*

пайщик, вашего веселья дольщик, вашего счастья половинщик» (Шергин Б. В. «Егор увеселялся морем»), для сравнения: «*А как по вашему? По нашему – смышлён.* ***Упал он больно, встал здорово****. Зато, бывало, в вист кто чаще приглашён? Кто слышит при дворе приветливое слово? Максим Петрович! Кто пред всеми знал почёт?»* (А.С. Грибоедов, «Горе от ума»). В устах Егора крылатое выражение в значении «(шутл.) о том, как что-то неприятное может обернуться жизненным выигрышем» (Мокиенко, с. 363) трансформируется на семантическом уровне, приобретает оттенок лёгкой грусти (герой Б. В. Шергина убеждает себя и окружающих, что отпускает любимую, но не любящую его жену с лёгким сердцем и желает ей счастья), не восхваляет изворотливость и лицемерие ради обогащения, но сообщает о самопожертвовании ради благополучия тех, кого искренне любишь [Комкова 2021б, с. 144].

2.2. Фольклорные цитаты в художественной прозе Б. В. Шергина немногочисленны и близки по своей стилеобразующей функции народно-поэтическим оборотам (см. раздел 3.3), используются для придания тексту литературного произведения характера фольклорного «сказа»: «*В 1912 году в Архангельске жил знаменитый архитектор, академик П.П. Покрышкин. Мы с Виктором отважились предстать перед ним во время реставрации Успенья на бору. Чёрная бородища, орлиный взгляд, одежда, залитая известью, – всё поразило нас. Мы истово поклонились, и Виктор произнёс заученное приветствие. Вместо ответа он налетел на нас, как мальчишка, и дал нам по шеям. “Это я благословляю вас. Художники не живут сладко, а живут терпко. Не будьте «****спящие красавицы****». Не спите – не дремлите”»* (Шергин Б. В. «Виктор-горожанин»), где *спящая красавица* – «(шутл.) наименование лиц, которые не проявляют интереса к выполняемой работе, медлительны и мечтательны тогда, когда нужно активно действовать» восходит к заглавию русского перевода французской народной сказки, известной в обработке Шарля Перро 1697 г. [БСКСВРЯ, т. 2, с. 395] и т.д.

2.3. Библейские выражения обособляются в особую группу крылатых единиц в художественной прозе Б. В. Шергина как по своему источнику, во многом определяющему смысл и функции их употребления в тексте, так и в силу их

специфической роли в фразеологическом пространстве языка писателя, призванной отразить то важное и большое место, которое занимала Книга Книг, её содержание и языковое наследие в духовной культуре и речи русских поморов.

Библейские выражения дифференцируются в языке Б. В. Шергина по критерию отсутствия/наличия устойчивой связи с источником происхождения (библейским текстом) на фразеологические библеизмы и библейские цитаты.

1. **Фразеологические библеизмы** – это устойчивые обороты, прямо или косвенно связанные своим происхождением с библейскими текстами, имеющие широкую известность и массовую употребительность, функционирующие в речи как и все другие фразеологизмы и зафиксированные в фразеологических словарях: «*У Пушкина лицо светло и весело. Вокруг народное множество* ***от мала до велика****. И все плачут…»* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»), где оборот «*от мала до велика»* – «(разг.) все без различия возраста, абсолютно все» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 381] встречается в церковнославянском тексте Библии, ср.: «*И стекошася вси от мала даже до велика, яко паче чаянїя бh имъ, еже прїити ей»* (Иудифь 13:13), а также в русском переводе ср.: «*И умрут* ***великие и малые*** *на земле сей и не будут погребены и не будут оплакивать их…»* (Иер 16:6); «…*благословляет боящихся Господа,* ***малых с великими****»* (Пс 113:21) и др. (Лепта, с. 84–85); «*На двенадцаты сутки бедствия вынесло нас в Ледовитый океан. А нам всё одно-только бы крепче заснуть. И* ***уснули*** *бы* ***вечным сном****, да двинуло торосом становым. Наша льдина лопнула. Тут разбудились, прянули на ноги»* (Шергин Б. В. «В относе морском») (где оборот *заснуть вечным сном* – «(книжн.) умереть» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 632] восходит к Ветхому завету, ср.: «*Во время разгорячения их сделаю им пир и упою их, чтобы они повеселились и* ***заснули вечным сном****, и не пробуждались»* (Иер 51:39) [Лепта, с. 140]и т.д.

К фразеологическим библеизмам принято относить и те пословицы, которые прямо либо косвенно восходят к текстам Святого Писания, однако утратили непосредственную связь в массовом сознании со своим библейским первоконтекстом, употребляются в речи как обычные пословицы и отражены в паремиографических справочниках. Такие пословицы можно определить (по аналогии с фра-

зеологическими библеизмами) как **пословичные библеизмы**: *«О, как мы радовались, господине! Днём муж закупал товар и погружал на судно. Ночами мы рассчитывали, сколько у нас останется прибыли по уплате долга в гильдию. Я не плакала, провожая мужа, я радовалась. Но* ***пути божьи неисповедимы****. Ещё кораблик наш не дошёл Готтского берега, налетела штормовая непогода. Кораблик нанесло на камни и разбило в щепы. Дорогой товар утонул»*(Шергин Б. В. «Гость с Двины»), где «*Пути божьи неисповедимы»* – один из вариантов пословицы «*Пути господни неисповедимы»* – «(книжн.) о невозможности предугадать все повороты судьбы, предопределить будущее» [БСРП, с. 545], которая восходит к Библии, ср.: *Обездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как* ***непостижимы судьбы Его*** *и* ***неисследимы пути Его****!* (Рим 11:33) [Лепта библейской мудрости 2014, с. 120] и т.д.

2. **Библейские цитаты** – это восходящие к различным текстам Святого Писания выражения, которые не утратили свою связь с первоисточником, не употребляются как собственно языковые единицы, лишённые в массовом сознании носителей русского языка как своего авторства, так и конкретного текстового источника, всегда устойчиво связаны с Библией благодаря чаще всего широкой известности своего библейского первоконтекста. Выражения такого рода не фиксируются в фразеологических словарях, хотя и могут иметь достаточно высокую степень известности и употребительности: «*Жене сказал: – Я устал, дак рад спокою-то. В день покоя моего не плачь. Тут* ***Давыдовы псалмы****, тут заунывное пение… Пушкин глаза смежил…»* (Шергин Б. В. «Пинежский Пушкин»), где *Давыдовы псалмы* – то же, что и *псалмы Давида* в Псалтире, всего 73 псалма: 3–31, 33–40, 50–64, 67–70, 85, 100, 102, 107–109, 121, 123, 130, 132, 138–144, которые в русской Библии подписаны именем Царя Давида – одного из самых важных персонажей Библейской истории, одного из самых известных царей Израиля, величайшего праведника, псалмопевца и музыканта и т.д.

Следует отметить, что героям Б. В. Шергина присуща вера в высшую силу, управляющую всем в мире, почитание свободы вероисповедания и религиозных обрядов, преклонение перед искусством иконописи и церковной архитектуры.

Кроме этого, Русский Север издревле заселялся староверами, считавшими себя носителями истинной, праведной веры и свято хранившими религиозные устои в повседневной жизни. Религиозная тематика отражена и в ряде рассказов Б. В. Шергина как неотъемлемый элемент жизни и культуры Русского Севера. При этом если в русской прозе XX века, начиная с 20-х годов, преобладало под влиянием советской пропаганды негативное освещение всего, что так или иначе было связано с религией, то многим героям Б. В. Шергина свойственно обращение к божественным силам с верой в их всемогущество и прямое участие в человеческой судьбе. Вполне оправданным поэтому является употребление в рассказах писателя цитат из Библии, которые используются, как правило, в событийно и эмоционально насыщенных контекстах.

Так, в рассказе «Кроткая вода» мореходы обращаются за помощью и покровительством в церковь, собираясь уходить в море,: «*Мы пошли в часовню, свещи затеплили, цену положили, обратно идём, а старец свещник под берегом сидит у котла с ковшом и кричит: – Ей вы, утопленники, идите пиво пробовать никольское! Мы говорим: – Отче, благослови путь. Он ковшом взмахнул и запел: –* ***Непорочнии в путь. Аллилуйя****… Мы это в карбасе рассказали. Одни рассмеялись, другие смутились: – Ведь это он погребальную кафизму запел…»* (Шергин Б. В. «Кроткая вода»). Здесь использована трансформированная цитата из Псалтыри: *Блаже́ни непоро́чнии в путь, ходя́щии в зако́не Госпо́дни*(Псалом 118:1). Псалом 118 входит в состав 17-й кафизмы (поминальной), читаемой в дни особого поминовения усопших [Комкова 2019б, с. 145]. .

В рассказе «Егор увеселялся морем» главный герой понимает, что ему необходимо освободить от брачных уз свою жену Вареньку, которая любит шкипера Николая Зимина. Христианское смирение в Егоре побеждает страсть к молодой жене и, как следствие, он находит умиротворение и покой в морской службе: «*Я дверь размахнул, за порог высокоторжественно ступил: – Принимайте меня с хлебом-солью! Доченька! Много ты потерпела бедностей, и ты ныне* ***возрадуйся****! Я, твой бывший муж, ныне же твой отец, торжествую над собой пресветлую победу. Отдаю тебя Николаю на руки, Ивановичу навеки…»* («Егор увеселялся

морем»). Кротость в принятии своей судьбы приходит к герою не сразу, однако дарует исцеление израненному ревностью сердцу, соответствует смыслу глаголу *возрадуйся*, который создаёт атмосферу христианской благодати, достигнутой путём смирения, является цитатой в составе конструкции обращения (*Доченька! …возрадуйся!*), созвучен глаголу *радуйся* из молитвы «*Богородице Дево, радуйся…*».

Встречаются в прозаических текстах Б. В. Шергина и разовые цитаты из библейских текстов, свидетельствующие о том, что язык Библии оказал в своё время большое влияние на фразеологию поморского говора, на основе которого сформировался идиолект писателя как языковой личности: «*Холодные ветры* ***приходят из силы в силу****. Не то что в море, а на реке на Двине такой разгуляется взводень, что карбаса с людьми пружит и суда морские у пристаней с якоря рвёт»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), в данном случае использовано выражние «*приходят из силы в силу»,* что является цитатой из Псалтыри: «*Пойдут от силы в силу: явится Бог богов в Сионе» (Пс. 83:7)*. Или также: «*Осенью, когда в море наступят* ***дни гнева*** *и мрака, а об отце вестей долго нет, не знала мама покоя ни днём ни ночью»* (Шергин Б. В. «Детство в Архангельске»), где *день гнева* – одно из библейских названий Судного дня, ср.: «*Все расплывется в* ***день гнева»*** *Его (Иов 20:28)*; *«…и в* ***день гнева*** *Господня никто не спасся, никто не уцелел» (Плач 2:22)*; «*Ни серебро их, ни золото их не может спасти их в* ***день гнева*** *Господа» (Соф 1:18)*; «*…ибо пришел великий день* ***гнева*** *Его, и кто может устоять?» (Откр 6:17)* и т.д.

Библейские цитаты нередко видоизменяются в тексте прозаических произведений Б. В. Шергина с целью усиления экспрессивности: «*Слава богу, нас не узнали в темноте. Я схватила Катю за руку, перебежали через дорогу и –* ***окаменели, как две Лотовых жены****: у чужих ворот прижалась-притаилась Настасья Романовна Маляхина и тоже глаз не сводит с ужасных сияющих окон "Золотого якоря"…»* (Шергин Б. В. «Мимолётное виденье»), в данном случае использовано выражение «*окаменели, как две Лотовых жены», которое* образовано от синонимичного «*стоять как Лотова жена»* – «(устар., книжн., библ.) о неожиданно

застывшем, оцепеневшем от ужаса или удивления человеке (обычно женщине)» [Мокиенко, Никитина 2008а, с. 196] или *как Лотова жена стоять* – «остолбенеть, растеряться» [Дубровина 2016, с. 75]; *женаЛотова* – жена ветхозаветного праведника Лота, превратилась в соляной столп, оглянувшись на разрушаемые небесным огнём нечестивые города Содом и Гоммору *(Бытие 19:15-30)*, ср.: *Вспоминайте* ***жену Лотову*** *(Лука 17:32)* и др.) и т.д.

3. Рекуррентные афоризмы, которые представляют собой особую разновидность свободных фраз и среди них наиболее близки по своей структуре и способам функционирования устойчивым фразам, прежде всего, пословицам, широко употребляются в художественной прозе Б. В. Шергина в качестве стилистического средства типизации народной речи на сверхсловном, фразовом уровне порождения текста. «Рекуррентность – это регулярная повторяемость свободного порождения фразы в стереотипных контекстах, а не повторяемость фразы в готовом виде в речи. Рекуррентные фразы не характеризуются устойчивостью, не обладают переносным значением (как общим, так и отдельных компонентов)» [Иванов 2019, с. 159]. Рекуррентные фразы – это часто прототипы будущих пословиц или их свободные аналоги, поэтому они **типичны для живой разговорной речи**, которая типизируется в языке художественной прозы Б. В. Шергина: «*– У тебя откуда барыши-то? – спросил Тренька. – Да ведь половину барыша мне Пых-от посулил!… – Ох, дядюшка Фатьян! Нет у тебя ума-то с напёрсток. Таких, как ты, лесных тетерь, и учат. – За мою добродетель?! – За твою дурость, не во гнев будь сказано. –* ***После дела всяк умён****. Уйди с глаз! – рявкнул мастер»* (Шергин Б. В. «Дождь»); «*– Пущай он хоть в утробу материну спрятался, и там добудем! – вопияли жёнки… Бежать на пароход поопасался:* ***бабам нигде не загорожено****, а капитан не любит неприятностей»* (Шергин Б. В. «Дождь»); «*В балаган полезли бабы, девки и старухи. Поклонились, заговорили: – Здравствуйте, гости торговые! Из ваших рук набойки захотели. Вчера к вам собирались, да кони не довезли. Фатьян приосанился, прищурил глаз: –* ***Доброе дело не опоздано****. Милости прошу»* (Шергин Б. В. «Дождь»)и т. д.

Таким образом, функционирование пословиц, крылатых выражений, рекуррентных афоризмов в художественной прозе Б. В. Шергина отличается преимущественно текстообразующим характером (предназначено маркировать содержательно-философский подтекст) либо интертекстуальным характером (используется для «приращения смыслов»), при этом наибольшую роль в текстообразовании играют пословицы, в состав которых входит заметное количество единиц «поморского паремикона» писателя, в первую очередь обусловливающих вместе с единицами «поморского фраземикона» своеобразие фразеологического пространства языка шергинской прозы.

3.5. Фразеологические репрезентанты концептосферы Русского Севера

В художественной прозе Б.В.Шергина центральным компонентом фразеологической репрезентации концептосферы Русского Севера является макроконцепт «Смерть», который занимает в традиционной картине мира поморов особое место. Концепт «Смерть», как известно, относится к числу «общекультурных, обладает индивидуальной и общественной значимостью «[Ломакина 2019, с. 783], однако в мировоззрении поморов, жизнь которых прямо зависела от природной стихии, понимание смерти и отношение к ней приобрело свои особенные смыслы.

Морские плавания, рыболовный и охотничий промыслы в «Студёном море-океане», которым поморы посвящали свою жизнь, отдавали все силы без остатка, неразрывно связаны с мотивами осмысления себя и своего места на этом свете, итогов своего земного бытия и, как естественное тому следствие, тленности существования. Смерть – неотвратимый итог, дающий понимание того, что успел человек за отмеренное ему время: будет ли это спокойное окончание жизни в преклонные годы, гибель ли в бурном море или в «морском относе», преждевременная ли кончина из-за собственной глупости и жадности, собственная жертва ли ради спасения жизни другого человека. Смерть – это постоянная спутница помора, который к ней привык, но ей неподвластен.

Если лексическим средством репрезентации концепта «Смерть» является в художественной прозе Б. В. Шергина в основном соответствующая лексема

(имеющая четыре лексико-семантических варианта: «1. *Биол.* Прекращение жизнедеятельности организма и гибель его. 2. Прекращение существования человека, животного. 3. *со знач. сказ. Разг.* Плохо, нехорошо; горе, беда. 4. *в знач. нареч. Прост.* Очень, чрезвычайно» [МАС, т. 4, с. 185]), а также её синонимы (*гибель*, *конец*, *кончина*, *погибель*, *упокоение*, *успокоение* и т.д.), то фразеологические средства представлены гораздо в большем количестве и в большем разнообразии: «*Олешенька, ты ли нарушил**смертные оковы**? Как восстал ты **от вечного сна**?»* («Любовь сильнее смерти»),где писатель намеренно создаёт фразеологическую конфигурацию для усиления воздействия повествования, т.е. с персуазивной целью, за счёт употребления *восстать от вечного сна*, противопоставленного устойчивому обороту *заснуть вечным сном*, и введения в качестве фразеологического актуализатора окказионального выражения *нарушить смертные оковы*; «*Божьим судом или своею оплошкой Карбас утерялся со снастьми и припасом, И нам, братьям, досталось на здешней корге ждать**смертного часу»* (Шергин Б. В. «Для увеселения»),в данном случае выражение «*смертный час»* – «(книжн.) смерть, время смерти» [Мокиенко, Никитина 2008, с. 730] употребляется в одной фразе с диалектным словом из «поморьской говóри» *корга* – «небольшой, скалистый островок» [Подвысоцкий, с. 70], что говорит о сочетании в восприятии *смерти* чувства обыденности и торжественности; «*Зима пошла на извод, наш Левушка вовсе **на исход**. А свою принцессу всё успокаивает: здоров да благополучен… А Лёвушка недолго **прожил** после этого. В июньскую сияющую ночь **смерть** исторгла его из объятий рыдающей супруги»* (Шергин Б. В. «Мимолётное виденье»),где *пойти на исход* – «приблизиться к смерти, к неотвратимой гибели», что актуализируется глаголом прошедшего времени *прожил* и прямой номинацией *смерть*; «*Но Маркел Иванович из Койды отошёл к новоземельным берегам и там, мало поболев, остался **на вечный спокой»***(Шергин Б. В. «Кондратий Тарара»), где *вечный спокой* образовано от *вечный покой* – «(книжн.) успокоение после смерти» [ФСРЛЯ, с. 495] с помощью субституции *спокой* вместо *покой* с целью придать книжному обороту характер низкий, обыденный, простореч-

ный, что можно квалифицировать как ещё одно подтверждение одновременно обыденного и торжественного осмысления концепта «Смерть» и т.д.

В рассказе «Любовь сильнее смерти» представлено максимально прямое осмысление смерти в одной афористической фразе. Рассказывая о гибели Кирика, испытывавшего постоянное чувство вины из-за смерти лучшего друга Олеши, Б. В. Шергин подчёркивает неотвратимость конца жизненного пути, но и оставляет память о погибших и надежду живущим: «*О былина, о песня, веселье поморское! Проходят века, а Двинская земля поёт, поминает под гусли Олешу и Кирика.* ***Смерть не всё возьмёт – только своё возьмёт»***(«Любовь сильнее смерти»). А.А. Горелов сравнивал песенные воспоминания о двух друзьях с «мелическим плачем русской души», характерной для «Слова о полку Игореве» [Горелов 1984, с. 4]. Но если монолог Ярославны настраивает читателя на возвращение героя из плена к родному очагу, в объятья жены, то «мелодичный рассказ о товарищах близких навсегда породнил их друг с другом и пучиной морской» [Горелов 1983, с. 8]. Афористическая фраза «*Смерть не всё возьмёт – только своё возьмёт»* построена на повторе глагола *возьмёт*, что настраивает на неотвратимость смерти, подчёркивает её закономерность как физического окончания жизни, в то же время прономинальные антонимичные компоненты *не всё*vs. *своё* репрезентируют границы для смерти в сознании человека, который верит, что «лишнего смерти не нужно», а это значит, что «смерть» не нарушает границы всеобъемлющей «жизни», не довлеет над ней, не осмысляется как фатальность, как «злая судьба» [Комкова 2021 а, с. 355].

В профанном сознании, как известно, происходит отождествление смерти с Божьим судом, небесным испытанием , которое нужно достойно преодолеть. В рассказе «Для увеселения» повествуется о нелепой смерти братьев Личутиных, корабль которых унесла буря, оставив их без ничего на безлюдном острове вдали от морских путей, но которые не стали нарекать на судьбу, а оставили рассказ о своей неминуемой гибели, превратившийся в песню о храбрости и мужестве, передаваемую поморами из поколения в поколение: «*Не крик, не проклятие судьбе оставили по себе братья Личутины… Чудное дело!* ***Смерть*** *наступила на ост-*

ров, ***смерть*** *взмахнулась косой, братья видят её – и слагают* ***гимн жизни****, поют* ***песньо красоте****. И э****питафию*** *они себе слагают в* ***торжественных стихах****»* (Шергин Б. В. «Для увеселения»). Данный отрывок построен по принципу антитезы, репрезентантами концепта «Смерть», помимо соответствующей лексемы, выступают также обороты *гимн жизни* и *песнь о красоте*, что можно квалифицировать как авторскую семантизацию в рамках «писательского метаязыкового комментария» [Ломакина 2017]. Отрицание страха смерти достигается в контексте двойным употреблением отрицательной частицы *не* (***Не*** *крик*, ***не*** *проклятие судьбе…*), что ещё раз подтверждает осмысление смерти как этапа жизненного пути, который так же, как и всю жизнь, нужно пройти и закончить достойно.

Смерть – это и достойный исход всей жизни, особенно, если жертвовать собственной жизнью, чтобы спасти человека. В рассказе «Золотая сюрприза» Иван Широкий пожертвовал собой ради друга Марко Дудина, отдал за его свободу трофейные часы (*золотую сюрпризу*) и добровольно сдался в плен, зная, что идёт на неминуемую смерть: «*Отдал Иванушко немцу золотую сюрпризу, купил доброму человеку свободу, а себе, старику,* ***горькуюсмерть****… О* ***смертном*** *и* ***славном*** *труде Ивана Широкого узнали в деревне от Марка… Безвестно уснул Иван, а слава его полетела на золотых крыльях»*(Шергин Б. В. «Золотая сюрприза»). Обороту *горькая смерть* противопоставлено выражения *смертный* и *славный*, что репрезентирует концепт «Смерть» не только в негативном, но и в жизнеутверждающем понимании, поскольку смерть перестаёт быть *горькой*, становится *славной*, если ценой её является сохранённая жизнь. Семантические границы концепта «Смерть» существенно расширяются в рассказе, где «смерть не только прекращение жизни, но и обретение бессмертия в форме неувядаемой славы в памяти потомков» [Комкова 2021 а, с. 356].

Следует отметить, что в концептосфере Б. В. Шергина концепт «Смерть» теснейшим образом связан с концептом «Память». Так, в одном из рассказов устойчивое выражение *вечная память* (в составе песнопения, используемого в православном богослужении для торжественного поминовения усопших) трансформировано путём замены компонента окказионализмом-синонимом незабытный:

«*Где бы ни кидала якорь Маркелова лодья, везде являлись у него друзья и ученики. А потом оставалась* ***незабытная память****»* (Шергин Б. В. «Ушаков и Яков Койденский»). Так *вечная память*, которой поминают *смерть* кого-либо, превращается в *незабытную память*, которой поминают *живых*, что ещё раз свидетельствует о жизнеутверждающем осмыслении концепта «Смерть» в традиционной картине мира поморов.

Концепт «Смерть» связан в концептосфере Б. В. Шергина с концептом «Печаль». В рассказе «Поклон сына отцу» герой получает от родителя жизненное кредо-наставление: «*И ещё скажу – никогда не печалься. Печаль –* ***как моль в одежде, как червь в яблоке****. От печали –* ***смерть****… А и* ***смерти*** *не бойся»*, в данном случае использованный сравнительный оборот «*как моль в одежде*, *как червь в яблоке»* актуализирует главную мысль, что страшна не смерть, а уныние (печаль), что человек, проживший достойную и счастливую жизнь, сможет без страха принять смерть как естественное продолжение своего земного пути. Лексема *смерть* представлена в рассказе в третьем значении «(разг.) плохо, нехорошо; горе, беда» [МАС, т. 4, с. 185], что придаёт содержанию данного отрывка аллегорический характер: «чтобы смерть не стало горем, жизнь должна быть полна радости и смеха» [Комкова 2021 а, с. 357].

Жизнь без веселья, основанная на алчности, ведёт к преждевременной смерти. В рассказе «Новая земля» промышленники вовремя не отплывают с далёкого острова, желая разжиться рыбой и пушниной, отправляют полностью загруженное судно, а сами вынуждены остаться зимовать вдалеке от дома на долгую полярную зиму. В результате гибнет половина артели, в том числе и Тимоша:– самый молодой из них: «*И зачал наш Тимошенька* ***таять, как снег****. Я обниму его, реву над ним: – Тимошенька, не спи! Во снах тебя* ***смерть схватит****… Он рассмехнётся: – Ты* ***не отдавай*** *меня* ***смерти-то****. Нет, не укараулил я Тимошеньку, не сохранил, не уберёг* ***от смерти****… За Тимошей ещё трое товарищей* ***повалились в*** *той же* ***тоске****»* (Шергин Б. В. «Новая земля»).Внезапная болезнь и последующая смерть репрезентируются посредством сравнительного оборота *таять,как снег* и синонимичного лексеме *смерть* окказионального выражения *пова-*

лились в тоске. Употребление просторечного глагола *зачать* в значении *начинать* приближает повествование к былинной песенной манере, плачу по безвременно прерванной жизни [Горелов 1983, с. 11].

Для языковой репрезентации картины мира поморов в художественной прозе Б. В. Шергина широко используются пословицы, которые, как известно, всегда репрезентируют конкретные концепты и должны широко использоваться «при лингвокультурологическом анализе, в котором весьма продуктивным является привлечение паремических языковых единиц, в которых не только запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса, но и в афористичной форме содержится сумма активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» [Фархутдинова 2000, с. 100–101]. «Показательно в этой связи, что отсутствие личной, временной и пространственной конкретизации значения пословицы, а также её поликонцептуальные свойства позволяют восстановить… ряд особенностей национальной картины мира» [Семененко 2000, с. 101].

С помощью пословиц в художественной прозе Б. В. Шергина наиболее ёмко и содержательно репрезентируется соотношение концептов «Смерть» и «Жизнь», составляющих ценностную дихотомию. Так, в полном жизни рассказе «Двинская земля» автор описывает летние месяцы как самые счастливые в жизни поморов, в течение которых жалко тратить время на сон, со смертью прямо отождествляемый: «*Этого светлого летнего времени любим и хотим, как праздника ждём. С конца апреля и лампы не надо. В солнечные ночи и спим мало. Говорим:* ***Умрём, дак выспимся****»*(Шергин Б. В. «Двинская земля»). Следует отметить, что пословица*Умрём, дак выспимся* бытует только на Поморье [Комкова 2020 д, с. 119] и употребляется в других произведениях писателя: «*Горожане удивились на Аграфену: – Ты, Ивановна, спишь ли когда? Утром рано и вечером поздно одну тебя и слыхать. Будто ты колокол соборный. –* ***Умрём***, ***дак выспимся****, – отвечала Аграфена. – Я тружусь, детище своё воспитываю»* (Шергин Б. В. «Ваня Датский»). Своеобразный итог своих размышлений о смерти Б. В. Шергин подводит в рассказе «Пафнутий Анкудинов», венчая рассуждения известной северной пословицей: «*Весь народ северный вдохновенно отдаётся всякой игре, всякой обрядности*

– *“театру для себя”. Любимая пословица:* ***Чем с плачем жить, лучше с песнями умереть»*** (Шергин Б. В. «Пафнутий Анкудинов»), где пословица построена по принципу антитезы *жизнь* vs. *смерть*, страх перед смертью «заметно стирается посредством радостного созерцания жизни» [Горелов 1984, с. 5], смерть не страшит человека, если жизнь полна «песен», поскольку смерть не только гибель, а ещё и этап жизни, окончание пути в человеческой судьбе.

Огромна роль пословиц в отражении духовных ценностей поморов в рассказах Б. В. Шергина при репрезентации макроконцептов «Море», «Земля», «Дом», «Мастер» и др. Пословицы не только позволяют писателю погрузить читательскую аудиторию в язык фольклора, но и несут когнитивную функцию выражения народной мудрости и смекалки, отношения к фундаментальным вопросам добра и зла, честности и трудолюбия, семьи и дружбы, народной морали и нравственности.

Одна из центральных тем в творчестве писателя при репрезентации концептов «Земля» и «Мастер» – это «возможность отражения Архангельской старины», тема ремесла и искусного труда поморских мастеров и собирателей слова. Так, в рассказе «Двинская земля» Б. В. Шергин обращается к образу близкого друга семьи писателя, бывалого морехода и «собирателя словесного жемчуга» [Горелов 1983, с. 11] самобытных поморских историй, Пафнутия Осиповича Анкудинова, определяя его мастерство рассказчика пословицей: «*Вспомнил я былину – и как живой встаёт перед глазами мореходец Пафнутий Анкудинов. «****Всякий спляшет, да не как скоморох****». Всякий поморец умел слово сказать, да не так красно, как Пафнутий Осипович… Я охоч был слушать… складное красовитое его слово нескладно потом пересказывал»* (Шергин Б. В. «Двинская земля»), ср.: «*Всякий спляшет, да не как скоморох»* – «Ученье – наука; дело мастера боится, работа чтит умельцев» [Даль, т. 1, с. 105].

С помощью пословиц Б. В. Шергин подчёркивает значимость труда мастера, виртуозного владения ремеслом в жизни поморов. Кропотливое постижение мастерства, посвящение всего себя выбранному делу – вот истинное счастье для настоящего мастера. Русскому мастеру, не важно, какого он ремесла, будь то

портной, резчик по дереву, плотник или кузнец, – главное, отвечать за своё дело и свой труд. Писатель противопоставляет истинному мастеру псевдомастера-чужестранца, промышляющего ради наживы, суть которого метко характеризует пословицей: «*Головные наряды иноземцы стали гладить. Из-под утюгов валил кромешный дым. – Портной гадит – утюг гладит, – стонал Фатьян, угорая с ребятами до пропасти от этого чада»* (Шергин Б. В. «Дождь»), ср.: «*Портной гадит, а утюг гладит»* – «плохую работу за мастером придется переделывать» [Даль, т. 3, с. 321]. Иронию происходящего Б. В. Шергин максимизирует посредством комплексной трансформации известной русской пословицы: «*На здешних клоунов и на попугаев у нас товару нет. Не задорны наши ситцы для такого племени… **Пленти монти вери гуд до добра не доведут»*** (Шергин Б. В. «Дождь»), ср.: *Авось да живёт – к добру не доведёт* – «всё надо исполнять тщательно, прилежно» [Даль, т. 1, с. 15]. Преобразуя пословицу путём включения англицизмов, писатель использует приём «языковой игры» [Витгенштейн 2019, с. 44], тем самым достигая кульминации повествования: русский мастер живёт своим ремеслом, в этом смысл его культурного и нравственного становления как человека Русского Севера, для которого важно и значимо, прежде всего, качество своего изделия и честное имя мастера. Мастер Фатьян, дороживший качеством своих тканей и многолетней традицией их изготовления, говорит пословицей, противопоставляя свою работу внешней красоте заморского мистера Пыха: «*А мои набойки разве не цветы? **Узоры не собаки, чтоб в нос бросаться»*** (Шергин Б. В. «Дождь»).

В рассказе-автобиографии «Матвеева радость» главный герой Матвей Иванов Корельской повествует о своей тяжёлой батрацкой судьбе, являющейся отражением жизни целого субэтноса – Архангельского края. После победы Советской власти Матвей целиком посвящает себя любимому делу – судовому ремонту. Несмотря на трудную, порой невыносимую жизнь в кабале у хозяина Василия Зубова, Матвей не утратил любви к свой работе и ремеслу, которую определяет пословицей: «*…**Кому до чего, а кузнецу до наковальни**: запустил Зубов, до краю заездил свой фрегат – и я по уши в ремонт ушёл. Сам с ребятами лес рубил для ре-*

монта, сам тесал, сам пилил. Сам машину до последнего винта разобрал, вычистил, собрал. Сам олифу на краску варил. Перво охрой сплошь грунтовал, потом разукрасил наше судёнышко…» (Шергин Б. В. «Матвеева радость»), ср.: «*Кому до чего, а кузнецу до наковальни»* – «не может мастер без дела своего» [Даль, т. 1, с. 137], где пословица включена в раздел «Своё – Чужое». Матвею дорого судно, кому бы оно ни принадлежало, оно для него «как родное дитя», ведь это часть его ремесла, без которого жизнь герою не в радость. Для Матвея судно бывшего купца Зубова по определению «своё», на него он не жалеет ни сил, ни времени, ни здоровья, пусть и принадлежало оно «чужаку-барину», в чём заключается суть истинного Мастера [Комкова 2020 е, с. 65].

Помимо духовных ценностей, возвышающих труд «Мастера», поморам близки и ценности семейные, нравственные, также являющиеся частью их жизни. Особенное отношение у поморов к своему самобытному слову, и никто лучше их не передаст всю его красоту и уникальность, для чего вновь используется пословица: «*Вспомнит мать в младенческие годы сына… У наших поморов****слово слово родит, третье само бежит****. Слушая мать, и парнишка всплакнёт»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), ср.: «*Слово слово родит, третье само бежит»* – «исключительная способность человека выражать гласно чувства и мысли свои» [Даль, т. 3, с. 342]. Эксплицируя пословицу с помощью выражения *у наших поморов*, Б. В. Шергин достигает максимальной конкретики и достоверности повествования. Помимо красоты поморской речи, в рассказе прослеживается и тема семьи, поскольку *зуйки* – это в поморском говоре не только «маленькая, вроде чайки, птички», но и «мальчики-подростки», работавшие «на промысловых суднах у Мурманского берега» [Подвысоцкий, с. 57], разлучённые с матерями ради заработка для семьи и обучению рыбному промыслу, тяжёлая жизнь которых и счастье быть в море метко передаётся пословицей: «*Брызнет в лицо зуйку крепким морским рассолом, и… вся грусть забудется.* ***Которая слеза и катилась, та назад воротилась****. В море простор, ширь, свет, любо в море»* (Шергин Б. В. «Мурманские зуйки»), ср.: *Одна слеза катилась, а другая воротилась* – «в глаза плачет, а себе на уме; горе – утешение: печаль забудется, настанет новый день» [Даль, т.

2, с. 315], где числительное *одна* заменяется писателем на местоимение *которая*, а элиминация *другая* в сочетании с включением наречия *назад* позволило достичь максимальной конкретизации в употреблении пословицы. Антитеза, детерминированная в исходной пословице сочинительным союзом *а*, в рассказе нивелируется указательным местоимением *та*, что нейтрализует полисемию данной паремии и однозначно указывает на выбор писателем у пословицы её второго значения «горе – утешение».

С концептами «Дом» (семья) и «Мастер» (ремесло) неразрывно связаны в художественной прозе Б. В. Шергина концепты дружбы и любви, чести и достоинства, самопожертвования и отваги. Так, в рассказе «Общая казна» из цикла «Круговая помощь» повествуется о необходимости взаимной помощи и поддержки на примере образа дружинника, жизнь которого переменилась к худшему и чуть не оборвалась из-за болезни, когда он перестал помогать своим товарищам. Но возвращение сердцем и помыслами в родную дружину помогло ему встать на ноги, что эксплицируется пословицей: «*Он в эти дни одумался, опомнился. – Нет, лучше с людьми. Люди в старости меня не оставят. Скоро товарищи вернулись. Они беспокоились о нём. – Мы твоё добро помним. И опять он стал весел и спокоен:* ***поживи для людей, поживут и люди для тебя****. Сам себе на радость никто не живёт»* (Шергин Б. В. «Общая казна»), для сравнения: *Сам себе на радость никто не живёт* – «одиночество; один человек погибнет» [Даль, т. 3, с. 391]; «*Поживи для людей, поживут и люди для тебя»* – «один человек погибнет» [Даль 1993, т. 3, с. 375];. Здесь две пословицы образовали единое целое, чтобы подчеркнуть ту мысль, что люди должны трудиться и жить сообща, приходить друг другу на помощь [Комкова 2020е, с. 68].

Для поморов на первом месте всегда стояли дела человека, его поступки. В рассказе «Рядник и тиун» из цикла «Круговая помощь» писатель вспоминает случай, который приключился лично с ним. Автор навещал кормщика Ивана Рядника, и внезапно в гости пожаловал судья. Герой хотел накинуть ему на плечи кафтанец «для приличия», но Иван сказал, что в этом нет нужды, оправдываясь пословицей: *«Потолковали мы о деле, а на рубахи, на порты я не гляжу и людям не*

велю. ***В чём меня застанут, в том и встречаю»***, ср.: *По одёжке (по платью) встречают, по уму провожают* – «ум – глупость» [Даль, т. 3, с. 401]. Окказиональное переосмысление пословицы на поморский манер позволяет Б. В. Шергину ещё раз подчеркнуть, что самым главным является сам человек, какой он мастер, а не то, во что он одет и где он живёт. Соотечественники писателя всегда отличались простотой и ценили в себе и в товарищах честность, труд, умение владеть выбранным ремеслом. Ценности конкретного субэтноса зачастую отражают не только эндемические реалии их жизни, но и культурное наследие предыдущих поколений в целом.

Слово мастера – это особое слово, когда речь заходит о необходимости отвечать за свои поступки и слова. В рассказе «Новая земля» часть моряков решила нарушить традицию возвращаться домой осенью и осталась на Новой Земле, чтоб увеличить прибыль. Этот поступок чуть не стоил им жизни – спасли их от смерти лишь знания о неизведанном крае их старосты, который хотел вернуться домой, но остался потому, что обещал охранять товарищей, что подтвердил пословицей: «*Староста нас и клял и ругал. В последнюю минуту с нами остался: – Я клятву давал вас, дураков, охранять!* ***Слово дадено – как пуля стреляна»***(«Новая земля»). Эта же пословица повторяется писателем и в рассказе «Дождь», где мастер Фатьян до последнего верит иноземному мистеру Пыху, хотя его подмастерья Сенька и Тренька предупреждают его об обмане, ведь для помора данное им обещание незыблемо, что мастер Фатьян подтверждает сразу двумя пословицами: «***Слово дадено – как пуля стреляна****, – сказал Фатьян. – Ты как, мистер Пых, на бумаге будешь крепить? А по-нашему:* ***слово да руку дал – крепче узла завязал»*** (Шергин Б. В. «Дождь»), ср.: *Слово дают для того, чтобы держать, а не для того, чтобы затылок чесать* – «обещание – обман; обещания исполнять надо» [Даль, т. 3, с. 478].

Широкое использование ФЕ и пословиц в художественной прозе Б. В. Шергина для языковой репрезентации концептосферы Русского Севера не только воссоздаёт, но и обогащает язык севернорусских поморов.

Выводы по третьей главе

1. Фразеология «поморского происхождения» выделяется в отдельный пласт единиц и составляет основной источник фраземикона Б. В. Шергина, обусловливающий специфику фразеологического пространства прозаических произведений писателя. Фразеологический состав «поморьской говóри» представлен у Б. В. Шергина как собственно идиомами, так и застывшими предложно-падежными конструкциями, перифрастическими оборотами, коллокациями, а также фразеологизированными микротопонимами. Наиболее объёмной в количественном плане группой являются ФЕ различного типа с компонентом *вода*. «Поморский фраземикон» писателя дифференцируются на несколько групп в зависимости от характера связи с ФЕ «поморьской говóри» (видоизменённые в языке прозы Б. В. Шергина варианты фразеологизмов «поморьской говóри», образованные по их структурным моделям или семантическим образцам, образованные от фразеологизмов «поморьской говóри», содержащие в качестве компонентов лексику «поморьской говóри», не имеющие структурно-семантической близости или деривационных отношений с фразеологизмами «поморьской говóри»). Поморская фразеология в произведениях писателя выполняет тексто- и смыслообразующую функции, всегда занимает в тексте ключевую позицию в кругу иных вербальных средств репрезентации культуры Русского Севера.

2.Окказиональные сверхсловные единицы представляют собой продукт словесного творчества писателя в границах как его «поморского фраземикона», так и текста художественного произведения. Окказиональные обороты в языке Б. В. Шергина делятся на собственно авторские выражения (первичные, не связанные деривационными отношениями с узуальными фразеологизмами) и на окказиональные фразеологические дериваты (т.е. вторичные, образованные на основе общеязыковых оборотов). Собственно авторские выражения нередко повторяются в речи писателя как идиолектные клише. Окказиональные фразеологические дериваты дифференцируются по способу своего образования на созданные по аналогии с узуальными фразеологизмами, в результате их семантической дерива-

ции (расширения значения), видоизменения их формы, путём их контаминации и др. К окказиональным ФЕ в художественной прозе Б. В. Шергина можно отнести также идиостилистически детеминированные индивидуально-авторские перефразирования узуальных фразеологизмов. Окказиональная фразеология вводится автором, как правило, в содержательно насыщенный контекст, спорадически используются в качестве заглавий отдельных произведений. Фразеологические окказионализмы делают произведения Б. В. Шергина уникальным явлением не только Северного текста, но всей русской литературы в целом.

3. Стилистическая дифференциация ФЕ в прозе писателя призвана отразить своеобразие как фразеологического пространства поморской речи, так и фразеологического пространства живой разговорной речи русского языка. Стилистически дифференцированная фразеология подразделяется в художественных произведениях писателя на шесть основных групп: разговорная, просторечная, народно-поэтическая, книжная, устаревшая, специальная. К стилистически дифференцированной фразеологии примыкают в языке Б. В. Шергина также немногочисленные официально-деловые фразовые клише, компоненты которых часто подвергаются изменению своего фонетического облика или грамматического оформления для придания им просторечного характера.

4. Пословицы, крылатые выражения, рекуррентные афоризмы занимают в художественной прозе Б. В. Шергина достаточно заметное место и отражают небольшой, но весьма выразительный паремиологический, эптонимический и афористический состав речи русских поморов. Пословицы представлены тремя большими группами: во-первых, из паремиологического фонда «поморьской говóри» (фиксированные в словарях поморского говора), во-вторых, входящие в состав «поморского паремикона» писателя (маркированные в контексте как «поморские» и/или отражающие историю и культуру Поморья, духовные ценности и менталитет поморов своими прототипами, компонентным составом, фоновой семантикой), в-третьих, окказиональные паремии (как собственно авторские пословицы, так и окказиональные паремиологические дериваты). Крылатые выражения в произведениях Б. В. Шергина представлены не менее широко, чем пословицы, и

дифференцируются на литературные цитаты и библеизмы. Литературные цитаты восходят к классическим произведениям русской литературы (М.В. Ломоносова, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и др.). Немногочисленные фольклорные цитаты используются для придания тексту литературного произведения характера фольклорного «сказа». Библейские выражения дифференцируются в художественной прозе писателя на фразеологические библеизмы и библейские цитаты, различающиеся по отсутствию / наличию маркированной связи с библейским первоконтекстом. Рекуррентные афоризмы как особая разновидность свободных фраз наиболее близки по своей структуре и способам функционирования пословицам, широко употребляются в произведениях Б. В. Шергина в качестве стилистического средства типизации народной поморской речи на сверхсловном, фразовом уровне порождения текста.

5. Фразеологическое пространство языка прозаических произведениях Б. В. Шергина выполняет в них идиостилистическую функцию репрезентации концептосферы Русского Севера, центральным, ключевым концептом которой в большинстве случаев употребления фразеологических, паремиологических, эптонимических единиц выступает макроконцепт «Смерть». Кроме того, сверхсловные единицы в текстах писателя в разной степени репрезентируют такие ключевые в их лексическом пространстве макроконцепты, как «Море», «Дом», «Художество», «Мастер», «Храбрость». Особое место в репрезентации образа Русского Севера отведено пословицам, которые служат в качестве средства прямого или образного отображение результатов народного опыта поморов в осмыслении мира своего обитания (Русского Севера), своего места в этом мире (Архангельского города и др.), своего предназначения в этом мире («морского сословия»). С помощью пословиц в прозе Б. В. Шергина репрезентируются духовные ценности, правила и нормы поведения поморов – всё то, что отличает их от всех иных коренных обитателей Русского Севера.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное исследование лексико-фразеологического пространства художественной прозы Б. В. Шергина позволило сделать ряд следующих выводов, исходя из которых были сформулированы основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Язык Б. В. Шергина – это уникальный сплав идиолекта и идиостиля, в котором языковая личность доминирует над автором в плане особенностей языка литературного текста, а автор, в свою очередь, использует языковую личность в плане дифференциации средств языка, используемых для решения художественных задач. В этом смысле идиостиль прозаических произведений Б. В. Шергина в значительной степени детерминирован идиолектом писателя как носителя языка. Именно этим можно объяснить высочайшую степень как индивидуализации художественной речи, так и экстериоризации содержания художественного текста в прозе Б. В. Шергина.

Языковой основой идиолекта писателя как носителя языка является т.н. «поморьска говоря» – наречие архангельских поморов как локальный вариант поморского говора в севернорусском диалектном ландшафте русского языка. Языковой основой идиостиля Б. В. Шергина как автора художественной прозы является корпус устных и письменных памятников Архангельского Севера – фольклорных произведений различных жанров (сказаний, сказов, песен, сказок и др.), древнеписьменной литературы Русского Севера (летописных сводов, рукописных сказаний и др.), письменных памятников «мореходцев», народно-литературных текстов («записных книжек», «памятных записей» и др.).

К основным особенностям языка художественной прозы Б. В. Шергина относятся употребление «поморьской говóри», фольклорность (сказовость), создание эффекта «живого слова», образность речи. Общей целью обращения ко всем вербальным средствам, формирующим язык и идиостиль писателя, является «обогащение языка русской литературы», что отвечает уникальной манере Б.В. Шергина синтезировать в рамках идиостиля устно-разговорную и книжно-

письменную формы речи. Взаимодетерминация идиолекта и идиостиля породила феномен художественной прозы Б. В. Шергина, которая занимает центральное место в Северном тексте русской литературы и сравнима по своему вкладу в обогащение языка русской литературы с классическими образцами (М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, А.И. Солженицына и др.).

2. Лексическое и фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина представляет собой сложноорганизованную структуру, которая обусловлена как доминированием идиолекта над идиостилем писателя, так и дифференцирующей ролью идиостиля в использовании идиолектных единиц. Лексико-фразеологическое пространство прозаических произведений писателя отличается ярким своеобразием на фоне художественной прозы Северного текста русской литературы, которое детерминировано комплексом собственно лингвистических факторов: во-первых, использованием диалектной речи в качестве идиостилистического компонента языка художественной литературы; во-вторых, полным совмещением в роли автора литературного текста двух видов личности – языковой и творческой; в-третьих, реализацией в языке литературного произведения интенций языковой личности одновременно в двух взаимообусловленных аспектах – идиолектном и идиостилистическом; в-четвёртых, аппликативным, а не дискурсивным характером использования выразительных и экспрессивных языковых средств в контексте (когда не данное языковое средство обусловлено данным контекстом, а сам контекст детерминируется в содержательном и формальном планах используемым в нём, «накладываемым» на него данным языковым средством выразительности и экспрессивности).

Лексика и фразеология языка писателя включает в себя шесть групп единиц (диалектных, типизированных как поморская речь, окказиональных, стилистически дифференцированных, прецедентных, этнолингвокультурно маркированных), каждая из которых имеет свои особенности организации, источники, функции в тексте, выразительные и экспрессивные характеристики, способы и приёмы использования в контексте и др.

3. Диалектный пласт лексики и фразеологии прозаических произведений Б. В. Шергина представлен единицами «поморьской говóри», которые наиболее ярко репрезентируют специфику языка писателя, поскольку используются преимущественно в содержательно и структурно доминантных контекстах в составе литературного текста.

«Поморьска говóря» является наиболее значимым источником лексикона писателя и тематически дифференцируется на две основные макрогруппы – «Море» и «Человек», а их составе на разделы, которые отражают самые главные для поморов явления и характеристики моря как центрального объекта среды обитания («Морская вода», «Морской ветер», «Морское дно», «Морское побережье», «Мореплавание», «Морской корабль») и качества человека как деятельного субъекта в его взаимодействии со средой обитания («Род занятий», «Промысел», «Действия и поведение человека», «Качества и характеристики человека», «Восприятие действительности», «Речь», «Одежда» и др.).

Лексика «поморьской говóри» вводится в контекст художественной прозы Б. В. Шергина в соответствии с реализацией ряда базовых и частных функций языка и речи, которые объединятся в рамках индексальной функции (маркирующей в рамках идиостиля принадлежность писателя к этносоциальной группе русских поморов) и этнолингвокультурной (маркирующей в рамках русского литературного языка обособленность языка и культуры Русского Севера в топосе Русского Поморья и в локусе Северного текста русской литературы).

Фразеология «поморьской говóри» представлена в языке Б. В. Шергина как идиомами, так и устойчивыми предложно-падежными конструкциями, перифрастическими оборотами, коллокациями, составными микротопонимами. Наиболее объёмной в квантитативном плане группой являются устойчивые единицы различного типа с компонентом *вода*, что ещё раз свидетельствует об идиостилистической дифференциации идиолекта писателя при выборе различных средств художественной выразительности (лексема *вода* обладает фразеобразующими свойствами в наибольшей степени как в «поморьской говóре», так и в языке Б. В.

Шергина, поскольку репрезентирует ключевой макроконцепт «Море» в концептосфере как Русского Севера, так и литературного творчества писателя).

4. Наиболее идиостилистически значимым компонентом лексического и фразеологического пространства художественной прозы Б. В. Шергина является индивидуально-авторский вариант «поморьской говóри», который можно определить как «поморский лексикон» и «поморский фраземикон» писателя.

«Поморский лексикон» Б. В. Шергина выступает основным средством и инструментом типизации поморской речи в художественном тексте, которая осуществляется преимущественно двумя способами: расширение значения (с помощью или различных коннотаций, или образования нового лексического значения); видозменение фонетического оформления, морфемного состава, отдельных морфологических характеристик лексики «поморьской говóри».

«Поморский фраземикон» писателя дифференцируются на несколько групп в зависимости от характера связи с фразеологическими единицами «поморьской говóри» (видоизменённые в языке прозы Б. В. Шергина варианты фразеологизмов «поморьской говóри», образованные по их структурным моделям или семантическим образцам, образованные от фразеологизмов «поморьской говóри», содержащие в качестве компонентов лексику «поморьской говóри», не имеющие структурно-семантической близости или деривационных отношений с фразеологизмами «поморьской говóри»).

Типизация поморской речи на лексическом и фразеологическом уровнях является не только характерным свойством идиостиля Б. В. Шергина, но и отражением динамических процессов в лексико-фразеологическом составе идиолекта писателя как языковой личности, способом живого, индивидуально-авторского развития «поморьской говóри». В этом смысле «поморский лексикон» и «поморский фраземикон» писателя представляют собой одно из наиболее значимых проявлений своеобразия лексико-фразеологического пространства художественной прозы Б. В. Шергина, противопоставленного, с одной стороны, узусу общенародного русского языка, а с другой стороны, в известном смысле, традиционному поморскому говору.

5. Язык художественной прозы Б. В. Шергина отличается чрезвычайным богатством и разнообразием окказиональной лексики и фразеологии, которые используются в качестве индивидуально-авторского инструмента «сотворения народной речи».

Окказиональная лексика подразделяется по своему идиостилистическому предназначению на три группы (имитация живой речи поморов, типизация разговорно-просторечной манеры речи, выражение экспрессивной оценки). По способу своего образования окказиональная лексика затрагивает практически все уровни структурации и реализации в речи лексических единиц (расширение плана содержания слова, его лексической сочетаемости, окказиональная парадигма слова, аффиксальные и сложные новообразования, фонетические преобразования и др.). Большое количество окказионализмов, образованных от разговорных и просторечных слов, усиливает идиостилистический эффект народной речи на основе её типизации в языке писателя. Окказиональная лексика широко используется в юмористических и сатирических контекстах в качестве стилистического средства экспрессии и оценки.

Окказиональные обороты в языке Б. В. Шергина делятся на собственно авторские выражения (первичные, не связанные деривационными отношениями с узуальными фразеологизмами) и на окказиональные фразеологические дериваты (т.е. вторичные, образованные на основе общеязыковых оборотов). Собственно авторские выражения нередко повторяются в речи писателя как идиолектные клише. Окказиональные фразеологические дериваты по способу своего образования подразделяются на созданные по аналогии с узуальными фразеологизмами, в результате их семантической деривации (расширения значения), видоизменения их формы, их контаминации. Как окказиональные фразеологические единицы можно квалифицировать также идиостилистически детеминированные индивидуально-авторские перефразирования узуальных фразеологизмов.

Индивидуально-авторская имитация поморской лексики и фразеологии настолько удачна в языке Б. В. Шергина, что такого рода окказионализмы практиче-

ски неотличимы от лексики «поморьской говóри» (используются в качестве узуальных единиц в произведениях других поморских писателей).

6. Ещё одной идиостилистической особенностью художественной прозы Б. В. Шергина является использование стилистически дифференцированной лексики и фразеологии с целью максимально полно отразить своеобразие лексического и фразеологического пространства поморской речи во всех её проявлениях и сферах использования на протяжении длительной истории жизни Русского Севера от седой древности до современных писателю дней. Стилистическая гетерогенность лексики и фразеологии маркирует в языке писателя характерную черту языковой среды русских поморов, в которой органично сочетались элементы устной и книжно-письменной речи, древних и современных текстов, «поморьской говóри» и просторечия, бытовой речи и профессиональной коммуникации, фольклорных и специальных текстов.

Стилистически дифференцированная лексика подразделяется в языке писателя на шесть основных групп слов (разговорные, просторечные, книжные, устаревшие, профессиональные, специальные) и используется в различных функциях: коммуникативной (создание эффекта непринуждённого общения), номинативной, экспрессивной, стилеобразующей, эстетической. Отдельного внимания заслуживает широкое употребление профессионализмов, которые не отражены в словарях поморского говора, что позволяет квалифицировать язык Б. В. Шергина как ценный источник профессиональной лексики «поморьской говóри».

Стилистическая дифференциация фразеологических единиц в прозе писателя призвана отразить своеобразие как фразеологического пространства поморской речи, так и фразеологического пространства живой разговорной речи русского языка. Стилистически дифференцированная фразеология подразделяется в художественных произведениях писателя на шесть основных групп: разговорная, просторечная, народно-поэтическая, книжная, устаревшая, специальная. К стилистически дифференцированной фразеологии примыкают также такие устойчивые обороты, компоненты которых в языке Б. В. Шергина подвергаются изменению

своего фонетического облика или грамматического оформления для придания им просторечного характера.

7. Пословицы, крылатые выражения, афоризмы занимают весьма заметное место в художественной прозе Б. В. Шергина, их употребление носит текстообразующий либо интертекстуальный характер и призвано, в первом случае, маркировать содержательно-философский подтекст произведений писателя, а во втором, «приращать смысл» путём отсылания к иному тексту, апелляции к «чужому голосу» для создания либо стилистического эффекта смыслового контраста, либо аргументативного контекста.

Наиболее широко представлены пословицы, которые дифференцируются на три группы: во-первых, из паремиологического фонда «поморьской говóри» (фиксированные в словарях поморского говора), во-вторых, входящие в состав «поморского паремикона» писателя (маркированные в тексте как «поморские» и/или отражающие историю и культуру Поморья, духовные ценности и менталитет поморов своими прототипами, компонентным составом, фоновой семантикой), в-третьих, окказиональные паремии (как собственно авторские пословицы, так и окказиональные паремиологические дериваты). Наибольшую текстообразующую значимость имеют пословицы, состав которых отражает паремиологический фонд поморского говора, а также личный пословичный фонд писателя (последний преимущественно в случаях перефразирования широко известных русских пословиц в различных стилистических целях).

Крылатые выражения в произведениях Б. В. Шергина представлены не менее широко, чем пословицы, и дифференцируются на литературные цитаты (из произведений таких классиков русской литературы, как М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Грибоедов и др.) и библейские выражения (фразеологические библеизмы и библейские цитаты).

Рекуррентные афоризмы как разновидность свободных фраз наиболее близки по своей структуре и способам функционирования пословицам, широко употребляются в произведениях Б. В. Шергина как идиостилистическое средство типизации поморской речи на уровне фразового текста.

8.Лексико-фразеологическое пространство прозы Б. В. Шергина является основным средством языковой репрезентации реконструированной в границах художественного мира писателя концептосферы Русского Севера. Ключевыми её компонентами являются макроконцепты «Море», «Дом», «Художество», «Мастер», «Храбрость», последовательно представленные в большинстве прозаических произведений, но репрезентированные в лексическом и фразеологическом пространстве языка писателя неравновесным объёмом языковых единиц.

Лексическая репрезентация основных макроконцептов Русского Поморья взаимообусловлена объективными и субъективными связями между ними, которые в своей совокупности репрезентируют концептосферу Русского Севера как в её традиционном виде, так и в индивидуально-авторской интерпретации. Идиостилистический вариант репрезентации концептосферы Русского Севера, реализованный в прозе Б. В. Шергина, не только воссоздаёт, но и обогащает языковую картину мира севернорусских поморов.

Фразеологические и паремиологические единицы в языке писателя используются, прежде всего, для репрезентации макроконцепта «Смерть», занимающего ключевое место в эсхатологическом компоненте поморской картины мира. Особое место в репрезентации образа Русского Севера отведено пословицам, которые выступают в качестве средства прямого или образного отображение результатов народного опыта поморов в осмыслении мира своего обитания (Русского Севера), своего места в этом мире (Архангельского города и др.), своего предназначения в этом мире («морского сословия»). С помощью пословиц в прозе Б. В. Шергина репрезентируются духовные ценности, правила и нормы поведения поморов – всё то, что отличает их от всех иных коренных обитателей Русского Севера.

Лексико-фразеологическая репрезентация концептосферы Русского Севера, представленная в идиостиле Б. В. Шергина комплексом её основных макроконцептов, позволяет рассматривать художественную прозу писателя как центральный компонент Северного текста русской литературы, а в рамках концептуально-семантического пространства русского литературного языка – как классический

образец языкового отражения северного фрагмента русской национально-языковой картины мира.

Диссертационное исследование имеет ряд перспектив: 1) изучение текстов Б. В. Шергина других жанров для дополнения сведений о лексико-фразеологической системе писателя и определении роли поморского языка в идиостиле писателя; 2) разработка метаязыка словаря лексики и фразеологии художественной прозы Б. В. Шергина; 3) подготовка иллюстративного комментария к рассказам Б. В. Шергина для учащихся средней школы, способствующего пониманию текста писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Художественные тексты

1. Шергин, Б. Повести и рассказы / Б. В. Шергин ; [послесл. Ю. М. Шульман]. – Л. : Лениздат, 1984. – 495 с.

2. Шергин, Б. Поморские были и сказания / Б. Шергин // Сказы и сказки / Б. Шергин, С. Писахов ; вступ. ст. А. А. Горелов. – М. : Современник, 1983. – С. 5–188.

3. Шергин, Б. Изящные мастера : поморские былины и сказания / Б. Шергин ; сост., предисл. Ю. Галкин. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 430 с.

4. Шергин, Б. Древние памяти : поморские были и сказания / Б. Шергин ; вступ. ст. А. Нелепина. – М. : Художественная литература, 1989. – 557 с.

Литература. Словари.

1. Алтабаева, Е. В. Концепция замятинского текста и новые научные парадигмы / Е. В. Алтабаева, В. Е. Маясов // Проблемы лингвистической регионалистики. – 2013. – № 1(9). – С. 55–59.

2. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. – 208 с.

3. Антонова, Е.Н. Фразеология, аксиология, интертекстуальность русского поэтического текста (на примере идиолекта Ф.И. Тютчева) / Монография. / Е.Н. Антонова. М.: ГУЗ, 2021. – 200 с.

4. Ануфриев, В. В. Русские поморы: культурно-историческая идентичность : монография / В. В. Ануфриев ; Российский ин-т культурологии. – М. : Солти, 2008. – 159 с.

5. Ахманова, О. С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.

6. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте : структурно-семантический анализ : учеб.пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград : Изд-во КГУ, 1997. – 84 с.

7. Баталов, О. Г. Когнитивно-функциональный аспект окказионального словообразования в художественном тексте : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.04 / О. Г. Баталов. – Нижний Новгород, 2004. – 242 с.

8. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.

9. Белов, В. И. Лад: очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М. : Молодая гвардия, 1982. – 293 с.

10. Беляева, Л. В. Окказионализмы Ф. М. Достоевского : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. В. Беляева. – Л., 1990. – 221 с.

11. Бернштам, Т. А. Поморы : формирование группы и система хозяйства / Т. А. Бернштам. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.

12. Бредис, М. А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только / М. А. Бредис. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2019. – 296 с.

13. Булатов, В. Н. Русский Север : в 3 кн. / В. Булатов. – Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997–1999. – Кн. 3 : Поморье (XVI – начало XVIII в.). – 1999. – 333 с.

14. Валавин, В. Н. СловотворчествоМаяковского: опыт словаря окказионализмов : около 3500 слов / В. Н. Валавин. – М. : Азбуковник, 2010. – 621 с.

15. Винокур, Г. О. Об изучении языка литературных произведений / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 229–259.

16. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн ; пер с нем. Л. Добросельского. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 347 с.

17. Витов, М. В. Этнография Русского Севера / М. В. Витов. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – 194 с.

18. Власова, И. В. Этническая история и формирование населения Русского Севера / И. В. Власова // Этнопанорама. – 2005. – № 1–2. – С. 37–49.

19. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

20. Воробьева, О. И.Облигаторная модальность изображения моря и жизни поморов в художественном тексте Б. Шергина / О. И.Воробьева // Лингвистика и перевод :сб. науч. ст. и материалов. – Архангельск :Северный Арктический федеральный ун-т, 2021. – Вып. 8. – С. 32–38.

21. Галимова, Е. Ш. «Древний город Архангела» (Архангельск Бориса Шергина) / Е. Ш. Галимова // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография : в 2 т. / А. С. Антипина, Е. Ю. Ваенская, Е. Ш. Галимова [и др.] ; сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : Имидж-Пресс, 2017. – Т. 1. – С. 291–300.

22. Галимова, Е. Ш. Земля и небо Бориса Шергина : монография / Е. Ш. Галимова. – Архангельск : Поморский ун-т, 2008. – 219 с.

23. Галимова, Е. Ш. Книга о Шергине / Е. Ш. Галимова. – Архангельск : Северо-Западное книжное изд-во, 1988. – 127 с.

24. Галимова, Е. Ш. Образ-архетип моря в художественном пространстве Северного текста русской литературы / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 3. – С. 80–87.

25. Галимова, Е. Ш. Северный текст русской литературы как сверхтекст / Е. Ш. Галимова // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст : сб. / сост. А. Г. Лошаков, Л. А. Савёлова. – Архангельск : Соломбальская тип., 2010. – С. 8–15.

26. Галимова, Е. Ш.Северный текст русской литературы: методология исследования/ Е. Ш.Галимова // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография : в 2 т. / А. С. Антипина, Е. Ю. Ваенская, Е. Ш. Галимова [и др.] ; сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : Имидж-Пресс, 2017. – Т. 1. – С. 9–26.

27. Галимова, Е. Ш.Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш.Галимова // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2012. – № 1. – С. 121–129.

28. Галимова, Е. Ш. «У природы лик всегда живой…» (Земля, море и небо Бориса Шергина) / Е. Ш. Галимова // II Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России : сб. науч. ст. – Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 2006. – С. 140–155.

29. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е изд., стереотип. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.

30. Глотова, Е. А. Окказиональная деривация во фразеологии и индивидуально-авторские фразеологизмы / Е. А. Глотова // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Серия «Гуманитарные исследования». – 2019. – № 3(24). – С. 70–74.

31. Головачёва, О. А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н. С. Лескова : монография / О. А. Головачева. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 128 с.

32. Гольдин, В. Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики / В. Е. Гольдин // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2000. – Вып. 1. – С. 53–65.

33. Горелов, А. А. Поморское узорочье / А. А. Горелов // Сказы и сказки / Б. Шергин, С. Писахов. – М. : Современник, 1983. – С. 6–15.

34. Горелов, А. А. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина / А. А. Горелов // Повести и рассказы / Б. Шергин. – Л. : Лениздат, 1984. – С. 3–9.

35. Григорьев, В. П. Грамматика идиостиля : В. Хлебников / В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1983. – 225 с.

36. Гюббенет, И. В. К вопросу о «глобальном» вертикальном контексте / И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1980. – № 6. – С. 97–102.

37. Дегтярёва, В. С. Борис Шергин: генезис литературного творчества / В. С. Дегтярёва. – М. : Спутник+, 2003. – 56 с.

38. Дегтярёва, В. С.Лексика арктического мореплавания как жанрообразующий фактор в сказах Б. Шергина /В. С. Дегтярёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018а. – № 2–1(80). – С. 71–73.

39. Дегтярёва, В. С.«Поморьска говоря» в сказах Б. Шергина / В. С.Дегтярёва // Русский язык в школе. – 2016. – № 10. – С. 44–47.

40. Дегтярёва, В. С.Эпидиктические сказы Б. Шергина: лингвостилистический аспект / В. С.Дегтярёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018б. – № 2-2(80). – С. 309–311.

41. Джаксон, Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах / Т. Н. Джаксон // Культура Русского Севера. – Л. : Наука, 1988. – С. 58–66.

42. Дмитриевская, Л. Н. Словесная живопись в русской прозе XIX – начала XX вв. :дис. … д-ра филол. наук : 10.01.01 / Л. Н. Дмитриевская. – М., 2013. – 354 с.

43. Дранникова, Н. В. Собирание фольклора Архангельской области на протяжении XIX – XX вв. / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Фольклор Севера: Региональная специфика и динамика развития жанров: исследования и тексты : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Дранникова, А. В. Кулагина. – Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 1998. – С. 5–18.

44. Дымченко, А. С.Историческая проза о петровской эпохе в архангелогородском локальном тексте (романы «Пётр Первый» А. Н. Толстого и «Россия молодая» Ю. П. Германа) /А. С.Дымченко // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 154–158.

45. Дюжев, Ю. Б. В. Шергин / Ю. Дюжев // История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX в. : монография. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2002. – С. 174–200.

46. Егоров, Б. М. Тайны Бориса Шергина / Б. М. Егоров // Культурное наследие Бориса Шергина и Евгения Коковина : материалы V Межрегион. Шергинских чтений, посвящ. 125-летию Б. В. Шергина и 105-летию Е. С. Коковина, Архангельск, 17–18 апреля 2018 г. / сост. Т. С. Рудная. – Архангельск : МУК «Город Архангельск», 2018. – С. 42–46.

47. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1957. – 448 с.

48. Ефимов, А. И. ЯзыксатирыСалтыкова-Щедрина / А. И. Ефимов. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1953. – 496 с.

49. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб.пособие / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.

50. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике / А.А. Зализняк. – М.: Русский Мір, 2010. – 240 с.

51. Захарова, Н. Н. Архангельский север в древнескандинавской литературе / Н. Н. Захарова // Поморские чтения по семиотике культуры : сб. науч. ст. – Архангельск : Поморский ун-т, 2011. – Вып. 5 : Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. – С. 421–428.

52. Земская, Е. А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании / Е. А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы Республ. науч. конф., 12–15 сентября 1972 г. : в 2 ч. / Самаркандский гос. ун-т им. А. Навои ; отв. ред. А. Н. Тихонов. – Самарканд, 1972. – Ч. 1. – С. 19–28.

53. Зотова, Е. М. Коммуникативно-когнитивная организация художественной картины мира в рассказах Бориса Викторовича Шергина : монография / Е. М. Зотова. – Архангельск : Северный гос. мед.ун-т, 2013. – 135 с.

54. Зотова, Е. М.Коммуникативно-когнитивная организация языковой картины мира Б. В. Шергина : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. М. Зотова. – Архангельск, 2010. – 164 с.

55. Зотова, Е. М.Концепт Поморье в художественной картине мира северного писателя Бориса Шергина / Е. М.Зотова // Бюллетень Северного гос. мед. ун-та. – 2007а. – № 1. – С. 59–60.

56. Зотова, Е. М.Концептуализация природного пространства Море в художественной картине мира Б. Шергина / Е. М.Зотова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Л. Грейдина. – М. ; Пятигорск : ПГЛУ, 2010 а. – С. 214–218.

57. Зотова, Е. М.Концептуализация пространства Поморье в художественной картине мира Б. Шергина / Е. М.Зотова // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2007 б. – № 4. – С. 86–90.

58. Зотова, Е. М.Нравственные и культурные ценности поморов в коммуникативной направленности северного текста Б. В. Шергина/Е. М.Зотова // Актуальные проблемы коммуникации и культуры – 13 : сб. науч. тр. – М. ; Пятигорск : ПГЛУ, 2011. – С. 236–240.

59. Зотова, Е. М.Особенности коммуникативной организации текстов Б. В. Шергина /Е. М.Зотова // Актуальные проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации : сб. ст. – Архангельск : Архангельский гос. техн. ун-т, 2009. – С. 84–88.

60. Зотова, Е. М.Пространственно-временная система образа Поморья в художественной картине мира Бориса Шергина / Е. М.Зотова // Вестник Поморского ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2010 б. – № 8. – С. 195–197.

61. Иванов, Е. Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке / Е. Е. Иванов // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 157–170.

62. Иванов, Е. Е. Афоризм как объект лингвистики: основные признаки / Е. Е. Иванов // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 659–706.

63. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Филология». – 2010. – №4(12). – С. 24–32.

64. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности : монография / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.

65. Игнатьева, Т. В. Языковая игра в художественной литературе : на материале русской прозы XX века : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Игнатьева. – Рязань, 2012. – 188 с.

66. Измайлов, Р. Р. Одухотворение повседневности: быт и бытие в дневниках Б. Шергина и мемуарной прозе С. Дурылина /Р. Р. Измайлов, С. В.Кекова // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 73–77.

67. Имаева, И. В.Сказка Б. В. Шергина как объект фольклорно-литературного взаимодействия / И. В.Имаева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 1. – С. 248–251.

68. Калуцков, В. Н. Север как культурно-географический регион / В. Н. Калуцков // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика : сб. ст. – Архангельск : Поморский ун-т, 2009. – С. 27–38. – (Поморские чтения по семиотике культуры. Т. 4)

69. Карасик, В. И. Языковая личность: аспекты изучения / В. И. Карасик // Язык и культура : материалы II Междунар. науч. конф., Москва, 17–21 сентября 2003 г. : тез.докл. – М., 2003. – С. 362–363.

70. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.

71. Катермина, В. В. Языковая личность автора в художественном тексте / В. В. Катермина // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 1(19). – С. 205–213.

72. Кекова, С. В. «Праведное слово» Бориса Шергина / С. В. Кекова, Р.Р. Измайлов // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 97–101.

73. Кибрик, А. А. Функционализм в лингвистике / А. А. Кибрик. – 2021. – URL : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_ – Дата обращения : 10.05.2021.

74. Киклевич, А. К. Двенадцать функций языка / А. К. Киклевич // Мир русского слова. – 2009. – № 3. – С. 5–13.

75. Коваль, Ю. Веселье сердечное (Воспоминания о Б. В. Шергине) / Ю. Коваль // Опасайтесь лысых и усатых : повесть, рассказы / Ю. Коваль. – М., 1993. – С. 268–297.

76. Колесов, В. В. «Первосмысл» концепта / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия «Язык и литература». – 2018. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 438–452.

77. Колодкина, Е. Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Н. Колодкина. – Калинин, 1986. – 187 с.

78. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – 4-е изд. – М. : Либроком, 2010. – 152 с.

79. Комкова, Н.И. Концепт «смерть» в прозе Б. В. Шергина: особенности репрезентации / Н.И. Комкова // Когнитивные исследования языка. 2021 а. № 3 (46). – С. 354–357

80. Комкова, Н.И. Концептосфера прозы Б. В. Шергина: Особенности репрезентации / Н.И. Комкова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет).– 2020 а. № 1 (69). – С. 163-176.

81. Комкова, Н.И. Лексические средства репрезентации концепта «мастер» в прозе Б. В. Шергина / Н.И. Комкова // Когнитивные исследования языка. – 2020 б. – № 2 (41). – С. 236–239.

82. Комкова, Н.И. Локальный концепт «море» в прозе Б. В. Шергина: особенности репрезентации / Н.И. Комкова // Когнитивные исследования языка. – 2020 в. – № 3 (42). – С. 376 – 380.

83. Комкова, Н.И. Паремии в роли заглавия художественного произведения (на материале рассказов Б. В. Шергина) / Н.И. Комкова // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей / редкол.: Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019а. –С. 198-201.

84. Комкова, Н.И. Самобытность жизни и культуры поморов на примере героев рассказов Б. В. Шергина / Н.И. Комкова // Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной

коммуникации: коллективная монография. Часть 2. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020 г. – С.62-72.

85. Комкова, Н.И. Функционирование библеизмов в прозе Б. В. Шергина / Н. И. Комкова, О.В. Ломакина // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (VII Бодуэновские чтения): Труды и материалы. Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. –Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019 б. – С. 143-147.

86. Комкова, Н. И. Функционирование окказионализмов в прозе Б. В. Шергина / Н. И. Комкова // Перспективные направления современной лингвистики : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Воробьёва, Д. С. Сканарёва, М. Л. Новиковой. – М.: РУДН, 2020 д. – С. 109–119.

87. Комкова, Н.И. Функционирование паремиологии нравствен-ной тематики в прозе Б. В. Шергина/ Н. И. Комкова, О.В. Ломакина // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2020 е. – № 4. – С. 66-69.

88. Комкова, Н.И. Функционирование примет в прозе Б. В. Шергина / Н. И. Комкова // Фразеология и паремиология в диахронии и синхронии (от архаизации к неологизации): материалы Международной научно-практической конференции (г. Кострома, 24-25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. – Кострома: Костромской государственный университет, 2020 ё. – С. 144-145.

89. Комкова, Н.И. Цитация и псевдоцитация как черта языковой личности (на примере прозы Б. В. Шергина) / Н.И. Комкова // Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки: материалы VII Международной научно-практической конференции. (г. Уфа, 23 апреля 2020 г.) / отв. ред. Ф.Г. Фаткуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021 б. – С. 138-146.

90. Королёва, И.А. Топонимы как свернутый лингвокультурный код / И.А. Королёва // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2015. – № 8.– С. 31–38.

91. Королькова, А.В. Афористика и жанры художественной литературы / А.В. Королькова // Известия Смоленского государственного университета. – 2012. № 2 (18).– С. 51-60.

92. Кошелев, В. А. «Северный текст» в русской словесности / В. А. Кошелев // Северный текст в русской культуре : материалы Междунар. науч. конф., Северодвинск, 25–27 июня 2003 г. – Архангельск : Поморский ун-т, 2003.

93. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1996. – 159 с.

94. Криничная, Н. А. Предания Русского Севера : [исследования и тексты] / Н. А. Криничная. – СПб. : Наука, 1991. – 325 с.

95. Культура Русского Севера : материалы конференции «Пути сохранения культурного наследия Русского Севера», Архангельск – Пинега – Каргополь, 28–30 октября 2009 г. – М. : Ин-т Наследия, 2009. – 201 с.

96. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, 1996. – 381 с.

97. Лавринова, Н. Н. Культурологический аспект изучения теорий языковой личности / Н. Н. Лавринова // Аналитика культурологи. – 2007. – № 7. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskiy-aspekt-izucheniya-teoriy-yazykovoy-lichnosti – Дата обращения : 01.04.2021.

98. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание : учеб.пособие / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – С. 125–149.

99. Леденёва, В. В. Слово Лескова : монография / В. В. Леденёва. – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 259 с.

100. Лихачёв, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачёв. – М. : Колибри, 2014. – 302 с.

101. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3–9.

102. Ломакина, О. В. Заглавие-паремия как способ выражения авторской позиции в художественном тексте (на материале народных рассказов Л. Н. Толстого) / О. В. Ломакина // Вестник Орловского гос. ун-та. Серия «Новые гуманитарные исследования». – 2010. – № 3 (11). – С. 126–130.

103. Ломакина, О. В. Писательский метаязыковой комментарий и его роль в понимании текста (на примере произведений русской литературы XIX в.) / О. В. Ломакина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 130–137.

104. Ломакина, О. В. Проблемы изучения языковой личности Л. Н. Толстого в когнитивном аспекте / О. В. Ломакина // Текст и языковая личность : материалы V Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, 26–27 октября 2007 г.) / под ред. Н. С. Болотновой. – Томск: ТЦНТИ, 2007. – С. 206–209.

105. Ломакина, О. В. Фразеоконтекст: от теории изучения к практике интерпретации / О. В. Ломакина // Филология и культура. – 2015. – № 4(42). – С. 92–97.

106. Ломакина, О. В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л. Н. Толстого / О. В. Ломакина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – Вып. 37. – С. 780–785.

107. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / О. В. Ломакина. – М. : РУДН, 2018. – 341 с.

108. Ломакина, О. В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. В. Ломакина. – СПб., 2015. – 390 с.

109. Лопатин, В. В. Рождение слова : неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973 – 152 с.

110. Лотман, Ю. М. Символические пространства / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры : Кошелев, 1996. – С. 255–311.

111. Лотман, Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 1998. – С. 149–162 с.

112. Лошаков, А. Г. Сверхтекст и Северный текст русской литературы / А. Г. Лошаков // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография : в 2 т. / А. С. Антипина, Е. Ю. Ваенская, Е. Ш. Галимова [и др.] ; сост.,

отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : Имидж-Пресс, 2017. – Т. 1. – С. 26–57.

113. Лыков, А. Г. Современнаярусскаялексикология (русскоеокказиональноеслово) : учеб. пособие / А. Г. Лыков. – М. : Высшая школа, 1976. – 119 с.

114. Максимов, С. В. Год на Севере / С. В. Максимов ; [вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. Плеханова]. – Архангельск : Северо-Западное книжное изд-во, 1984. – 605 с.

115. Максимчук, Н.А. Микротопонимы и топонимический словарь как источник изучения регионального компонента русской языковой личности / Н.А. Максимчук // Поливановские чтения. – 2016. – № 11.– С. 157-159.

116. Медкова, В. А., Минералова, И. Г.Сказ как стилеобразующий фактор в творчестве Б. В. Шергина // В. А. Медкова, И. Г.Минералова // Художественная словесность: теория, методология исследования, история : колл. монография : Т. 2 / под ред. И. Г. Минераловой. – М. : Литера, 2019. – С. 145–153.

117. Меднис, Н. Е. Сверхтексты в русской литературе : учеб. пособие / Н. Е. Меднис. – Новосибирск : НГПУ, 2003. – 170 с.

118. Мелерович, А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка : монография / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.

119. Мелютина, М. Н. Творцы и хранители этнокультурного наследия Севера / М. Н. Мелютина, Н. М. Теребихин // Наследие. – 2013. – № 3. – С. 58–77.

120. Минералова, И. Г. Детская литература : учеб. пособие / И. Г. Минералова. – М. : Владос, 2002. – 174 с.

121. Минералова, И. Г. Живописание словом в сказовой прозе Бориса Шергина / И. Г. Минералова, В. А.Медкова // Мировая словесность для детей и о детях : материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26–27 июня 2018 г. / Московский пед. гос. ун-т. – М., 2019. – С. 45–54.

122. Минералова, И. Г. Становление стиля Б. В. Шергина и его творческая деятельность / И. Г. Минералова, В. А.Медкова // Книга в культуре детства : мо-

нография : Т. 2 / науч. ред. И. Г. Минералова, Н. Д. Жукова. – М. : Литера, 2018. – С. 14–36.

123. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология : учеб. пособие / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1980. – 207 с.

124. Морозова, О. Е.Картина мира Б. В. Шергина (на материале сравнений) / О. Е.Морозова // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 1. – С. 67–72.

125. Неверович, Г. А.«Слово на пользу» Б. В. Шергина (для тех, кто готовится работать с детьми) / Г. А.Неверович // Образование в современной школе. – 2013. – № 1. – С. 31–36.

126. Никитина, М. В.Пространственно-временные характеристики образа архангельского севера в дневниках Б. В. Шергина / М. В.Никитина // Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография : в 2 т. / А. С. Антипина, Е. Ю. Ваенская, Е. Ш. Галимова [и др.] ; сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : Имидж-Пресс, 2017. – Т. 1. – С. 224–230.

127. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. А. Николина. – М. : Academia, 2003. – 254 с.

128. Озерова, Е.Г. Дискурсивное пространство художественного текста Бориса Васильева/ Е.Г. Озерова, Е.С. Казютина, И.А. Лютых // Гуманитарные исследования.– 2020. – № 2 (74).– С. 106-111.

129. Перцова, Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / Н. Н. Перцова. – М. ; Vien : Hansen-Liove, 1995. – 557 с.

130. Перцова, Н. Н. Словотворчество Велимира Хлебникова / Н. Н. Перцова. – 2-е изд. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2012. – 188 с.

131. Петров, А. В.Топонимы как выразительное средство в Северном тексте / А. В.Петров // Филологическая регионалистика. – 2010. – № 1–2(3–4). – С. 48–53.

132. Петухов, С. Циклизация прозы Шергина / С. Петухов // Наследие Бориса Шергина : сб. ст. – Архангельск : Поморский ун-т, 2004. – С. 38–51.

133. Попов, Р. В. Регионализмы в северном тексте Б. Шергина и С. Писахова (поиск оптимальных путей изучения этих лексем на уроках литературы) / Р. В. Попов, А. И.Трифан // Вестник науки. – 2018. – Т. 2. – № 5(5). – С. 39–44.

134. Пришвин, М. М. За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии / М. М. Пришвин. – Петрозаводск : Карелия, 1987. – 701 с.

135. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 170 с.

136. Ревзина, О. Г. ПоэтикаОкказиональногоСлова / О. Г. Ревзина // Язык-как-творчество : сб. науч. тр. к 70-летию В. П. Григорьева / редкол.: З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева. – М. : Ии-т русского языка РАН, 1996. – С. 303–308.

137. Савенкова, Л. Б. Русские паремии как функционирующая система : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону, 2002. – 48 с.

138. Северный текст в русской культуре : материалы Междунар. науч. конф., Северодвинск, 25–27 июня 2003 г. / сост.: Н. И. Николаев, Т. В. Швецова. – Архангельск : Поморский ун-т, 2003. – 272 с.

139. Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера : монография : в 2 т. / А. С. Антипина, Е. Ю. Ваенская, Е. Ш. Галимова [и др.] ; сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова, А. Г. Лошаков. – Архангельск : Имидж-Пресс, 2017. – Т. 1. – 389 с.

140. Семененко, Н. Н. Русская пословица как предмет лингвокультурологического анализа / Н. Н. Семененко // Фразеология – 2000 : материалы всеросс. науч. конф. – Тула : Изд-во ТГПУ имени Л. Н. Толстого, 2000. – С. 101–103.

141. Сидорова, Т. А.Особенности когнитивного стиля Б. Шергина (на примере концептуализации образа моря) / Т. А.Сидорова // Русский язык в школе. – 2020. – Т. 81. – № 1. – С. 73–81.

142. Сидорова, Т. А. Языковая картина мира поморов в художественно-эстетической системе Б. Шергина / Т. А. Сидорова // Языковая картина мира по-

моров : колл. монография / Н. В. Дранникова [и др.] ; редкол.: Т. А. Сидорова (отв. ред.) [и др.]. – Архангельск : Поморский ун-т, 2010. – С. 342–359.

143. Солженицын, А. И. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. – 3. изд. – М. : Русский путь, 2000. – 270 с.

144. Степашкина, Е. С.Окказиональное слово в публицистике А. И. Солженицына : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Степашкина. – Коломна, 2014. – 241 с.

145. Суматохина, Л. В. «…Он напишет русского Уленшпигеля» (неизвестные письма Б. В. Шергина и В. Я. Зазубрина М. Горькому) / Л. В. Суматохина // Литературная учёба. – 2014. – № 1. – С. 169–170.

146. Суматохина, Л. В.Максим Горький о воплощении национального характера как особом типе литературного героя / Л. В.Суматохина // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 15–18.

147. Сычева, Е. Н. Соматизмы в поэтических текстах Ф. И. Тютчева и в составе фразеологических единиц / Е.Н. Сычева // Вестник Брянского гос. ун-та. – 2012. – № 2 (1). – С. 289–293.

148. Теребихин, Н. М. Теософия и этнокультурные ландшафты народов Баренцева Евро-Арктического региона / Н. М. Теребихин // II Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 2. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера России : сб. науч. ст. – Архангельск : Изд-во Поморского ун-та, 2006. – С. 68–82.

149. Торсуева, И. Г. Контекст / И. Г. Торсуева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : БРЭ, 1998. – С. 238–239.

150. Тулаева, С. А. Поморская идея: возникновение и развитие / С. А. Тулаева // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 4. – С. 5–17.

151. Фархутдинова, Ф. Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях / Ф. Ф. Фархутдинова // Фразеология – 2000 : материалы всеросс. науч. конф. – Тула : Изд-во ТГПУ имени Л. Н. Толстого, 2000. – С. 100–101.

152. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – 2-е изд., испр. – М. : URSS, 2006. – 280 с.

153. Фельдман, Н. И. Окказиональные слова и лексикография / Н. И. Фельдман // Вопросы языкознания. – 1957. – № 4. – С. 64–73.

154. Фесенко, Э. Я.«Белая ночь» Няндорска в «непомерном мире» Леонида Леонова / Э. Я.Фесенко // Вестник Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 5. – С. 103–106.

155. Филд, Дж. Психолингвистика: ключевые концепты : энциклопедия терминов с английскими эквивалентами / Дж. Филд ; пер. с англ. И. В. Журавлёв, Ю. Э. Леви. – М. : URSS, 2012. – 343 с.

156. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Икар, 2007. – 478 с.

157. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 436 с.

158. Ханпира, Э. И.Окказиональное словообразование В. В. Маяковского : дисс. … канд. филол. наук : 10.00.00 / Э. И. Ханпира. – М., 1966. – 277 с.

159. Хорькова, М. В.Своеобразие сказок Бориса Шергина / М. В.Хорькова // Филология и человек. – 2010. – № 2. – С. 157–162.

160. Чагина, О. А.Диалектная лексика в произведениях Бориса Шергина / О. А.Чагина // Говор. – 1996. – № 18. – С. 35–42.

161. Черемисинова, Л. И.«Сон богородицы» в записи Б. В. Шергина / Л. И.Черемисинова // Известия Саратовского ун-та. Серия «Филология. Журналистика». – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 325–330.

162. Чернец, Л. В. Введение в литературоведение : Литературное произведение: основ. понятия и термины : учебник / Л. В. Чернец [и др.]. – М. : Высшая школа ; Академия, 1999. – 555 с.

163. Шабаев, Ю. П. Русский Север и Поморье в символическом и культурном ландшафте европейского Севера РФ и в этнополитике / Ю. П. Шабаев // Человек. Культура. Образование. – 2016. – № 1(19). – С. 170–193.

164. Шабаев, Ю. П. Поморский диспут / Ю. П. Шабаев, М. Ю. Задорин // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2012 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. – М. : ИЭА РАН, 2013. – С. 177–181.

165. Шергин, Б. В. Жизнь живая : [Из дневников разных лет] / Б. В. Шергин. – М. : Патриот, 1992. – С. 173.

166. Шергин, Б. В. Из дневников 1942–1953 гг. / Б. В. Шергин // Изящные мастера / Б. В. Шергин ; сост. Ю. Галкин. – М., 1990. – С. 315–428.

167. Шергин, Б. Праведное солнце. Дневники разных лет / Б. Шергин ; сост. А. В. Грунтовский. – СПб. : Библиополис, 2009. – 654 с.

168. Шергин, Б. В. Собрание сочинений : в 4 т. / Б. В. Шергин ; сост.: Ю. М. Шульман. – М. : Москвоведение, 2014. – Т. 3 : Дневник: 1939–1970. – 493 с.

169. Шмелёв, Д. Н. Об анализе языка художественного произведения / Д. Н. Шмелёв // Вопросы литературы. – 1958. – № 7. – С. 109–128.

170. Шмелёв, Д. Н. Современный русский язык : лексика : учеб. пособие / Д. Н. Шмелёв. – М. : Просвещение, 1977. – 336 с.

171. Шмидт, Н. З. Городской текст в поэзии русского модернизма : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. З. Шмидт. – М., 2007. – 199 с.

172. Шульман, Ю. М. Запечатленная душа (очерк жизни и творчества Бориса Шергина) / Ю. М. Шульман. – М. : Фонд Бориса Шергина, 2003. – 286 с.

173. Шульман, Ю. М. «Моё упование в красоте Руси»: Б. В. Шергин (1893–1973) / Ю. М. Шульман // Повести и рассказы / Б. В. Шергин ; [послесл. Ю. М. Шульман]. – Л. : Лениздат, 1984. – С. 477–491.

174. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность : сб. работ / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 427 с.

175. Щуров, Г. С. Очерки истории культуры Русского Севера (988–1917) / Г. С. Щуров. – Архангельск : Правда Севера, 2004. – 551 с.

176. Эдельман, Д. И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков) / Д. И. Эдельман. – М. : Наука, 1968. – 112 с.

177. Эпштейн, М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. – СПб. : Алетейя, 2001. – 334 с.

178. Юрина, Е. А. Образный строй языка / Е. А. Юрина. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. – 156 с.

179. Языковая картина мира поморов : колл. монография / Н. В. Дранникова [и др.] ; редкол.: Т. А. Сидорова (отв. ред.) [и др.]. – Архангельск : Поморский ун-т, 2010. – 369 с.

180. Якобсон, Р. О. Язык и бессознательное / Р. О. Якобсон ; пер. с англ., фр. К. Голубович [и др.] ; сост. К. Голубович, К. Чухрукидзе. – М. : Гнозис, 1996. – 245 с.

Лексикографические источники

1. Архангельский областной словарь: вып. 1–19 / под ред. О. Г. Гецовой. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1996–2019.– *АОС*

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 607 с. – *Ахманова*

3. Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка : около 5000 единиц : в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ ; Greifswald : E.-M.-A.-Univ., Inst. für Slawistik, 2008–2009. – Т. 1 : А–М. – 2008. – 656 с. ; Т. 2: Н–Я. – 2009. – 736 с. – *БСКСВРЯ*

4. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.– *БТСРЯ*

5. Гемп, К. П. Словарь поморских речений / К. П. Гемп // Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / К. П. Гемп. – 2-е изд., доп. – М. : Наука ; Архангельск : Поморский ун-т, 2004. – С. 275–568.

6. Даль, В. Пословицы русского народа : сборник : в 3 т. / В. Даль. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 1–3.– *Даль*

7. Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта, 2016. – 2-е изд. – 840 с. - *Дубровина*

8. Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 453 с.– *Дуров*

9. Козинец, С. Б. Словарь окказионализмов русского языка / С. Б. Козинец. – М. : Флинта, 2019. – 220 с.

10. Козинец, С. Б. Словарь окказионализмов русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв. / С. Б. Козинец, А. С. Мигурский. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – 298 с.

11. Лепта библейской мудрости : библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авт.-сост.: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С.Гутовская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с.– *Лепта*

12. Меркурьев, И. С. Живая речь кольских поморов / И. С. Меркурьев ; науч. ред. Б. Л. Богородский. – Мурманск : Книжное изд-во, 1979. – 184 с. – *Меркурьев*

13. Михельсонъ, А. Д. Объясненіе 25 000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ в употребленіе в русскій языкъ, с означеніемъ их корней / составилъ по словарямъ: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и другихъ, Михельсонъ. – М. : Изданіе книгопродавца А. И. Манухина, 1865. – 718 с. – *Михельсон*

14. Моисеев, И. И. Поморьска говоря : краткий словарь поморского языка / И. И. Моисеев. – Архангельск : Поморское Возрождение, 2005. – 138 с. – *Моисеев*

15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений : большой объяснительный словарь : более 45000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008а. – 798 с.– *Мокиенко, Никитина 2008 а*

16. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок : более 40000 образных выражений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 783 с.– *Мокиенко, Никитина 2008*

17. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц : около 70000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1023 с.– *БСРП*

18. Мокиенко, В. М. «Горе от ума» А. С. Грибоедова : цитаты, литературные образы, крылатые выражения / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2009. – 463 с.– *Мокиенко*

19. Мокиенко, В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во СПбГУ ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с. – *СКВП*

20. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : около 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 9-е изд., испр. и доп. – М. : Сов. энциклопедия, 1972. – 847 с.– *СО*

21. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1992. – 955 с.– *СОШ*

22. Подвысоцкій, А. И. Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи / собралъ на мѣстѣ и составилъ А. Подвысоцкій. – СПб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1885. – 197 с.– *Подвысоцкий*

23. Поморская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Н. П. Лавёров. – Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001–2016. – Т. 4 : Культура Архангельского Севера / гл. ред. Т. С. Буторина. – 2012. – 663 с.

24. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : БРЭ ; Дрофа, 1997. – 703 с.

25. Самойлов, К. И. Морской словарь : в 2 т. / К. И. Самойлов. – М. ; Л.: Военмориздат, 1939–1941. – Т. 1 : А–Н. – 1939. – 656 стб. ; Т. 2 : О–Я. – 1941. – 644 стб. – *Самойлов*

26. Словарь архаизмов русского языка. – 2008. – URL : http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/archaisms/index.htm / – Дата обращения : 21.03.2021.

27. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1 : А–Й. – 1981. – 696 с. ; Т. 2 :

К–О. – 1982. – 736 с. ; Т. 3 : П–Р. – 1983. – 750 с. ; Т. 4 : С–Я. – 1984. – 782 с. – *МАС*

28. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. / сост. Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ ; Астрель ; Харвест ; Lingua, 2005–2006. – Т. 1 : А–Л. – 1168 с. ; Т. 2 : М–П. – 1168 с. ; Т. 3 : Р–Я. – 976 с. – *Ефремова*

29. Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля : т. 1–4. – 4-е изд., испр. и доп. / подъ ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – СПб. ; М. : Т-ва М. О. Вольфъ, 1911–1912.– *ТСД*

30. Толковый словарь русского языка : т. 1–4 / сост. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.] ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энциклопедия, 1935–1940. – Т. 1 : А – Кюрины. – 1934. – IXXVI, 1562 стб. ; Т. 2 : Л – Ояловеть. – 1938. – 1040 стб. ; Т. 3 : П – Ряшка. – 1939. – 1424 стб. ; Т. 4 : С – Ящурный. – 1940. – 1500 стб. – *ТСУ*

31. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва ; ред. и предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М.: Астрель, 2007. – Т. 1: А – Д. - 588 с.; Т. 2: Е – Муж. - 671 с.; Т. 3: Муза – Сят. – 830 с.; Т . 4: Т – Ящур. – 860 с. – *Фасмер*

32. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.– *ФСРЛЯ*

33. Шергин, Б. В. Словарь поморских и специальных слов и выражений, объяснение собственных имён и названий / Б. В. Шергин // Шергин, Б. В. Повести и рассказы; [послесл. Ю. М. Шульман]. – Л. : Лениздат, 1984. – С. 464–476.– *Шергин*